

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№ 28

ТАМБОВ • 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6я4
Т17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ № 28

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России
Издаётся с 2005 года

Главный редактор

Мещеряков Ю. А. (Тамбов), *секретарь Союза писателей России, председатель правления Тамбовского регионального отделения.*

Редакционная коллегия

- Аршанский В. С. (Мичуринск), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области.*
- Бережной С. А. (Белгород), *секретарь Союза писателей России, главный редактор альманаха «Пересвет».*
- Беридзе Ю. В. (Москва), *член Союза писателей России, главный редактор газеты «Российская кооперация».*
- Дорожкина В. Т. (Тамбов), *член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор ТГУ имени Г. Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова.*
- Желтова Н. Ю. (Тамбов), *литературовед, доктор филологических наук, профессор.*
- Знобищева М. И. (Тамбов), *член Союза писателей России, литературовед, кандидат филологических наук.*
- Иванов Г. В. (Москва), *первый секретарь Правления Союза писателей России, председатель исполкома Международной литературной премии имени Сергея Есенина.*
- Кочуков С. К. (Тамбов), *член Союза писателей России, Почётный гражданин Тамбовского района.*
- Курбатова Т. Л. (Тамбов), *член Союза писателей России, руководитель литературного объединения «Радуга».*
- Луканкина Е. Л. (Тамбов), *член Союза писателей России.*
- Лютый В. Д. (Воронеж), *член Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём».*
- Николаева А. Н. (Тамбов), *член Союза писателей России, кандидат исторических наук.*
- Пешкова С. Н. (Липецк), *член Союза писателей России, руководитель Липецкого регионального отделения СМЛ.*
- Пронина Л. А. (Тамбов), *доктор философских наук, профессор, директор Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.*

ISBN 978-5-907349-86-5

ISBN 978-5-907349-86-5

9 785907 349865 >

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

* * *

Уходит солнце по реке,
играя золотом и зыбью,
как благодарность – как «спасибо» –
земному дню в одной строке.
И этим словом всё сказать,
как будто словом человека.
Луна едва открыла веко,
а солнце начинает спать.
Густеет сумеречный дым,
и ускользает отблеск света,
как близкой осени примета,
как всё, что кажется твоим.

Елена ЛУКАНКИНА

Анатолий ГОНЧАР

Портрет на фоне века

Главы из повести

*Повесть написана на основе воспоминаний
участника Великой Отечественной войны
Гончарука Николая Михайловича и его матери
Анны Осиповны Гончарук*

Глава 1

Немец наступал.

Через деревеньку Головачи, что близ Гродно, в которой проживал со своей семьёй дед Осип по фамилии Хмара, потянулись от границ обозы с беженцами. Сам Осип долго не решался покинуть родные края, а когда решился, первым делом поговорил с женой. Та перечить не стала.

– Что нам под немцем горе мыкать. Лучше уж дом оставить, чем голову потерять, – благо разумно рассудила она.

Напоследок, перед тем как пуститься в дальний путь, захотелось Осипу проведать своего свата Гончарука Демьяна, жившего неподалёку – в деревеньке Пыра. Проведать и с собой позвать, вдруг тот согласится? Всё ж сподручнее двум мужикам, хоть и в возрасте, в обозе-то идти. И куда веселее...

Демьян приезде свата обрадовался несказанно. Выставил на стол снедь – всю, что в доме имелась: из погреба яблоки мочёные достал, капусту квашеную, с потолка снял коляску колбасы в жире, свином, застывшем, сохраняемую, хлеба добрый ломоть отрезал, лук положил, картофель вёчерошний в чугунке перед гостем поставил.

Неспешно перекусив и поговорив о том о сём, Осип перешёл к главному:

– Мы это, значит, того, надумали, значит... немец близко уже, вот мы и решили: уходить надо из-под немца-то, добра-то от него не жди. Как ты-то думаешь?

– А что мне думать, когда сыны все из дому ушли? – Демьян помрачнел от нахлынувших дум. – Немец, он и есть немец, нашему языку не обученный, кто знает, что от него ждать? Хорошего точно не будет. И что собрались в дорогу – правильно решили. – И вдруг неожиданно спросил: – Антошу, брата моего двоюродного, знаешь?

Осип кивнул.

– Так вот, он со своей семьёй ещё позавчера на восток укатил, со всем скарбом, – пояснил Демьян начатый разговор о двоюродном брате.

– Весь скарб не довезёт, – задумчиво покачал головой Осип.

– Я ему тоже так сказал, – Демьян собрал ладонью рассыпавшиеся по столу крошки хлеба и закинул в рот.

– И что? – спросил Осип и вновь потянулся к съестному.

– Да мои советы с него как с гуся вода, – чувствовалось, что Демьян на брата слегка обиделся. – Он только рукой махнул, говорит: мол, может, далече и ехать не придётся.

Осип повертел в руках кусок колбасы, но откусывать не стал, целым положил обратно на стол.

– Далече, может, и не придётся, – вздохнул он, – так всё одно, пока туда, пока обратно, легче наново нажать будет. Сколь их, тех пожиток-то? Одно женское барахло.

– Точно, – согласился Демьян. – Всё бабье, чашки, ложки, поварёшки. Много ли нам, мужикам, надо? Хата б цела осталась да лошадка, а руки у нас всегда с собой. И забор подправят, и поле вспашут. Было бы здоровье. Руки всё делают.

– А голова помогает, – добавил Осип. Не удержавшись, всё же закинул злосчастный колбасный кусок в рот и принялся медленно жевать. Колбаска у свата была хороша: пряная, в меру солёная и слегка отдававшая дымком, не такая, конечно, вкусная, как готовила его жёнушка, но недурна, совсем недурна. Вспомнив о хранившейся на потолке кадке с залитой жиром колбасой, Осип вздохнул – это когда теперь у них появится возможность сделать новые колбасные запасы? Могут и годы пройти – война кругом. Значит, разор и бедность. Тут бы с голоду не помереть, не то что колбаской лакомиться.

Меж тем разговор продолжался.

– Голова хороша, если не дурная, – справедливо заметил Демьян. – Эээх, я бы и сам от немца утёк. Да лета не те. Несподручно, в одиночку-то.

– Это почему в одиночку? – вмиг обиженно взъерошился Осип. – А мы на что? Я ж для того к тебе и прикатил, чтобы с нами собирался. И не перечь. Сам рассуди, если с тобой здесь что случится? Перед Михаилом, зятем моим, как оправдываться стану? Как в глаза глядеть?

– А что, вот возьму и поеду, – неожиданно легко согласился Демьян. – Я в одиночестве вдовствую, дети разбежались, кто на фронте, кто по заработкам в град Петра подался. Да у меня тут почитай самой близкой роднёй сваты только и остались. Поеду с вами, обязательно поеду, вот сегодня в Петроград Алексашке своему пись-

мо напишу, где, значит, искать нас сообщу, и готов по свету шляться. А Александр письмецо моё получит и с Михаилом весточками обменяется.

– Мы тоже решили – в Петроград отписать. – Осип отёр жирные пальцы о лежавшую на столе узорчатую салфетку и начал вставать из-за стола. – Благодарствую за угощение, но пора и честь знать. – И пояснил: – В дорогу поклажа не собрана, дела ждут. Да и ты не затягивай, с вечера пожитки подготовь, чтобы с утра времени не терять, пораньше выехать.

– Так и быть, – твёрдо заверил Демьян, – скоренько с утра буду. Ждать не придётся.

Возвращаясь в Головачи, Осип не торопил лошадь, и она, медленно перебирая копытами, брела по знакомым местам, выбирая путь без всяких поворотов. Сам же Осип со щемящей болью в груди обводил взглядом округу. Он прощался с родными краями, а надолго ли, нет ли, того тогда не ведал никто.

Демьян Гончарук прибыл к своим сватьям, как и обещал, рано поутру. Помог погрузить на телеги пожитки, усадил сноху Анну с внучкой Машей на специально для них устланное войлоком местечко и, дождавшись, когда на вторую подводку усядутся Осип с супругой, тронул вожжи. Лошадь упёрлась копытами и нехотя сделала первый шаг.

К полудню они выбрались на большой тракт и, влившись в поток таких же, как и они, беженцев, покатили навстречу солнцу. Две семьи, навек связанные воедино, начали свою бесконечно дальнюю дорогу в один конец.

Но путь к будущему месту жительства оказался неблизок. По счастью, судьба хранила их. И хоть нескоро беженцы прибыли в назначенное им место проживания – село Хорошавку, что расположилось более чем в ста километрах от города Тамбова, но никто по дороге не умер, не отстал, не напали на обоз лихие люди, не растерзали лошадей дикие звери. И всё же многодневные скитания были трудны. Тяжелее всего приходилось грудному ребёнку – Маше и её матери Анне. Маша росла беспокойным младенцем, часто плакала, с трудом укладывалась спать, а когда, наконец, засыпала, Анна погружалась в полусон – полугрёзы.

Чаще всего ей в этих снах вспоминалось время, когда она сама, будучи маленькой, обучалась грамоте. Вспоминала мужа, приходившего домой после работы на спиртзаводе, и странно было видеть его, непьющего, пропитанного запахом сивушных масел, исходившим от одежды. Вспоминалось и стадо барских отборных коров, которых Анне ежедневно приходилось доить. Вспоминалось, как всей деревней шли на озёра мужики ловить рыбу и как за одну тоню (одна закидка невода) вытягивали на берег мешки крупной рыбы. Много ей вспоминалось за бесконечные часы тряского движения вперёд. Когда же дочка просыпалась, Анна пела ей песни. Но то были вовсе не колыбельные, а по большей части бунтарские песни. Почему такие? Может, потому, что в памяти отложились разрозненные детские впечатления: отец с матерью говорят шёпотом, будто бояться, что их подслушают. Но лежавшая в кровати Анна сквозь дрему слышала всё. И, даже несмотря на свой небольшой возраст, прекрасно поняла: речь шла об убийстве императора Александра, будто кто-то из её род-

ных участвовал в этом деле, был схвачен, потом бежал и теперь уже много лет скрывается от жандармов.

И вот теперь Анна пела про бунтарей, про людей с мятущейся душой: правых и неправых. Под скрип колёс по округе разносился звонкий, красивый голос, летела над колонной беженцев песня ямщика:

*Это было давно, лет семнадцать назад.
Вёз я девушку трактом почтовым...
...но военный конвой порезал нам путь,
тройка тут же как вкопана встала.
Кто-то выстрелил вдруг
прямо в девичью грудь,
и она как цветочек завяла.
Перед смертью она мне успела сказать,
что с неволи на волю бежала...*

Песни помогали скоротать время, с песней тяготы дорог становились легче, и всё же любая дорога когда-нибудь заканчивается. После многих мытарств беженцы прибыли в село Хорошавку Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Шёл тысяча девятьсот четырнадцатый год. Продолжалась Первая мировая война. Места нового поселения оказались красивыми – неподалёку река, рядом с селом поросшее молодым леском болото Клюквенное. Если поднимешься на ближайший косогор, вид открывается на всю округу. Вот только не до красот им было, как говорится: не до жиру, быть бы живу.

Глава 2

Мчались лихие военные годы. Терпение народное иссякало. В феврале тысяча девятьсот семнадцатого года грянула буржуазная революция. Наступило смутное время безвластия. Октябрьская революция привела к власти руководителей рабоче-крестьянских масс. Но никто так просто не хотел уступать свои привилегии, началась гражданская война. В мутной воде классовой борьбы всплывала пена. По всем губерниям расплодились банды, и не понять, кто за кого воюет. Каждый кричит, что за правду, и тут же норовит ограбить. Пришло лето тысяча девятьсот восемнадцатого года.

В тот день Анна работала в поле. Близился полдень, и она уже было собиралась пойти в тенёк, чтобы немного передохнуть, как вдруг увидела бежавшую к ней со всех ног соседку.

– Анята, Анята, – кричала та, – там, там, – соседка показывала рукой куда-то за спину.

– Что стряслось? – «Уж не с детьми ли беда?» – подумалось Анне.

– Там твоих, отца... – запыхавшаяся соседка никак не могла восстановить дыхание. Наконец ей это удалось, и она сообщила: – Отца и мать на казнь повели!

Анна так и ахнула.

– Кто? – всплеснула она руками. – За что?

– Да кто ж их знает-то? С утра прискакали какие-то – на конях с ружьями. Хватают всех подряд – суд, говорят, чинить будем – всем красным смерть! Твоих тоже взяли, – соседка смахнула тёкшие по лицу капли пота.

Анна потемнела лицом, сглотнула подступивший к горлу ком, резко спросила:

– Где они сейчас?

– Всех к барскому дому согнали, – сообщила соседка. – Виселицы мастрячат. – И увидев, как Анна швырнула на землю охапку собранной сорной травы: – Да ты что? Неужто до тудова бежать собралась? Сдурела?! Да они же тебя вместе с ними... Дура, у тебя же муж в красных! Я ж тебя не к тому... я ж тебя упредить хотела, чтобы схватилась где! Не обдумай!

– В подпольях прятаться не стану, но и на смерть сама не пойду, – понимая, что родителей ей не отстоять, согласилась с доводами соседки Анна, – а собственными глазами всех гадов увидеть и запомнить хочу. Чтобы когда время придёт, с кого спросить было.

– Не ходи, Анна, не ходи! – вновь потребовала соседка.

Но Анна лишь отмахнулась:

– Сказала же, издаля гляну. Глаз у меня зоркий, памятливым.

– Ох, Анюта, Анюта, – покачала головой соседка, но увещевать упрямыцу больше не пыталась. Анна подобрала подол и побежала в направлении деревни. В жизни она так никогда не бегала! За всю дорогу до села ни разу не сбавила темп, не остановилась ни на миг, и лишь достигнув околицы, перешла на шаг. Не раздумывая, свернула за дворы и дальше пробиралась огородами, не выходя на улицу. Последнюю сотню метров Анна преодолела ползком, на локтях пробираясь по участку, засаженному картофелем. Подобравшись к крайнему ряду, Анна раздвинула картофельную ботву и вперила взор в согнанную бандитами человеческую массу. Сердце так и колотилось, промокшее от пота платье прилипло к телу, коса растрепалась, и волосы разметались по лицу, но ничего этого Анна будто и не замечала.

Место, где местные плотники по бандитскому принуждению сооружали виселицу, находилось в низине, и Анна, даже лёжа на земле, могла свободно наблюдать за происходящим, всматриваясь поверх голов собравшихся на площади односельчан. Установка виселиц продвигалась медленно, то ли тому виной было непривычное плотникам дело, то ли те нарочно затягивали мрачное строительство.

Местные жители понуро молчали, рядовые бандиты, видимо, тоже не слишком довольные происходящим, если и общались между собой, то исключительно шёпотом, поэтому разглагольствования атамана Анна слышала совершенно отчётливо. Он долго говорил о справедливости и благочестии и о чём-то ещё...

Слова «...приговариваются к смертной казни...» грянули как гром среди ясного неба. И тут же, повинувшись команде главаря, с десяток бандитов подошли к приговорённым и начали подталкивать их к виселицам. Но тут оказалось, что на всех смертников верёвок, свешивающихся с виселиц, явно не хватало, так что казнь «борцы за справедливость» собирались проводить в два этапа. Когда круглолицый, дородный мужик, назначенный палачом, уже было приготовился накинуть Осипу

Хмаре петлю на шею, из притихшей толпы, распахав впереди стоящих, выдвинулся вперёд дед Игнат. Вышел, остановился, повёл взглядом по сторонам, словно выискивая поддержку, но не нашёл – толпа пристыженно молчала. Тогда дед покряхтел в кулак, откашлялся, собираясь с мыслями, сплюнул в песок и начал свою речь. Голос у него оказался совсем не старческим, красивым и сильным:

– Так что ж делается-то, господин хороший? – обратился он к атаману. – Вы вот тут нам о справедливости говорили, а сами беззаконие творить собираетесь?

– Это ты о чём балаболишь? – сердито насупил брови главарь банды, и его правая рука как бы случайно начала бить по кобуре из орехового дерева, из которой торчала чёрная рукоять маузера.

– Об этом самом, о справедливости, – не смутился старик. – Эти, – он кивнул в сторону стоявших на особицу работников сельсовета, – ничего плохого обществу не сделали, правильно я говорю, селяне?

Толпа нестройно, но одобрительно заворчала.

– Вот народ как считает, господин хороший. Их вся-то вина в чём? Разве в том, что за власть нонешнюю стоят. Не большая вина перед обществом, а вот перед тобой, господин хороший, может, и вина. Значит, казнить их хочешь?

– Да, я приговорил их к смерти! – набычился главарь.

Старик почесал за ухом.

– Не одобряю я этого, но понять могу, хотя и не понимаю. А эти двое, – Игнат кивнул на родителей Анны, – в чём пред тобой провинились, а? Да не говори уж, – махнул рукой дед Игнат, не дав вставить атаману и слова, продолжил: – Вся вина Осипа и его жены в том, что их сыновья красные большевики, да ещё поговаривают, какими-то там начальниками стали.

– Вот, видишь, ты сам сказал, – обрадовался атаман, – сыны – красная сволоочь.

– И что с того? – выпятил вперёд губу дед.

– А того! Ответ надо держать за того, кого вырастил! – сказал главарь, как шашкой рубанул.

Прищурившись, Игнат обвёл взглядом толпу и хмыкнул:

– Ответ держать, говоришь? Оглянитесь вокруг, люди добрые! Куда ни повернись – везде (он грязно выругался). Как простым людям быть? Время нынче лихое. Ни света, ни тьмы – всё серое. Разве разобрать нам, крестьянам, где правда, а где пустобрёхство одно? Люди, как рыбы, снуют туда-сюда, куда деться не знают. Муть такая – света не углядеть. Тут какую сторону выбрать, поди разбери. И скажите, люди добрые, как родителям быть, коль сыны не ту сторону выбрали? Не отрекаться же от детей своих! Правильно я говорю? – дед Игнат развел руками. – А вот ты скажи, мил человек, – дед Игнат обратился опять к атаману, – мне что делать, коли у меня двое сынов, растил одинаково, а что вышло, а? Меня с обеих сторон бить, что ли, надо? Меня на двух виселицах вешать? А как же по другому-то, когда один сын красный, а второй, такой же, как и ты, бандит.

– Что ты сказал, дед? Да как ты посмел... – атаман, брызнув слюной, в три прыжка подскочил к деду. – Повтори, живо!

– Я говорю, мил господин, у меня сынов двое, один красный, а другой... – старик смутился, не смея произнести уже единожды неосторожно слетевшее с языка слово.

– Ты назвал нас бандитами! – медленно вытягивая из кобуры маузер, угрожающе прошипел атаман.

– Так я же не со зла... – развёл руками спавший с лица дед Игнат. И тут же, стараясь исправить ситуацию: – Виноват, мил человек. Виноват, по незнанию это и никак боле. А коли вы не эти... не те... то как же вас звать – величать?

– Мы белые! – взревел главарь банды. – Слышали вы все? Слышали? Тогда зарубите себе это на носу! А этому, – атаман вновь повернулся к деду Игнату, и маузер ткнулся чёрным зрачком в его лицо, – десять плетей. – Сплюнул, сказал ворчливо: – Выбить бы тебе зубы, да у тебя их и так нет!

Повинуясь знаку атамана, к говорливому деду подскочили два молодчика, выкрутили назад руки, подтащили к виселичному помосту.

Взлетела и опустилась на плечи старика нагайка, Игнат сцепил зубы, но стерпел. И вновь опустилась плеть, и так раз за разом. Стон сорвался с его губ лишь единожды, а дальше он только болезненно морщился и до боли сжимал челюсти. Когда экзекуция закончилась, и едва державшегося на ногах старика подхватили под руки родственники, атаман заговорил вновь:

– Этих двоих, – говоря, он ткнул ногой в сторону стоявших подле виселиц родителей Анны, – отпустить. Бог с ними! Добрый я!

– А остальных? – уточнил кто-то из шайки.

Главарь задумался, затем хмыкнул в такт своим мыслям и, неожиданно просветлев лицом, махнул рукой:

– Отпустить тоже. Чёрт с ними, пусть живут! Если жалобы от односельчан начнутся, в следующий раз проучим. – С этими словами он подошёл к своему коню, ловко вскочил в седло и скомандовал: – По коням!

Вскоре колонна всадников уже пылила по направлению к лесу. Через десять минут на площади не осталось ни единой живой души. Наконец смолкли и звуки голосов. И только тогда Анна встала и, не замечая под ступнями хрупкой картофельной ботвы, быстрым шагом направилась опять в поле. От пережитого внутри у неё всё так и трепыхалось.

Вечером того дня она написала письмо братьям в Питер. А через месяц от них пришла ответная весточка.

– Дорогие папа и мама, – писали братья, – срочно переезжайте к нам в Петроград. Будете жить у нас.

И подпись: ваши сыны Илья и Николай.

Вечером все взрослые собрались на семейный совет.

– Так что делать? – высказал свои мысли вслух пребывающий в сомнениях дед Осип.

– Что делать? – сердито буркнул Демьян. – Ясно, что делать – уезжать надо. Один раз костлявая рядышком прошла, второй раз своего не упустит. Езжайте от греха подальше в Петроград. К сыновьям Николаю и Илье уезжайте. Раз зовут-то.

– А ты что думаешь? – Осип обратился к своей супруге.

– А я-то? А куда ты, туда и я.

– Что ж, – Осип повернулся к дочери. – Тогда, Ань, завтра собираемся, и в дорогу.

– А я не поеду, – Анна решительно помотала головой. Она-то точно знала – средств на дальнюю дорогу на всех домочадцев в семье не наскреблось бы. Да и куда податься крестьянке в рабочем Петрограде?

– Да ты что, Аня, чего такого удумала? – всплеснула руками мать Анны.

– Ничего я не удумала. Вы езжайте, а у меня двое детей на руках, как я в городе с ними? Не сидеть же у братьев на шее! А город, он город и есть, если вдруг голодуха, камни грызть? А тут всё же картошка своя, хлеб опять же.

– И я с Анной останусь, – заявил Демьян. – Стар я, слаб стал для переездов, немощен совсем. Мы уж как-нибудь тут... вместе Мишеньку дожидаться будем. Я за детьми пригляд делать стану, по дому возиться, огород опять же, а Аня уж и одна в поле как-нибудь управится.

Осип взглянул на дочь, увидел в её глазах непреклонность, понял – спорить бесполезно, и отступился.

Через два дня, собрав немногие пожитки, Осип Хмара и его супруга отправились в путь. Прощаясь с дочерью, оба плакали.

– Ты уж береги себя, доченька, – стирая с лица слёзы, просила мать. Анна в ответ молча кивала. Осип старался не смотреть в сторону женщин, делая вид, что увязывает узел. Подступающие слёзы душили и его.

– Вы уж тут... постарайтесь, чтоб всё хорошо у вас было, – сглотнув ком, наконец выдал из себя Осип.

– Как-нибудь проживём, – тихо ответила Анна.

В этот момент их окликнули:

– Долго вы там? – спросили со стоявшей неподалеку подводы, – не век же вы прощаться будете. Поехали уже! – потребовал мужик с вожжами в руках – хозяин подводы, ехавший в город и обещавший захватить стариков с собой.

– Прощай, доченька, прощай, сват! – старики подхватили узлы и понуро побрели к телеге. Едва они уселись, хозяин лошадки хлестнул её по боку, и телега тронулась. Супруги Хмара отправлялись в дорогу, чтобы годы спустя завершить свой жизненный путь на Ленинградской земле.

Глава 3

Родители уехали, а Анна со свёкром и детьми осталась жить и работать в деревне. Лошадей у них уже давно не было, и Анна зарабатывала на прокорм семьи тем, что батрачила. За детьми приглядывал дед Демьян. Время бежало дальше – Гражданская война, Антоновщина прошли, закончились, минули, остались позади, исчезли, словно страшный сон. В Красной армии началась демобилизация. Один за другим мужики возвращались домой. Пришла радость и в дом Гончаруков.

– Анюта, Анюта! – дед Демьян стоял у придорожного столба и тыкал палкой в сторону бутра. Анна выскочила из дверей ветхого домика, служившего им жильём, и увидела идущую вдалеке фигуру. Мгновенно выступившие на глазах слёзы мешали как следует разглядеть идущего, но она не сомневалась: это её Миша. Это должен быть он! Она так долго его ждала – прошло почти семь лет, как Михаил Гончарук

ушёл на войну. Семь долгих лет и всего одна коротенькая побывка... Нет, она явно угадывала фигуру идущего. Ну кто еще мог идти, положив на плечи длинный посох и закинув на него раскинутые по сторонам руки?

– Миша! – шепнула Анна и бросилась навстречу идущему.

Шёл тысяча девятьсот двадцать первый год.

Прошла неделя с того дня, как Михаил Демьянович возвратился к семье. Они с Анной сидели на завалинке и наблюдали за играющими во дворе ребяташками. Анна приобняла мужа, привалилась к его плечу.

– Миш, война окончилась. В Гродно когда собираться начнём? – вкрадчиво спросила она. Михаил закусил губу, потянулся к лежавшей в кармане трубке.

– Некуда нам возвращаться, – тяжело вздохнул он, – под поляками земли наши. В Польше они, и Гродно, и Пыра. Нет туда дороги.

Анна вмиг потемнела лицом.

– Я и не знала, – призналась она. – Всё думала, вот вернёшься ты, и обратно перебираться будем. А мне уже и в дорогу отправляться страшно. Это ж такая даль, такая морока. С двумя детьми... Всё так и эдак думаю, и всё одно боюсь: пока переедем, как бы детей не уморить. А оно вон как обернулось... – и плакать хочется, и смеяться.

– Ничего, ничего, здесь тоже русские люди живут, – вроде начал утешать её Михаил, потом понял, что та больше боялась обратного переезда, чем житья на чужбине, и улыбнулся. – Завтра, Ань, дом пойдём себе покупать, присмотрел я тут один домишко.

Анна встрепенулась, оторвалась от мужниного плеча, взглянула ему в лицо:

– А деньги? У нас, – Анна развела руками, – нет ничего. Не накопили мы.

Михаил обнял жену, притянул к себе на грудь.

– Так я ж не с пустыми руками пришёл, – улыбнулся он. – Какое-никакое жалование получал. Накопил маленько. На домик хватит, а там, глядишь, ещё и на лошадку останется. Я вчера в сельсовет ходил, узнавал – надел нам дадут. Лошадь купим, хозяйствовать начнём. Мы с тобой работающие, заживём!

– Заживём, – как эхо вслед за мужем повторила Анна, – за моё почтение заживём.

Присмотренный Михаилом дом стоял на окраине села – небольшой, но добротный. Сложенный из хорошего кирпича, принадлежавший явно не самому последнему в селе крестьянину.

– Здравья хозяевам! – постучав в дверь, Михаил с супругой вошли в продающийся хозяевами дом.

– И вам здравия доброго, – пожелали хозяева избы, а хозяйка, маленькая, худощавая женщина со странно блестящими глазами тут же спросила: – Дело есть али поболтать зашли?

Вопрос ответа не требовал – хозяева и Михаил ещё накануне договорились о встрече. Вот только в цене пока ещё не сошлись. И потому, усевшись за стол, начали торг. Не сразу, но сторговались. Ударили по рукам.

Хозяева пообещали освободить избу на следующий день. Так что чета Гончаруков решила свой переезд не откладывать – поутру они загрузили телегу немногим скарбом, посадили на неё детей, взялись за оглобли и, подгоняемые незлобными шутками ковылявшего за ними деда Демьяна, потащили телегу к новому жилью. Дотащились как раз вовремя – бывшие собственники выносили из избы последние тюки с пожитками.

Поздоровались, помогли уложить немногие оставшиеся в доме мешки с имуществом.

– Куда вы теперь? – участливо спросила Анна у бывшей хозяйки дома.

– В город, – женщина украдкой смахнула слезу, – нет нам тут житья, и не будет.

Анна машинально захотела спросить «Почему?», но вовремя одумалась, не стала беречь чужую рану, про себя решив: раз уезжают, значит, это зачем-то им нужно.

А уезжающей вдруг захотелось выговориться.

– А раньше как мы хорошо жили! – мечтательно закатив глаза, покачала головой она. – Как у Христа за пазухой. Зажиточные мы... были, – женщина вздохнула. – Охо – хо, грехи наши тяжкие, власть здешняя не любит таких. Крепко не любит. Как жить-то теперь?

– Ничего, на новом месте обустроитесь и заживёте за моё почтение, – попыталась успокоить и приободрить её Анна, а бывшая хозяйка дома вдруг подошла к Анне вплотную, пододвинулась поближе, потянулась губами к Аниному уху и быстро-быстро зашептала:

– Муж сказал никому не говорить, мол, вернёмся и тогда сами... но я знаю, не вернёмся мы. Я точно знаю, не вернёмся. Да и не хочу я того... его... Знай, Анна, деверь мой покойный тут где-то клад зарыл. Поищите. Обязательно поищите. Коль найдёте когда, нас добрым словом помяните, – она хотела добавить что-то ещё, но её прервали.

– Клавдия! – окликнул женщину её свёкор, высокий, жилистый старик с абсолютно седой окладистой бородой, – хватит лясы точить, ехать пора.

Не дожидаясь снохи, он сел на передок телеги и хлестнул лошадь вожжами.

– Поищите, – прежде чем уйти, ещё раз шепнула женщина и, поправив на голове сбившуюся на сторону шаль, поспешила к тронувшейся в путь подводе. Догнав, прямо на ходу запрыгнула на боковину и, прощаясь, помахала Анне рукой.

Топот копыт быстро затихал – телега, запряжённая пегой кобылкой, удалялась всё дальше и дальше, Михаил проводил её взглядом и подошёл к супруге.

– Что она тебе шепнула? – спросил Михаил, от которого не укрылась некая странность состоявшегося женского диалога.

– Да так, ерунду всякую, – Анна грустно улыбнулась, – клад говорит, моё почтение, тут где-то зарыли.

– А, понятно, это вроде того, что с кладом дом дорожке стоит, – Михаил, в свою очередь, улыбнулся, но уже весело. – Эх, Анечка, если бы все клады, о которых разговоры говорят, в самом деле зарывались, пахари б на каждой борозде по два горшка с золотом выворачивали!

– И серебром, – согласилась с мужем Анна и тихо добавила: – не в себе она. Люди говорят, давно не в себе...

К этому моменту повозка с бывшими хозяевами окончательно скрылась из вида, и Анна с мужем начали заносить в свой новый дом собственные пожитки. Меж тем дед Демьян, посадив ребятишек на колени, рассказывал им очередную придуманную сказку.

В воскресенье Михаил пошёл на рынок за лошадью. Выставленных на продажу лошадей оказалось немало, вот только одна беда: либо они были доходягами, либо стоили слишком дорого и выходили Михаилу не по карману. Походив между рядами, он обратил внимание на лошадку красно-бурой, будто ржавой масти. Хозяин просил за неё удивительно немного, но многочисленные покупатели почему-то обходили лошадку стороной. Отчаявшись купить что-то доброе, Михаил направился как раз к этой лошади.

– Продаёшь? – спросил он хозяина.

– Ну, раз стою, продаю, значит, – не слишком приветливо отозвался тот.

– Сколько просишь? – спросил Михаил, и коневладелец назвал и впрямь не слишком великую сумму. Несомненно, что-то было здесь нечисто. Гончарук прищелкнул к лошади и удивился, как он не заметил этого сразу. Кобыла оказалась слепа на один глаз – его закрывало огромное бельмо.

– Дорого, – протянул Михаил, делая вид, что собирается уходить, а сам тем временем цепким взглядом охватывал и внимательно разглядывал продаваемое животное. Если не считать увечного глаза, других изъянов в лошади не находилось.

– Будешь брать, сбавлю, – пообещал Михаилу, видимо, уже отчаявшийся продать скотинку хозяин.

– Коли сбавишь, тогда, может, и возьму, – пообещался Михаил и назвал свою цену. Продавец возразил, но и свою цену ломить не стал, малость скинул.

Немного поторговавшись, продавец и покупатель сошлись в цене, и домой Михаил Демьянович возвратился, ведя в поводу одноглазую кобылу по имени Ржавка. Приведя на двор лошадь, Михаил на той же неделе оформил надел земли и начал крестьянствовать.

В конце тысяча девятьсот двадцать первого года у четы Гончаруков родился сын Пётр, а ещё через два года третий сын Николай.

Как оказалось позже, купив Ржавку, Михаил нисколечко не прогадал – лошадь тянула плуг не хуже других и работала в поле, пока окончательно не состарилась и не ослепла на второй глаз.

А беспощадное время, не зная ни сострадания, ни угрызений совести, не останавливая своего бега ни на мгновение, мчалось в будущее, оставляя в прошлом расцвет и увядание, жизнь и тлен. Сошёл в могилу и дед Демьян. Но время не замечает подобного, ему нет дела до чужих страданий. Жизнь продолжалась.

– Анютка, беда-то какая приключилась! – ввалившись в избу, запыленно вскричала соседка бабка Ефросинья. Внутри Анны всё так и оборвалось.

– С ребятами что? – испуганно спросила она.

– Да что с ними станется! – отмахнулась Ефросинья. – Лошадь, лошадь ваша Ржавка сослепу в колодец рухнула! Ноги внизу, а голова сверху торчит, хрипит, пену из ноздрей пускает – горло-то пережало. ЗадОхнется, как пить дать задОхнется. Мужиков надоть звать. Тащить коняку, пока не поздно.

– Каких мужиков?! – сердито крикнула Анна и кинулась вон из избы. – На базаре все, – уже тише, но всё ещё зло буркнула она и, переходя на бег, помчалась в конец огорода, где располагался вырытый на берегу болота колодец.

Лошадь уже не хрипела, только белые бельма глаз слепо тарасились на округу. Анна посерела лицом.

– Ах ты, Господи, не поспела! – сказала, и тут же мелькнула мысль, а вдруг лошадь ещё можно спасти? Анна нагнулась, ухватила Ржавку за голову и изо всех сил потянула вверх. Казалось, мышцы на спине лопнут от натуги, но не лопнули – Анне удалось выпрямиться. Вытянув передок слепой кобылы из западни и сразу же, чтобы кобыла вновь не завалилась в колодец, невероятным усилием, оттянуть её в сторону. Сделав это, Анна уронила лошадиную голову на землю, тяжело дыша, опустила рядом и с горечью поняла: все её усилия оказались напрасны – Ржавка не подавала признаков жизни.

– Ну и здорова ты, девонька! – восхитилась подошедшая к тому времени бабка Ефросинья. В ответ Анна лишь молча пожала плечами. По лицу текли слёзы – Ржавка, даже ослепнув, выполняла свою работу – таскала соху, повинуюсь вожжам, тащила телегу. Анна проплакала до самого вечера, пока с базара не вернулся довольный торгами муж.

– Да не убивайся ты так, – Михаил присел рядом супругой на скамью и положил руку ей на плечо, – денег за зерно хорошо выручил, купим мы себе лошадку, купим! – утешил он Анну. Та провела ладонью по глазам, стирая слёзы, и честно призналась:

– Всё равно жалко.

– Жалко, – со вздохом согласился Михаил, – жалеть о потерянном – только сердце рвать. Денежек накопили, так что, Аня, купим мы себе новую лошадку и колодец новый отроем, даже сруб сделаем. – И помолчав: – С соседями я уже договорился: в складчину дерево на сруб закупим, а старый колодец засыплем, а то, не дай Бог, ребёнок чей в него попадёт.

Глава 4

Лето проходит быстро. Оглянуться не успеешь – глянь, на носу осень. Спешит крестьянин в делах своих, пашет, сеет, горбится над сорняками, машет косой, машет цепом, мечет стога. Бежит время, не оглядываясь. Начало лета – самое время для заготовки сена. Тепло, солнечно, трава свежа, наполнена соком, ещё чуть – и начнёт перерастать. Все на сенокос. Мужчины, старики, женщины, дети, разобрав косы, грабли, вилы, спешат на свои наделы. С утра до ночи кипит работа. И высятся копынки, копны, стожки, стога, тащат лошади здоровенные возы. Будет корм – будет молоко, будет молоко – легче будет пережить, случись она, лихую годину.

Увы, все луга, все лесные делянки давно распределены между более удачливыми односельчанами. И потому сено для своей скотины семья Гончаруков уже

привычно заготавливала на болоте. Михаил, стоя по колени в воде, косил росшую по трясиному почвенному покрову осоку. Иван, Петя и Коля сгребали скошенное в кучи, Анна с дочерью Машей навязывали вязанки и выносили мокрую траву на берег болота, да так и оставляли. Недавно прошёл дождь, и земля напиталась влагой.

– Пока не раскидывайте, – взявшись за косу, предупредил Михаил, – пусть роса сойдёт, после обеда вместе раскинем. И, Маша, смотри, аккуратнее, не порежься, чтобы не так, как в прошлом году.

– Я остороженько, пап, – пообещала Маша. Год назад она схватилась руками за несрезанный стебель осоки и располосовала себе всю ладонь. Тонкая, но глубокая рана долго не заживала, появились нагноения, и если бы не «эмилевый» спирт, о котором вовремя спохватилась Анна, неизвестно, чем бы всё закончилось.

Шлёп, шлёп – ступают по воде босые ноги, вжик, вжик – шелестит коса. Кипит работа, растут на берегу травяные кучи. Будет пища корове, будет у детей парное молоко.

Вжик, вжик, вжик – с лёгкостью срезая стебли, скользила коса по болотной осоке, влажная трава поддавалась легко, а вот протащить срезанное, когда пятка полностью погружена в воду, было делом нелёгким и требовало приличных усилий. Но всё равно, несмотря на заливавший глаза пот, дело спорилось. Изредка Михаил останавливался и, достав выдавший виды брусок, быстрыми, едва уловимыми движениями, точил косу. Незаметно день перевалил за полдень, и умаявшихся младших сынков Михаил отпустил передохнуть. Но сидеть на бережку в тенёчке им вскоре надоело, и теперь они с криками носились по трясине – куртинке с особо сильно прогибающимся под ногами травяным покровом. За то, что они провалятся, Михаил не опасался. И даже если так, то скрытая под трясинной бочажка была неглубокой (он проверял шестом) – от поверхности до твёрдой почвы было чуть более полуметра. Провалятся – выберутся. Если что – друг другу помогут.

Взмахнув косой в очередной раз, Михаил увидел взлетевшего над кочкой чёрного шмеля (пчела-плотник) и довольно улыбнулся. Перестав косить, он отставил косу в сторону (воткнув остриём в грунт, чтобы не упала в воду). Сам же направился к отмеченной кочке. Как Михаил и ожидал, в ней находилось большое шмелиное гнездо. Не задумываясь, он тут же притопил кочку, тем самым погрузив под воду и гнездо. Дождавшись, когда всплывшие на поверхность шмели с сердитым жужжанием разлетятся по округе, он запустил пятерню в воду и вытащил на воздух тёмные шмелиные соты, полные терпко пахнущего мёда. Мёда, не столь приятного на вкус, как пчелиный, но для неизбалованных сладостями ребятишек чем не гостинец?

– Ваня, – окликнул Михаил занятого сгребанием травы старшего сына. – Глянь-ка, что я нашёл.

– Мёд? – едва бросив взгляд на отца, обрадованно воскликнул Иван. – Эй, Петька, Колька, дуйте сюда! Батяка мёду нашёл!

Услышав слово «мёд», двое мальцов вмиг оставили свою забаву и наперегонки бросились к отцу – только выше голов полетели тёплые водяные брызги.

– Мне первому, мне первому! – наперебой загомонили мальчишки.

– Всем достанет, – улыбнулся Михаил и, подавая Ивану шмелиные соты, предупредил:

– Маше не забудьте оставить! – сказал и опять взялся за косу. Потом вновь повернулся к сыновьям: – И вы вот что: идите-ка домой. Обедать пора. Сейчас скоро всё равно мамка звать будет. Не надо бы вам сладким аппетит перебивать, но да ладно. В общем, ступайте.

– А ты? – уже направляясь к берегу, спросил Иван.

– Скажи матери, сейчас подойду. Два прокоса сделаю и приду, – пообещал Михаил, шагнул вперёд и взмах за взмахом начал окашивать дальний край отмеченной на сегодняшний выкос делянки.

Уже некоторое время назад Анна отослала Машу готовить обед, и теперь выносила на берег последнюю, как она про себя решила, предобеденную вязанку. Свалив ношу на землю, Анна уже было начала развязывать верёвки, как взгляд скользнул по фигуре мужика, шустро спускавшегося с возвышавшегося над болотом бугра. Шёл мужик со стороны Бурят, села, находившегося в полукилометре от окраины Хорошавки. Даже не попытавшись его рассмотреть, Анна выдернула верёвку из-под травяной связки и, закинув её на плечо, направилась к дому. Так уж случилось, что у просёлочной дороги она и спешивший с бугра мужик оказались одновременно.

– Здорово, Анна! – махнул рукой мужчина, оказавшийся Кириллом, безлошадным мужиком, жившим где-то на другом конце деревни.

– Здравствуй, – поприветствовала его Анна.

Мужик хитро улыбнулся и вместо того, чтобы продолжить путь дальше, остановился, пытливо рассматривая вытирающую пот женщину.

– Чего уставился? – сердито рявкнула на него та.

– Да вот смотрю, дивлюсь, – не смутился мужик. – Видел, какую ты вязанку тащила.

– И что с того?

– Здорова ты, однако, баба! – не отставал Кирилл.

– Тебе-то что? – Анна остановилась в метре от мужика и недовольно насупилась. Кирилла она недолюбливала. Ленивый, любитель выпить, да к тому же сплетник. Где пропадал в Гражданскую, никто толком не знал, по пьяни баял, что он-де красный командир, и тыкал в свой широкий командирский ремень, перепоясавший его талию. Верить ему не верили, но и доказать обратное никто не пытался. Одно известно было точно: денежки у него попервоначалу водились, только промотал, прокутил их Кирилл и теперь перебивался случайными заработками.

– Да мне-то ничего, – усмехнулся мужик, пошлёпал мясистыми губами, словно раздумывая, продолжать дальше или нет, но, лукаво прищурившись, всё же продолжил: – Тут бабка Ефросинья про тебя байки травит, будто ты в одиночку лошадь из колодца вытянула.

– Бабка Ефросинья просто так говорить не станет, – в свою очередь, усмехнулась Анна, – может, и вытянула.

– Одна? – уперев руки в боки, недоверчиво хмыкнул мужик.

– Может, одна, – раздражённо бросила Анна, – может, и помог кто.

– Так никого ж не было! – воскликнул Кирилл.

– А раз знаешь, что никого не было, то какого лешего спрашиваешь? – уже не на шутку рассердилась Анна.

– Так я это к чему? К тому, что такой здоровой бабе разе одного мужика надуть?! – скабрёзно ухмыльнулся Кирилл. – Я бы... – он воровато взглянул в сторону болота, где махал косой Михаил, и открыл было рот, чтобы продолжить, но договорить уже не успел.

Резко выбросив руку, Анна схватила наглеца за широкий ремень и дёрнула на себя, да так, что тот, не устояв на ногах, рухнул на колени. Но этого Анне показалось мало. Она вновь рванула Кирилла за ремень, но теперь начиная поворачиваться. Ноги перепутанного, вмиг потерявшего всю свою наглость мужика оторвались от земли и завертелись в воздухе.

– Отпусти, отпусти, кому сказал, отпусти! – завопил Кирилл, но Анна, сцепив зубы, продолжала раскручивать оскорбившего её мужика вокруг себя, и когда тот набрал порядочную скорость, разжала пальцы. Кирилл отлетел в сторону, рухнул на землю, расплескав воду в небольшой луже, и кубарем покатился дальше. Остановился. Тряся головой, сел, тут же вскочил на ноги, его повело в сторону, но он всё же сумел удержать-ся. Его красное от стыда лицо перекосило от злости, он матюгнулся и поспешил прочь.

– Ведьма, как есть ведьма! – бормотал он себе под нос, стремясь оказаться как можно дальше от опозорившей его бабы. Отойдя, как ему показалось, на достаточное для собственной безопасности расстояние, мужик развернулся и хрипло прокричал:

– Ведьма!

Анна лишь усмехнулась и, развернувшись вполоборота, пристально посмотрела на обозвавшего её мужика.

– Ведьма? – произнесла она негромко, но так, чтобы Кирилл услышал. – Само собой. Мне погибель такому, как ты, устроить – наплевать и растереть. Была бы охота! – и криво ухмыльнулась.

Кирилл вздрогнул. Неуклюже попытался перекреститься.

– Вот и бойся! – добавила Анна и слегка прищурилась – мужик окончательно струсил, посерел лицом и бросился наутёк. А к матери, всё ещё стоявшей на дороге, из-за дома вышла слышавшая весь разговор Маша.

– Мам, а зачем ты так про ведьму-то? – с недоумением в голосе спросила она. – Он же теперь на всё село растрезвонит. Нас же бояться станут.

Анна перестала пялиться вслед убегающему Кириллу, подошла к дочери, обняла и прижала к себе.

– Машенька, пусть дураки боятся, – сказала она, – лучше пусть боятся, чем вот так каждый придурок обидеть будет норовить. Что нам о дураках думать?

– А об умных? – задумчиво произнесла Маша.

– А умные, Машенька, в сказки не верят! – Анна погладила дочку по голове и повела к дому. На том разговор и закончился.

После обеда Михаил хотел докосить делянку, но не пришлось. Быстро перекусившие мальчишки умчались по своим делам, но уже вскоре в избу вбежал запыхавшийся Петька.

– Там жеребёнок тонет! – закричал он и сразу выскочил за дверь. «Соседский стригунок» – испуганной птицей мелькнула в голове Михаила неприятная мысль – с соседями Гончаруки дружили и их беду воспринимали как собственную. Потому-то Михаил, чуть не опрокинув скамью, сорвался с места, но оказавшись на улице, увидел спокойно пасущуюся на лугу соседскую кобылу и прыгнувшего рядом буланого жеребёнка. От сердца сразу же отлегло. «Значит, мальчишкам только показалось, – подумал Михаил, – ну я им задам! Будут знать, как людей полошить». Но на самом деле Петя говорил вовсе не о соседском стригунке, он бежал вдоль болотной кромки, всё дальше удаляясь от дома. Михаил бросился следом. Вскоре он обогнал сына и оказался возле тонущего «жеребёнка» как раз в тот момент, когда отчаявшийся ждать помощи сын Коля, шагнув с твёрдого берега в болотную жижу, тут же с головой ушёл под воду.

Готовое вырваться «Куда?» так и застряло в горле. Михаил ринулся вслед за сыном, запустил руки под воду, нащупал плечи, рывком вытащил мальчика на поверхность и толкнул к берегу.

– Куда полез? – соскочило с языка гневное.

– Так он же утонет! – стирая с лица грязь, всхлипнул мальчишка и показал пальцем на застрявшее в болоте молодое животное. Михаил проследил взглядом за движением маленького пальца и удивлённо присвистнул – в гиблой трясине действительно увязло животное, только это был вовсе не жеребёнок, а маленький лосёнок-сеголеток.

– Ну и угораздило тебя, – едва слышно произнёс Михаил и медленно двинулся на помощь утопающему. Лосёнок смотрел на приближающегося человека своими огромными глазами, испуганно прыдал ушами и почти по-человечески постанывал. Он всё ещё пытался вырваться, но при каждом рывке его голова всё глубже погружалась в бурю жижу.

То, что вызволить лосёнка в одиночку не получится, Михаил понял на десятом шаге – подошвы перестали ощущать твёрдую почву и при каждом резком движении тело погружалось всё глубже. Теперь не осталось сомнений – лосёнок угодил в самую настоящую трясику, настоящую топь, мутную, вязкую, гибельную.

– Не бойся, маленький, не бойся, – Михаил, плавно загребая руками, приблизился к застрявшему животному и осторожно коснулся пальцами его шеи. Лосёнок замер, и на его мордочке стали отчётливо видны бороздки от бегущих из глаз слезинок.

– Коля, сынок, – не оборачиваясь, окликнул Михаил младшего сына, – беги домой переодеться, а мамке скажи, пусть позовёт соседей и, взяв верёвку, идёт сюда. Всё понял?

– Да, папа, – заверил Коля и побежал в направлении дома. Только засверкали в свете дня его босоногие пяточки.

Пока подросла подмога, Михаил успел порядком продрогнуть, да и удержание на поверхности головы несчастного животного не прошло без следа – Михаил и сам завяз в цепких объятиях топи.

– Кидай верёвку! – приказал он опередившей всех остальных Анне.

– Держи! – крикнула она и, не став мешкать, швырнула верёвку. Михаил подхватил брошенный конец одной рукой и принялся обводить его вокруг себя.

Когда подбежали запыхавшиеся соседи, Михаил уже опоясался веревкой и, притянув к груди дрожавшего от страха и усталости лосёнка, обхватил его руками за туловище, при этом ему самому с трудом удавалось держать голову над грязевой поверхностью.

– Тяните! – крикнул он, чувствуя, что и сам по воле брыкающегося лосёнка начинает уходить под воду. Веревка натянулась, но с места не двинулась.

– Крепко застряли! – послышался ворчливый голос соседа Василия.

– Тянем, – тут же скомандовала Анна, – на три! Раз, два, три, взяли!

Через секунду Михаил почувствовал, как верёвка, стальным обручем сжимая едва не трескающиеся ребра, с силой впивается в тело, а ещё через секунду ощутил, как он начинает смещаться к берегу, и ещё сильнее стиснул в руках обессиленного лосёнка. Как оказалось, стоило только чуть-чуть сдвинуть спасаемых с места, и засосавшая их трясина сдалась и выпустила добычу из своих липких щупалец – дальше дело пошло споро, народ дружно потянул спасаемых к себе, и уже через несколько секунд Михаил с лосёнком оказались у береговой кромки. Когда же их, наконец, перестали тащить, Михаил ощутил себя сидящим с вытянутыми к болоту ногами, на которых лежал тяжело дышавший лосёнок, ещё до конца не осознавший, что спасён. Переведя дух, Михаил осторожно сдвинул с себя животное, поднялся на ноги и помог лосёнку встать. Тот прядал ушами, всё его тело трясло, ноги подрагивали, казалось, он не в состоянии сделать и шага. Но когда от толпы спасителей отделился сосед Василий и направился к ним, лосёнок сделал неуверенный скачок в сторону. Вначале его повело, но он устоял, и следующий прыжок получился лучше, затем лосёнок скакнул ещё раз и ещё, и ещё, и только отбежав на несколько десятков шагов, встал и, широко растопырив ноги, принялся отряхиваться. Спасшие его люди молчаливо наблюдали за происходящим.

– И куда он дальше? – спросил кто-то и мрачно напроорочил: – Без матери волки порвут его, и вся недолга.

– Найдётся мать. Поди далеко не ушла, тут где-нибудь стоит, – уверила вопрошавшего пессимиста Анна. И точно – будто в подтверждение её слов, из-за росшего на бугре кустарника вышла рослая тёмно-бурого окраса лосиха. Переставший отряхиваться лосёнок поднял голову, увидел мать и, взбрыкнув копытами, помчался навстречу.

– Ну, вот и славно, – изрёк Михаил, глядя вслед убегающему сеголетку, стряхнул со «сталинских» усов налипшую тину и, поманив за собой Анну, направился к дому.

Глава 5

Лошадь Михаил купил, но не сразу. После беды со Ржавкой семья Гончаров некоторое время оставалась безлошадной. На дворе уже царила поздняя осень, когда он привёл с базара жеребёнка кобылку-двухлетку, рыжую рысачку. Едва, ведя в поводу лошадку, он появился около дома, как его, а точнее их,

окужили выскочившие из избы ребятишки. Иван выбежал первым и, вынув из кармана заранее приготовленную корку хлеба, протянул её жеребёнку.

– Осторожнее – пальцы! – предупредил Михаил сына, но беспокоился он зря – коняшка осторожно захватила хлеб своими шелковистыми губами и только после этого принялась жевать.

– Умница! – похвалил жеребёнка Михаил и погладил лошадку по гладкой шее. Вслед за отцом лошадиной шеи осторожно коснулся пальцами Коля. Коснулся, погладил. Задумчиво спросил:

– Пап, а как назовём?

– Сами решайте, – пожав плечами, улыбнулся Михаил. Ему-то что? Главное, чтобы лошадь здоровой и сильной выросла, а как назвать... пусть ребятишки сами и называют. Первым в выборе имени оказался Пётр, он почти тут же произнёс пришедшее на ум слово:

– Зорька!

– Хорошее имя, – солидно поддержал брата Иван, Михаил согласно кивнул, а Коля радостно крикнул:

– Ура, у нас теперь своя Заря есть!

– Не Заря, а Зорька! – поправил брата Иван и вытащил из кармана очередную хлебную корку.

– Зорька – то же самое, что Заря, только ещё маленькая! – весело рассмеялся Николай. Иван кормил лошадку и спорить не стал.

Во второй декаде декабря в Тамбовскую губернию пришли настоящие холода. Опасаясь застудить кобылку, Михаил привёл её в дом, а дом – одна комната. Всей обстановки – скамьи да стол. Одна длинная, широкая скамья тянулась от порога до переднего угла, по краю передней стенки, вдоль окон, до полатей вторая, покороче. В образованном ими треугольнике расположился большой стол. В дальнем правом углу печь – вместе с полатами из досок, занимавшая чуть ли не четверть избы. Под ногами устланный соломой земляной пол, от которого веяло холодом, в простенках несколько полок, на стене, у входа, портреты революционных деятелей, на фотографии Кирова подпись, сделанная карандашом: «Николаю от друга Сергея». В красном углу икона – «Неопалимая Купина» с лампадкой.

– И зачем она нам? – спросил Михаил, когда Анна купила и принесла в их дом эту икону. – Мы с тобой вроде как не очень-то и набожные.

– Мы-то нет, а люди к нам ходят. И верующие. Те, что постарше, так и вовсе в угол косятся, не знают, куда поклон положить. А так придёт кто, перекрестится на иконку, и ему на душе благостно. Так что пусть висит. Места не занимает, – объяснила свою покупку Анна.

– Пусть висит, – признавая правоту супруги, согласился Михаил, – от нас не убудет.

Михаил завёл Зорьку в хату и привязал справа от входа к вбитому в землю колу. Немного подумал и укоротил цепь с таким расчётом, чтобы та не позволяла жеребёнку свободно разгуливать.

– Сзади не подходить! – наказал Михаил остающимся в избе детям и ушёл по своим неотложным делам.

Кобылку-то он привязал старательно, но, видимо, не рассчитал силу подросшего жеребёнка. Вскоре не на шутку разыгравшаяся от вынужденного безделья Зорька выдернула удерживавший её кол и, взбрыкивая копытами, поскакала по комнате. До того было потянувшиеся к ней ребятишки прыснули в разные стороны, не зная куда прятаться от расшалившейся коняшки. Первым догадался и нашёл путь к спасению Пётр.

– На печь, на печь! – крикнул он, бросаясь к полатам, быстро взобрался на них, тут же протянул руку подбежавшему брату Николаю и втянул его к себе. И вовремя – подкинутая лошадиными копытами скамья взвилась в воздух и шлёпнулась в то самое место, где тот только что стоял.

– Ух ты! – стяхивая ладонью со лба пот, восторженно выдохнул Николай. – Вот ведь, ещё бы чуть – и под копыта попал, – и ещё раз проведя ладонью по лбу, закончил материнской присказкой: – за моё почтение.

– Точно, – поддакнул Пётр, – хорошо хоть на печке от неё спасение есть.

В этот момент раздался скрип, и дверь в избу начала приоткрываться – это на случившийся в доме шум прибежала сестра Маша.

– Машка, не открывай! – в один голос закричали ребята. – Лошадь с цепи сорвалась! За папкой сбегай. А то Зорька всё тут перекурочит!

Дверь вновь скрипнула, теперь уже закрываясь, затем хлопнула о косяк дверь в сенцах, и через несколько секунд ребята увидели в окно, как Маша побежала в направлении болота, где отец с матерью заготавливали хворост из выросшего по берегам тальника.

– Папа, мама, – ещё издали закричала она, – Зорька оторвалась, ребят на печку загнала.

– Да чтоб тебя! – ругнулся Михаил, бросая топор.

– Вот зараза меделянская! – вторила ему супруга. И словно спохватившись: – Как бы детей не покалечила! – испуганно воскликнула она, и супруги, не сговариваясь, бросились к дому. Михаил немного обогнал Анну и вбежал в хату первым. Распахнув дверь, он схватил Зорьку под уздцы, потом отыскал глазами детей, и только убедившись, что с ними всё в порядке, покосился на попадавшие со стены и потоптанные лошадиными копытами портреты советских революционных деятелей.

– Вот ведь незадача какая! – сокрушённо покачал головой Михаил и занялся привязью.

– Как вы? Сильно перепугались? – облегчённо перевела дух вбежавшая в дом Анна.

– Да мы... да мы... да мы нисколько не перепугались, только попервоначалу, – наперебой начали рассказывать мальчишки, – а она как подскочит, как по скамье копытами даст, та так и подлетела, а потом давай скакать. Стол в угол сбила. Простор ей получился, а мы на печку.

Анна подошла к детям, прижала к груди и стала гладить их чупрастые головы.

– Миш, больше не оторвётся? – с беспокойством спросила она мужа.

– Не должна, – особой уверенности в голосе Михаила не прозвучало. Может, поэтому он обратился к детям: – Если что – сразу на печь, поняли?

– Угу, – отозвались те. А Анна оглядела учинённый разор и всплеснула руками:

– Она что, и портреты посбивала?! Ох, уж дождёшься у меня хворостины!

– Мам, они сами попадали! – вступились за лошадку мальчишки. – Как стол в стену врезался, так они и попадали. Не надо Зорьку хворостиною!

– Сами, значит? – улыбнулась Анна. – Сами так сами. – И повернувшись к мужу: – Миш, а что с портретами-то делать? Они ж все в навозе, зелень не отмоешь! Как быть-то?

– Да, такие не повесишь, ненароком кто чужой войдёт, греха не оберёшься. Сейчас я их соберу, только с Зорькой управлюсь.

Михаил закончил возиться с лошадьёю, затем, как и обещал, собрал испорченные портреты, и пока никто посторонний не увидел учинённого с ними безобразия, от беды подальше убрал на чердак.

В первое же воскресенье он съездил в райцентр и приобрёл новые.

Год выдался холодным. Так всю зиму Зорька в избе и простояла, а уже к следующей зиме из жеребёнка-двухлетки выросла прекрасная, высокая, отборная лошадь (рысачка). Жизнь постепенно налаживалась. В двадцать девятом году у четы Гончаруков родилась дочка Нина.

Сев яровых в мае того года был в самом разгаре, все мужчины и большинство женщин находились в поле, дома оставались лишь совсем немощные старики да дети. В семье Ломзиных, как и во многих других семьях, ужин готовили оставшиеся в доме ребяташки. Огонь весело трещал в печи, вода в чугунке кипела и шипящим паром вырывалась из-под крышки. А на улице всё усиливавшийся ветер срывал валивший из печи дым и нёс его вдоль линии села. Нет-нет да и вылетали из трубы искры, но быстро гасли, и лишь одна, наверное, самая большая искорка не погасла, скатилась вниз к краю крыши и, затерявшись среди укрывавшей стропила соломы, до поры до времени спряталась, затаилась, но не погасла. Её тепло согрело маленькую соломенную трубочку, заставив сперва дымиться, затем краснеть. От одной соломинки согрелась другая, третья. Сухая солома тлела, постепенно накапливая жар, и вот под стрехой мигнул первый язычок разгорающегося огня, он лизнул окружающие соломинки раз, другой, третий и вдруг, раздуваемый очередным порывом ветра, сорвался огненным смерчем. В секунды пламя объяло всю крышу, рёв стихии оказался таков, что пересилил завывания ветра, и его услышали находившиеся в доме стряпухи.

– Пожар! – раздалось истошное, дети кинулись к двери, кто-то из старших схватил ведро, чтобы начать тушить, но тушить было поздно – бушующий на крыше огонь оказался столь силён, что его жар сразу же опалил выбежавших из избы детей, и они в страхе кинулись прочь. А огонь ещё только-только входил во вкус. Вот занялись постройки, и пожар начал быстро распространяться на соседние дома. Вначале он устремился только по ветру, но набрав бОльшую силу, двинулся и навстречу воздушному потоку, постепенно дойдя до дома семьи Жучёновых и спалив

его. Но дальше не пошёл – разрыв между домами оказался столь велик, что в этом направлении огонь отступил. Меж тем огонь, двинувшийся в подветренную сторону, продолжал своё триумфальное шествие. Ветер нёс огненные искры, быстро перекидывая пламя с одной избы на другую. Рёв огненной стихии слышался за сотни метров, к небу поднимались, видимые издалека, клубы серого дыма. На него быстро обратили внимание работавшие в поле люди, тут же побросали всё и кинулись в сторону села.

Сергей Чупин и его супруга, как и все, в тот день работали в поле. Разве что их надел находился к месту возгорания ближе прочих. Увидев дым, а следом за ним и пламя, Чупин не стал даже распрягать лошадь, а оставив её в поле, бросился к селу бегом. Жена побежала следом. Сергей оказался подле своего дома в момент, когда огненная стихия уже поглотила десятка два изб и стремительно распространялась дальше. Ни мгновения не медля, он схватил вилы и, сделав невероятно высокий прыжок, оказался на крыше своего дома. Не мешкая, стал быстро скидывать покрывавшую его солому, причём скидывал так, чтобы, упав на землю, она оказалась укрыта от летевших по ветру искр глинобитной стеной. Сперва Чупин раскрыл подветренную сторону, затем противоположную. Меж тем прибежавшая с поля жена уже таскала из расположенного у болота колодца воду и обливала ею стены и стропила дома. Когда же с других полей прикатили на лошадях переполошённые, встревоженные односельчане, соседний с Чупиными дом уже занялся, огонь яростно лизал крышу, вгрызался в замазанные глиной стены-плетёнки, пыша таким жаром, что подойти и плескнуться на огонь воду не было никакой возможности, да и не имело смысла. Огонь вцепился в избу и уже никоим образом не отпустил бы. Вытянувшись, словно лошадиная грива, летели по ветру искры, беспрестанным потоком падали на дом Чупиных, но, не находя лёгкой поживы, темнели и гасли. Жена Сергея Чупина стояла с ведром, полным воды, и не шевелилась, словно боясь спугнуть собственное везение.

То, что загорелось, продолжало гореть, но новых пожаров не возникало. Огонь, поглотив двадцать девять дворов, дальше дома Чупиных не пошёл.

Сухое, тонкое дерево, даже обмазанное глиной, раздуваемое ураганным ветром, горит быстро. Уже совсем скоро пламя осело и ушло в рассыпавшийся по земле пепел кострищ. Страшная огненная стихия перестала бушевать, горюющие погорельцы разбрелись по пожарищу, с тоской взирая на пепелища своих домов и разыскивая оставшихся в домах домочадцев.

Коля Гончарук наблюдал за пожаром издалека – вид бушующего пламени внушал страх и вместе с тем зачаровывал, приковывал взгляд, заставляя вглядываться в клубы дыма, в снопы раздуваемых ветром искр, в извивающиеся языки пламени.

Пожар закончился, наступил вечер. Те, у кого дома уцелели, прошли к себе, погорельцы разбрелись по родственникам. Михаил пришёл домой затемно, долго умывался, отмывая налипшую на лицо гарь, и когда семья уселась за стол ужинать, угрюмо произнёс:

– Не дай Бог нам такое!

Со дня пожара прошло три месяца – в полях вызревали озимые, яровые наливались желтизной, на местах пожарищ поднимались новые обмазанные глиной

плетёнки – мазанки. Как рёбра неведомых животных, над строящимися избами возвышались пока ещё не укрытые соломой стропила – люди ждали нового урожая, чтобы покрыть крыши соломой.

В конце июля крестьяне приступили к жатве. Страда – время, когда каждая пара рук на счету. Каждый вносил свою посильную лепту. В семье Гончаруков трудились все, от мала до велика – Михаил, Анна, их дети: Мария, Иван, Пётр. Грудничка Нину тоже брали в поле. Присматривать за ней и качать в люльке, подвешенной к концу оглобли, поднятой на стоявшую на земле дугу, поручалось Коле, как самому младшему.

Урожай в тот год выдался средненьким, но его вполне хватило, чтобы пережить зиму и дожждаться следующего.

Глава 6

В начале лета тысяча девятьсот тридцатого года у четы Гончаруков родилась ещё одна дочь Лиля, так что когда началась страда, она была ещё совсем крохой, и её тоже приходилось брать с собой в поле. Теперь Николаю пришлось приглядывать сразу за двумя сестрёнками, и забот у него прибавилось. День шёл за днём – наконец, рожь была сжата. Оставалось лишь перевезти снопы. Для того чтобы свозить их на ток, всех имевшихся в семье рабочих рук не требовалось, и пока Михаил с детьми занимался перевозкой, Анна оставалась с маленькими девочками в доме. Старшие дети помогали укладывать снопы на телегу, а Николай ездил с отцом туда-сюда с поля на ток и обратно.

Молотили рожь по старинке – цепами, потом веяли на ветру. Урожай оказался неплохой, и когда зерно частично продали, а частично свезли на хранение, супруги Гончаруки решили немного побаловать усердно трудившихся в страду ребятишек. Мысль пришла обоим, но первым заговорил Михаил:

– Ань, в Филатовском, говорят, яблоки уродились, может...

– Хочешь на рожь поменять? – опередив мужа, улыбнулась Анна. – Давай поменяем. Пусть ребята полакомятся, да и бочка в погребе лишняя есть. Намочим яблочек, зимой есть будем. Всё не один хлеб с капустой жевать.

– Я так подумал, – довольно улыбнулся Михаил, – будем с яблоками.

На том они и порешили.

Надолго обмен откладывать не стали. На завтрашний день, рано поутру, Михаил запряг лошадь в телегу-бестарку (заранее на треть засыпанную рожью) и уже было собрался в путь, как из дома вышел зевающий спросонья Николай. Увидев садящегося на повозку отца, он тут же выпалил:

– Пап, а можно я с тобой?

– Поехали, – не стал отказывать сыну Михаил, – только мамку предупреди. А то, может, нужен ты ей для чего, вдруг не отпустит?

– Я щас, – Коля скрылся в избе и через несколько мгновений вновь выскочил на улицу.

– Отпустила, – радостно сообщил он и, ступив на ось колеса, ловко перепрыгнул за борт, плюхнувшись прямо на насыпанную рожь.

– Но, пошла! – тронул поводья Михаил, и телега, подпрыгивая на ухабах, покатила в направлении поселения Филатовский. Ехать пришлось довольно долго, но Коля не скучал, разглядывал порхающих над стернёй птичек, тыкал пальцем в перебегающих дорогу мышей и сусликов. В одном месте они потревожили лежавшего на днёвке русака, и тот со всех ног прыснул прочь, только замерцал трепыхающийся на бегу хвост. Коля очень хотел увидеть лисицу, но в тот день она на их пути не попала. Миновав овраг, путники обогнули поле с уже всходившими озимыми и вскоре оказались на краю яблочного сада.

Сад показался Коле просто огромным и почти волшебным. На развесистых яблонях висели вызревшие, благоухающие на всю округу яблоки. К саду то и дело подъезжали телеги, и работавшие на сборе плодов мужчины и женщины загружали в них собранный урожай.

– Здорово были, мужики! Бог в помощь! – поприветствовав работающих Михаил.

– Здорово! – отозвался мужик, стоявший на подсчёте убывающих подвод, остальным занятым работой садоводам было не до приветствий. Меж тем Михаил показал пальцем на стоявшие под деревьями подпорки и произнёс с намёком:

– Смотрю, у вас в нынешнем году урожай добрый, ветви так и ломаются!

– А ты никак купить хочешь? – смекнул учётчик. Михаил кивнул и тут же поправил:

– Поменять.

Казалось, учётчик на мгновение задумался, но лишь на мгновение.

– На что меняешь? Что привёз? – спросил он. Михаил ткнул пальцем в насыпанное в бестарку зерно:

– Рожь.

– Рожь, значит, рожь... – задумчиво повторил учётчик, подумал с минуту и благосклонно кивнул: – Хорошо, меняем гарец на гарец.

– Добро, пусть будет баш на баш, – легко согласился Михаил. Именно на такой мен он и рассчитывал: один к одному.

– Эй, Манька, Федька, подь сюда! – кликнул учётчик работающих в саду людей, и когда те подошли к телеге, ткнул в её содержимое пальцем. – Давай пересыпай!

Работники не заставили себя ждать. Михаил помогал. Вскоре вся рожь перекочевала в дерюжные мешки, а дно телеги-бестарки, опять же на треть или даже чуть больше (садоводы не пожадничали), оказалось засыпано духовитыми яблоками. Когда Михаил уже уселся на лежавшую поперёк бортов телеги доску и собрался тронуть поводья, к ним подошёл всё тот же мужик-учётчик и протянул Коле особо крупное жёлто-янтарное яблоко.

– Держи, парень! Кусай сразу. Скажешь, каково оно.

Колю не потребовалось просить дважды, он взял яблоко обеими руками и впился в него зубами – сок во все стороны так и брызнул.

– Что, вкусно? – довольно улыбнулся мужик. В ответ сидевший с набитым ртом Коля только кивнул. Михаил укоризненно посмотрел на сына.

– А что надо сказать? – вкрадчиво спросил он.

– Шпасыбо! – прошамкал Николай и вновь погрузил в яблоко свои зубки.

– Смотри не переешь с непривычки, – предостерег сына Михаил, дёрнув поводья, тронул лошадь с места. Заскрипели колёса, отмеривая обратный путь, запылили по полевым дорогам копыта. Долог ли путь, скор ли, а вот и оно, Клюквенное болото, впереди, прямо перед глазами, крУгом расстилается.

– Тпру, – вскричал Михаил.

Повинуясь команде, лошадь остановилась посередине двора и застыла. На порог тотчас выбежала Маша, обернувшись назад, радостно крикнула в открытую дверь:

– Приехали! – подбежала к бестарке, заглянула вовнутрь.

– Ой, сколько яблок! – всплеснула она руками. – Пап, можно? – спросила и протянула руку к яблокам.

– Бери, дочка, бери! – подбодрил её отец. – Много только не ешь, с непривычки как бы живот не заболел.

Яблок хватило им и на большую кадущку, и на столе у семьи Гончаруков в тот год всю зиму стояли ароматные мочёные яблоки.

В этом же, тридцатом, году в поселении Буряты, там, где находился бывший барский спиртовой завод, организовали коммуну. Почти сразу Михаилу, как мужику грамотному, предложили занять должность счетовода. И поздно вечером между мужем и женой состоялся серьёзный разговор.

– согласишься? – баюкая дочерей, спросила Анна. Михаил глубоко затынулся трубочкой, выдохнул дым и только тогда ответил:

– Соглашусь, Ань, соглашусь. Потому как по-другому теперь никак.

– Ох, Миша, – Анна взглянула мужу в лицо, будто ища там ответы, – боязно-то как, а вдруг не заладится? Тебе-то самому не страшно?

– Страшно, – не стал кривить душой Михаил, – но советская власть за коллективизацию крепко взялась, не отступит. По-любому в выгоде должны оказаться.

– Зорьку отдавать жалко, – в глазах Анны заблестели слёзы.

– Жалко, – согласился Михаил, – но не на убой же её отдаём, – сказал, а сам горько вздохнул. На том и порешили. На следующий день Михаил отвёл Зорьку в Коммуну и приступил к выполнению своих счетоводческих обязанностей.

Так и пошло: Михаил работал счетоводом, Анна ставила на ноги своих младших дочурок. Но в Коммуне Михаил Демьянович проработал недолго – в тысяча девятьсот тридцать первом году в селе Хорошавка, где они по-прежнему проживали, организовалось сразу три колхоза, и Михаила попросили оставить Коммуну и перейти в один из этих колхозов на такую же должность, как и на прежнем месте работы.

А ещё в тридцать первом году в их селе открыли начальную школу, и Коля пошёл в первый класс, а его брата Петю, уже умевшего читать и писать, приняли сразу в третий.

По странному стечению обстоятельств именно в первый школьный день Анну и пришедшую к ней посудачить соседку бабку Ефросинью потянуло на воспоминания. Впрочем, праздным времяпровождением это назвать было нельзя, Анна пряла пряжу, бабка Ефросинья вязала большой пуховый платок.

– А помнишь, как мы с тобой в Гражданскую шерсть чесать ходили? – спросила бабка Ефросинья. Анна кивнула – она помнила. Как не помнить...

...Шла Гражданская война. Двудикая змея крестьянского восстания, раскачиваясь, поднимала голову. Доведённые до отчаяния бесконечным грабежом продотрядов, крестьяне ещё только готовились взяться за оружие, а в округе уже всюду шастали прикрывающиеся псевдореволюционной идеологией банды.

Дорога к чёске пролегла через лиственный лес. Женщины только-только миновали половину пути и находились близ бывшей барской заимки, когда совсем рядом услышали истошный, полный страха и боли человеческий крик. На секунду он оборвался, а затем взвился в небеса тоскливым, хрипло-свистящим завыванием. А-а-а-а-а-а-а-а-а-а, – разнеслось по округе. Но тут раздался чавкающий удар, и крик оборвался вновь.

– Что такое? Что? Что там? – оглядываясь по сторонам, испуганно захлопала глазами Ефросинья.

– Тихо, – Анна прижала палец к губам, призывая бабку к молчанию, та покорно кивнула, но когда Анна вознамерилась повернуть назад, горячо зашептала:

– Пойдём глянем, что тама такое?! – бабкино любопытство пересилило страх.

– Надо тикать, – таким же шёпотом ответила Анна, – как бы беды не вышло!

– Так ить полпути прошли, назад, что ли, вертаться? – заспорила Ефросинья. – Мож, дурачок какой себе по ноге топором тяпнул? Глянуть надо.

– Ты сама-то себе веришь? – Анна нервно облизала губы.

– А чё, может, кому помощь нужна, кустами к заимке подойдём, одним глазком глянем, а то зря, што ли, в такую даль тащились? Ежели там кто топором себе палец срубил, подмогнём и дальше своей дорогой пойдём.

– Что с тобой делать? Силком же обратно не потащишь. А сама ты, я гляжу, не отступишь. Что ж, пойдём глянем, вдруг ты права? – сдалась Анна.

Они успели пройти довольно много, когда впереди послышались мужские голоса, хриплый смех. Понимая, что, от греха подальше, следовало бы повернуть назад, Анна остановилась, а вот бабка Ефросинья с завидной резвостью прошмыгнув мимо спутницы, остановиться и не подумала. Как назло, под ногами валялось множество сухих веток, и догнать шустрю бабульку, не наступив на одну из них, не представлялось возможным. Вздохнув, Анна кинулась следом.

Ефросинья первая достигла куста орешника, за которым начиналась поляна. Тут она, замедлив шаг, сбавила скорость, пошла медленно, аккуратно переставляя ступни с пятки на носок, потом и вовсе остановилась, прислушалась и осторожно раздвинула ветви. Увиденное ошеломило: на поляне метрах в двадцати от вытаравившей глаза бабки стоял козёл для пилки дров, только вот лежало на нём отнюдь не бревно, а обрубок человеческого тела – ноги и голова, отпиленные двуручной пилой, валялись рядом. Саму же окровавленную пилу держал в руках один из находившихся на поляне и преувеличенно радостно смеявшихся мужиков. Под одной из «ног» козла валялся топор и кляп, весь в крови, видимо, до последнего затыкавший рот несчастного.

– А как орал комуняка, как орал! – донеслись до женщин восторженные слова одного из убийц.

Глаза бабки Ефросиньи полезли на лоб, рот начал открываться, но готовый сорваться с губ крик ужаса так и не сорвался – ладонь стоявшей позади Анны закрыла бабке рот, и тут же второй рукой Анна медленно потянула спутницу в глубину лесной чащи.

Женщинам повезло – никто их не увидел, никто не услышал удаляющихся шагов – а уходили они долго и медленно. Бабка Ефросинья преодолела свой страх, а может, именно он придал ей ловкость, и шла она, пробираясь меж лесных валежин с ловкостью дикой кошки.

Прежде чем решиться выйти на дорогу, женщины брели по чаще, как им показалось, очень долго, а когда, наконец, вышли, ноги сами понесли их к дому – ни о каком походе на чёску речи уже не шло. Увы, добраться до села без происшествий они не успели – какое-то время спустя за спиной раздался стук конских копыт. К несчастью, в этот момент женщины практически вышли на опушку леса и прятаться или куда бежать было поздно. Всадник быстро нагонял их.

– Кидай шерсть за куст! – шёпотом потребовала Анна. И когда Ефросинья заупрямилась, зло на неё шикнула: – Жить надоело? Кидай, кому говорят! – и, видя, что спутница всё ещё колеблется, быстрым шёпотом пояснила: – С шерстью увидят, поймут, что назад возвратились. Порубят, в щепу порубят!

После этих слов бабка Ефросинья уже не мешкала, а топот становился всё ближе.

– Иди, как идёшь! – одёрнула Анна свою спутницу, когда та чуть было не пустилась наутёк. – От коня не убежишь. И молчи.

Анна и Ефросинья уже вышли на луг, а вслед за ними из леса выехал всадник. Увидев путниц, он пришпорил лошадь и быстро догнал идущих к селу женщин. Анна, сохраняя на лице спокойствие, обернулась и сразу же признала в нагнавшем их всаднике одного из тех мужиков, что находились на той зловещей поляне. Выглядел он как сотрудник госорганов – с одной стороны болталась притороченная к его поясу сабля, с другой – кобура с торчавшей из неё рукоятью нагана.

– Здорово, кумушки! – с наигранной весёлостью поприветствовал всадник идущих. Глаза его при этом по сторонам так и зыркали.

– И вам здравия всяческого, – за себя и за спутницу ответила Анна, и приметив, что нагнавший их человек как бы невзначай положил руку на рукоять сабли, почувствовала, как по спине разбегаются холодные мурашки.

– Откуда идёте, кумушки? – вроде бы невинно поинтересовался всадник.

– Да вот на кордон ходили, с лесником потолковать хотели, насчёт леса сговориться, – с наигранной небрежностью ответила Анна, на ходу придумав историю, которая давала понять, что они у той страшной поляны оказаться не могли никоим образом.

– И как, сговорились? – всадник выпрямился в седле и вновь повертел головой, осматриваясь.

– Да какое там! – с притворным огорчением в голосе вздохнула Анна. – Уехал он куда-то. Придётся ещё и завтра идти. Да как бы опять не впускую.

Всадник задумался и, ведя коня вровень с идущими, свесился с седла и заговорщицки зашептал:

– Слушайте, бабоньки, а вы случайно странное в лесу не видели?
– Странное? – удивлённо переспросила Анна. А затем с усмешкой: – Лешего, что ль?

– Может, слышали что? – пропустив вопрос про лешего мимо ушей, продолжал допытываться бандит. – Может, почудилось, кричал кто?

– А что в этом лесу кричать, тут разве заблудишься? – прикинувшись дурёхой, начала разглагольствовать Анна. – Да и грибов сейчас нет, чтобы по лесу плутать. Сороки одни трещат да сойки. А, ещё дятла видели. А из людей только мы сёдня невесть куда попёрлись, и то без толку.

– Это точно, – согласился всадник и добавил: – А про странное... это я так, для порядка спросил. В милиции я работаю, ясно? Вот и спросил, а то мало ли... – всадник не договорил, натянул поводья, разворачивая коня, развернул, хлестнул скакуна по крупу нагайкой и поскакал в лес...

До не на шутку перепуганных женщин ещё какое-то время доносился звук удаляющихся копыт, потом всё стихло.

– Ох, и страху мы тогда с тобой натерпелись! – на секунду перестав вязать, покачала головой бабка Ефросинья. И сразу перескочила на другое: – Слышь, а ты попа отца Фёдора знала?

Анна кивнула:

– Да, доводилось как-то видеться.

– Так не слышала поди?! Арестовали его на днях, – сообщила новость бабка Ефросинья, – бают, отсиживался у кого-то в подполье. Десять лет в доме в погребе прятался. Как тодысь от котовцев убёг, так с тех пор и прятался. А ирод тот ещё!

Анна вновь кивнула, она хорошо знала эту историю.

К отцу Фёдору банда пригнала сельсоветчика со всей семьёй – женой, родителями, детьми – все мал мала меньше.

– Что с этими делать? – спросил отца Фёдора старший в банде. – Не убивать же? Грешно как-то.

– Вот именно, что убивать! – зло рявкнул поп. И тут же его голос поменялся на ласково-медовый: – Большевики-коммунисты суть есть антихриста порождение. Убивать их, резать и вешать – дело богоугодное, подвиг во имя Христа нашего!

Голос священника возвысился, зазвенел несокрушимой твёрдостью металла:

– Я благословляю вас, сыны мои, на борьбу с этой пакостью! А коли и будет в том толика греха, так я на себя всё приму, вам грехи заранее отпущая!

Взвизгнули сабли, залила младенческая кровь землю...

Так во дворе у попа всех и порубили, и сельсоветчика, и родителей его, и жену, и детей. Потом вывезли и в овраг, как скотину дохлую, свалили.

– Поймали попа, говоришь? – задумчиво переспросила Анна.

– Поймали, теперь судить будут.

Анна вновь понимающе покивала. С отцом Фёдором ей довелось столкнуться один раз, в году шестнадцатом, по весне. Он не показался ей монстром,

скорее рассудительным, вполне разумным человеком. Она уже и не помнила, по какому поводу оказалась в доме священника, но слова, тогда им сказанные, запомнила на всю жизнь.

До окончания Великого поста оставалось не больше недели. Войдя в горницу и увидев восседавшего за обеденным столом отца Фёдора, Анна от неожиданности всплеснула руками. И дело было не в том, что священник трапезничал, а в том, чем именно. Стол оказался заставлен скоромными блюдами, которые без зазрения совести поглощали домочадцы, а, собственно, сам священник вкушал поджаренную в печи курочку.

– Батюшка, так ведь пост же на дворе! – не удержалась Анна.

– Эх, – тяжело вздохнул отец Фёдор, – какие же вы всё же тёмные, необразованные, – с теплотой в голосе произнёс он. – Есть скоромное не грешно, грешно встретить праздник Господень за пустым столом да объедками. Пост для того вам и даётся, чтоб в глупости своей, идя в поводу чревоугодия, не проели запасы, Богом вам даденые, и было вам чем стол в день Пасхи святой накрыть... А пост – он перво-наперво в духовности и покаянии состоит, пища – это уже дело десятое. Мужик в бедности своей и так половину жизни постится...

«Да больше, гораздо больше, – подумала Анна, – многие куски мяса годами не видят».

Никогда бы она не подумала, что отец Фёдор может оказаться таким жестоким. Что его сломило? Что поменяло? Или в жестокости, наконец, проявилась его истинная суть? Из раздумий Анну вывел голос Ефросиньи, перебиравшей собственные воспоминания:

– А помнишь, как антоновцы к нам в село пришли? Тогда ещё братья Масловы на болоте от них прятались, а энти из пулемёта по болоту строчили да из винтовок бухали?

Всё это промелькнуло как единый миг, а бабка Ефросинья продолжала вспоминать былое, теребя, казалось бы, уже зажившие душевные раны:

– А у Колпашникова-то, у Колпашникова брат двоюродный, что в Чернавке жил, на побывку с Красной армии послая ранения пришёл, так ночью в избу постучали, он вышел, а ему, ни слова не говоря, кааак шашкой по шее вдарят, так голову чуть напрочь не снесли, на одной коже удержалась. Он так с башкой, на бок висевшей, по двору и побежал, всё кровушкой заливая, только в огороде упал сердешный и в судорогах смертных забился. Помнишь?

– Помню, – кивнула Анна, – рассказывали.

– А помнишь, как красноармейцы в Паревке... – начала было вспоминать бабка Ефросинья историю про расстрел заложников...

Но Анна так сердито взглянула на неё, что та мгновенно умолкла и благо-разумно перешла на другое.

– А голодуху помнишь?

– Помню, как не помнить... – вздохнула Анна.

– Сейчас-то неплохо зажили, не дай Бог голод опять случится!

– Не дай Бог! – согласилась Анна. Она хорошо знала, что такое голод, голодать приходилось не раз, но тот год запомнился ей особенно...

Глава 7

Ещё шла Гражданская война, на Тамбовщине полыхал Антоновский мятеж, продотряды «усердствовали» в продразвёрстке, и всё же голодали не все, а вот в семье Гончаруков закончились последние крохи зерна, в погребе оставался лишь картофель на семена да четверть кадушки квашеной капусты, вот и все запасы. Сколько-то продержаться можно, но до весны не дотерпеть – не дожить. Уж что-что, а это Анна понимала точно. Она отчаянно искала выход. Пойти бы батрачить, но в деревне работы не было.

«Податься на заработки в город? – это казалось самым простым выходом. Но тут же возникал новый вопрос: – А хату на кого?»

Мужчин в доме, не считая едва ходившего, от болезней и голода, старика-свёкра, не было (муж ещё не вернулся с гражданской), так что все заботы о прокорме семьи ложились на её плечи. Дед Демьян с голодухи разве что с малыми ребятами возился, да и то лишь когда отпускала ломота в костях и боли в спине, хотя и то добро, какой-никакой, а за ребятами пригляд. Но о том, чтобы оставить на него всё хозяйство, нечего было и думать. «Нет, в город поехать никак не получится», – придя к такому выводу, Анна тяжело вздохнула и, опустив веретено, прислушалась к завывавшему за окном ветру. Из раздумий её вывел топот босых ножек.

– Мам, а у нас есть хлебушек? – Маша (старшенькая) потянула Анну за подол. – А, мам?

– Доченька, попей водички, а хлебушек... хлебушек потом, потом принесу я. Я принесу, – попыталась успокоить дочь Анна, и тут же вновь отчаянно забились мысли: «Что делать? Что делать? Как быть?»

Упало из руки и покатилося по полу веретено, и Анна вдруг со всей отчётливостью поняла: выбор у неё небольшой – умереть или...

– Пап?! – она окликнула сидевшего у окна свёкра.

– Что, Анечка? – встрепенулся он, с трудом привставая со своего места.

– Пригляди за детьми, – указав на малых, попросила Анна.

– А ты что, куда ль собралась? – настороженно спросил он.

– По дворам пойду, – без обиняков сообщила Анна и принялась собираться в дорогу. Быстро нагнув на ноги онучи, засунула ступни в обрезки старых валенок, затем взяв старый, единственный на всю семью тулуп, надела на себя и принялась застёгивать пуговицы.

– Да куда ж ты пойдёшь? – вздохнул Демьян, поняв задуманное невесткой. – Пустое всё – у нас в деревне лишнего, считай, ни у кого нет.

– По хуторам пойду, – Анна закончила одеваться, взяла шаль и, накинув её на голову, потянулась к дверной ручке, – говорят, некоторые хлебом за моё почтение запаслись.

– Да окстись, девонька, у кого какой сейчас хлеб? Всё ироды выгребли! Не добудешь ничего и сама замёрзнешь – тулуп старый, на ноги даже онучей добрых нет, – вновь вздохнул свёкор, не столько пытаясь отговорить сноху, сколько и вправду ни капли не веря в успех задуманного.

– Чем с голоду подышать, уж лучше замёрзнуть! – Анна решительно распахнула дверь.

– И что с тобой поделаться? – развёл руками свёкор. – Храни тебя, ангелы небесные!

Анна ничего не ответила и, уже уходя, пообещала:

– К завтрашнему вечеру вернусь! – притворила дверь в комнату, пройдя по сенцам, вышла на улицу и захлопнула за собой дверь входную. Тут же налетел холодный ветер, тело мгновенно охватил озноб. Зябко поёжившись, Анна плотнее запахнула шаль и минуту стояла, прижавшись спиной к стене, пытаясь справиться с подступившим к горлу комом. Беспросветная тоска сжала грудь, выдавила на глаза слёзы, охватила вмиг ослабевшие от непонятого волнения ноги. Захотелось опуститься на промёрзшую землю и сидеть, сжавшись в комок, до тех пор, пока холодные щупальца стужи не проморозят тело и не остановят тяжело бьющееся сердце. «Зачем мне эта мука? Зачем? За что мне такое наказание? Что это за жизнь? – терзали душу женщины нахлынувшие вопросы. Бьющим в висках пульсом, казалось, пришёл ответ: – Умереть! Лучше умереть! Просто взять и умереть. Лучше смерть, чем так мучиться! – сердце охватила ещё большая боль, Анна почувствовала, как от новой волны отчаяния ноги подкашиваются всё сильнее и сильнее. – А дети? Что станет с ними? Как они без меня?»

Ответ тоже пришёл сам.

«Они скоро умрут, умрут вслед за мной, умрут от голода... – эта мысль заставила Анну отпрянуть от стены и сделать первый шаг. – Нет, я должна... я сумею, я найду хлеб, я вымолю его, выпрошу на коленях, отработаю», – она решительно тряхнула головой, оттолкнулась от кирпичной кладки, ухватила стоявший на углу дома посох и сделала второй шаг, затем всей грудью вдохнула холодный воздух и всё убыстряющимся шагом отправилась в путь.

По селу она не пошла, двинувшись напрямик, через заросшее осокой и небольшими деревцами, скованное морозами болото. Проплешинами блестели замёрзшие бочаги, шуршал под налетающими порывами ветра камыш. Покрытая инеем осока казалась посеребрённой, и закопчёнными колбасами то тут, то там торчали над осокой початки куки. Просить милостыню в своём селе Анна даже не пыталась – в большинстве дворов дела с хлебом обстояли не многим лучше, чем в семье Гончаруков, а у тех двух-трёх хозяев, у которых хлеб имелся в достатке, просить не стоило и пытаться.

– Скупердяи! – сердито проворчала Анна и едва не угодила в выступившую на льду из-под наметённого под кусты снега лужу. – Зараза медезянская! – ругнулась она и стала более внимательно смотреть под ноги – не хватало ещё промочить подошвы валенок. Но больше по пути растёкшихся по льду луж не попалось. Вскоре болото закончилось, и Анна поспешила дальше, мимо ветряной мельницы, мимо заброшенного, зиявшего выбитыми окнами барского дома, мимо церкви и дальше по высокому косогору вдоль старого русла реки Вороны.

Несмотря на вступивший в свои права день, на деревенской улице было совершенно пустынно, только раз сквозь завывания ветра ей почудился скрип открывающейся двери, да ещё как-то раз заржала во дворе лошадь. Село словно вымерло.

А как иначе, если скотину (у кого она ещё была) с утра уже успели убрать, а что ещё делать на морозе? Заразу искать или беду на свою голову? Оно и дураку понятно – в избе если и не безопаснее, то всяк теплее.

Так никого и не повстречав, Анна, широко шагая, вскоре выбралась на окраину села и ступила на запорошенный снегом тракт.

Быстрая ходьба согревала. Так что когда Анна оказалась у крайних домов выбранного для попрошайничества селения, она нисколько не замёрзла. Меж тем ветер усиливался.

Чтобы постучаться в первый дом и попросить милостыню, Анне пришлось собрать все силы, задавить последние крохи остававшейся в душе гордости. И это ей удалось – она громко, настойчиво постучала и при виде открывшей дверь хозяйки запричитала тоненьким, горестным голосочком:

– Дай Господи здоровья и вам, и деткам вашим, и родным вашим и Царствия небесного родственникам почившим вашим! Подайте Христа ради Господа нашего – муж на имперском фронте погиб, – Анна лгала, опасаясь говорить, что муж воюет за красных. Мало ли на кого нарвёшься? Уж лучше так: погиб и погиб. И лишь мысленно молясь, чтобы её ложь о смерти мужа не воплотилась в правду. – Голодуем мы, детишки с голоду пухнут. Милостиво прошу, подайте хлебушка чёрствого, мучицы али ещё чего съестного?! Бога ради подайте, и вам сторицей окупится! Христом Богом молю!

В первом доме ей повезло: хозяин вынес небольшую краюху хлеба. Затем в двух следующих хозяева виновато развели руками, но ободрённая первой удачей Анна уже более уверенно продвигалась дальше.

– Тук, тук, тук, – наверхние посоха методично стучало в двери домов, и когда те распахивались, Анна уже привычно рассказывала свою историю. При этом она не переставала кланяться и ежесекундно креститься. И – о чудо! – тяжесть её ноши росла с каждым обойдённым домом. И когда Анна вышла к дальней окраине села, её котомка оказалась наполнена почти доверху: кто дал хлеб, кто несколько картофеля, кто лук-репку, один из зажиточных хозяев расщедрился петушиной головой с толстым, мясистым гребнем. Душа Анны пела! Меж тем вечерело, следовало бы возвращаться домой, но она не оставила своей задумки дойти до ближайших хуторов – чай повезёт и там?

И Анна продолжила свой путь. Дойдя до оврага, она остановилась, достала из котомки кусок хлеба, откусила большой кусок и, жуя на ходу, поспешила дальше. А ветер крепчал, к тому же с неба посыпались первые, пока ещё редкие, снежинки.

Шум, крики и разрывающуюся гармонь она услышала задолго до того, как в густеющих сумерках показались плетёный забор, идущий от затерявшегося в полях хутора. Тогда Анна остановилась и, сняв с плеч котомку, достала из неё дерюжный мешок. Бросила в него несколько кусков хлеба, а котомку подвесила на ветку одиноко стоявшего дерева и только после этого двинулась к хутору. Подойдя ближе к забору и оказавшись как раз напротив калитки, она разглядела телегу со стоявшим на ней пулемётом.

«Банда!» – мелькнула мысль, и Анна уже хотела было, что называется, от греха подальше повернуть обратно, но её окликнули.

– Стой, кто ты? – закричал расположившийся под телегами человек, вооружённый длинной винтовкой с примкнутым к стволу штыком. Анна соображала быстро, бежать поздно, оставалось одно:

– Дай Господи здоровья и вам, и деткам вашим! Муж на имперском фронте погиб, голодаем мы, детишки с голоду пухнут. Милостиво прошу, господин хороший, подайте хлебушка чёрствого, мучицы али ещё чего съестного?! Бога ради, подайте, и вам сторицей окупится!

– Это что ещё за чучело? Побирушка, што ль? – лежавший под телегой мужик сплюнул в солому, на которой лежал. – Развелось вас! Егор! – крикнул он громко. – Иди сюда! Живо иди сюда!

– Чё разорался? – недовольно отозвался Егор.

– Тут баба припёрлась, побирушка. Давай её к командиру, а то мало ли, вдруг с доглядом?

– Эй, ты, – окликнул Анну Егор. – Подь сюды! – И когда та приблизилась: – А теперя пошла со мной, да впереди иди, а то не люблю, когда за спиной незнамо кто тащится.

Так идя друг за другом, они подошли к дому и, пройдя через широкие сени, вошли в просторную горницу.

За длинным столом сидело десятка два вооружённых бандитов и с ними несколько раскрасневшихся от выпивки и тепла девок.

– Степан Ильич! – обратился вошедший к грузному мужику, восседавшему во главе стола. – Я тут вот привёл, – он показал рукой на стоявшую в дверях Анну. – Артём задержал, сказал к тебе, а то как бы того... – он не договорил, его перебила бухнувшаяся на колени Анна:

– Дай Господи вам всем здоровья, и вам, и деткам вашим! Муж мой на имперском фронте погибши. Голодуем мы, детишки с голоду пухнуть. Милостиво прошу, подайте хлебушка али ещё чего съестного! Бога ради прошу, подайте, и вам сторицей окупится! – и ну как бить поклоны, с завидной методичностью бухаясь головой о деревянный пол.

– Ишь ты, какая богомольная! – усмехнулся грузный мужик, видимо, старшой над этими вооружёнными людьми. – И вижу, не старуха ещё! Вставай с колен, баба, и брось крест возводить, не на паперти!

Анна продолжала кланяться.

– Встань, кому сказал, – рявкнул Степан Ильич, – а то плётки не жалко, мигом на ноги подниму!

– Помилуйте! – взмолилась Анна, поспешно, но неуклюже отрываясь коленями от пола и вставая на ноги.

– Сними шаль! – вновь подал голос вожак, и Анна не посмела противиться.

– Точно, не старая, отмыть бы тебя – и в отряд, да у нас своих красавиц хватает с избытком, – обведя сидевших за столом распутниц, задумчиво протянул старшой. – Слышь, баба, выпьешь с нами?

– Да за ваше почтение! – неожиданно для самой себя согласилась Анна.

– Евсей! – окликнул старшой молодого паренька, державшего в руках ведёрную бутылку самогона. – Плескани-ка ей в кружку. Да не жалеи!

Паренёк, поспешив выполнить приказание, протянул Анне большую глиняную кружку, полную мутной жидкости. Анна приняла её, глубоко вздохнула, приложила край кружки к губам и, запрокинув голову, принялась быстро пить, спеша опустошить её, прежде чем горло перехватит огненным спазмом. Часть жидкости пролилась, часть осталась в отставленной в сторону посудине, но и без того Анна почувствовала, как внутри у неё разгорается огненное пламя. С трудом, но она задержала дыхание и гордо выпрямилась, лишь на глазах обильно выступили неизбежные слёзы.

– Во баба! – радостно заголосил вожак банды. – Точно бы взял к себе, но детей жалко... Хотя, – старшой на мгновение задумался, – говоришь, муж в империалистическую погиб? Не брешешь?

– Христом Богом клянусь! – Анна трижды неистово перекрестилась.

– Ладно, пусть так, а ты-то сама за кого будешь? – пьяно допытывался до Анны Степан Ильич.

– Шо? – Анна сделала вид, что не поняла вопроса.

– За кого будешь, говорю? За красных, за белых али за народную власть?

– Да мы не грамошные, куды нама в том разобраться?! – нарочно коверкая слова, ответила Анна и вновь неистово перекрестилась.

– Ладно, шут с тобой... Хм, дети, говоришь, пухнут? – старшой вздохнул. – У меня тоже дети, пожалеть тебя, что ли?

Анна смиренно уставилась в пол.

– Евсей, – махнул рукой атаман, – а принеси-ка соль, что мы у продотряда взяли.

– Всю? – удивлённо воскликнул тот.

– Всю, всю, – подтвердил свои слова Степан Ильич.

– Так там пуда два... – опешил Евсей от неожиданной щедрости своего командира.

– Вот всю и принеси! – потребовал старшой. И уже обращаясь к Анне: – Далеко ль идти, красавица?

– Не близко, – вздохнула та, не спеша называть своё местожительство, а Степан Ильич не стал допытывать.

– Два пуда унесёшь? – глядя на худую фигуру Анны, усмехнулся он.

– С Божьей помощью, – смиренно опустила глаза Анна. И тут, заставив вздрогнуть, гулко ударила о половицы принесённая Евсеем соль.

– Так мы что, так, даром два пуда соли и отдадим? – недовольно проворчал Евсей, с опаской поглядывая на главаря.

– Почему даром? – усмехнулся старшой. – Красавица нас потешит. – И, увидев, как дёрнулись мышцы на лице стоявшей перед ним женщины, расхохотался: – Да не бойсь ты, сильничать не станем. Что другое придумаем...

– А пусть она спляшет! – видимо, пожалев нищенку, предложил кто-то из находившихся в комнате девиц.

Старшой сперва нахмурился, а потом махнул рукой:

– А чего? Пускай так и будет. Ну что, баба, станцуешь нам? Повеселишь народ?

Вместо ответа Анна скинула с ног обрезки валенок, сняла с плеч тулуп, стянула онучи и пустилась в пляс. Танцевать она умела хорошо и потому смогла сплясать даже в тесноте не занятого столом небольшого свободного кусочка горницы. Когда танец закончился, по всему телу Анны бежал пот.

– Вот баба, вот молодец, потешила так потешила! – кружкой по столу застучал старшой. – Забирай свою соль и уходи. – И вдруг: – А может, останешься?

– Благодарствую, но не могу, господин хороший, детки дома ждут, плачут с голодухи! – сказав чистую правду, Анна сунула босые ступни в обрезки валенок, подхватила одной рукой тулуп с шалью, второй рукой мешок с солью, а заодно и свой собственный и, не решившись искать брошенные в сторону онучи, пятясь, поспешила к выходу. Как только за спиной хлопнула дверь, Анна спешно накинула на себя одёжку, сунула свой мешок в мешок с солью и, взвалив неожиданную ношу на спину, кинулась прочь от хutorского дома. Боясь, что её остановят, Анна почти вылетела в распахнутую настежь калитку. Но и оказавшись за забором, она не замедлила шага, а наоборот, побежала быстрее, стремясь как можно скорее уйти от занятого бандитами хutora. Сердце разрывал страх: как бы столь щедрые дарители не передумали и не забрали подаренную ими соль, а то и не отчудили чего похуже. Она продолжала бежать, и лишь когда добралась до одинокого дерева, нервное напряжение схлынуло, и Анна почувствовала, как её охватывает пьяное безразличие. Хотелось сесть и отдохнуть. Но преодолев минутную слабость, она непослушными пальцами неуверенно сняла с ветки котомку, связала её с мешком и, с трудом взгромоздив на плечо, пошатывающейся походкой двинулась в обратный путь. К этому моменту с неба густым занавесом повалили крупные хлопья снега, ветер усилился до бури, и началась сильная метель. От выпитого в голове шумело, ноги не слушались, но холод быстро вывел весь алкоголь, и Анну начала пробивать дрожь. А позёмка с ледяной безжалостностью заметала пути. Вскоре снега стало столько, что приходилось идти, проваливаясь по колено в сугробы. Обрезки валенок так и норовили слететь с босых ног. Оставшиеся без онучей голени оокоченели и стали холодными как ледышки – соприкасавшийся с кожей снег давно перестал таять, а Анна всё шла и шла, лишь изредка останавливаясь, чтобы перекинуть тяжёлую ношу с одного плеча на другое. Несколько раз за время пути ей хотелось перестать бороться, упасть в сугроб и замёрзнуть, но воспоминание о голодных детях, ответственность за их судьбы гнали уставшую женщину дальше. Всю ночь она продиралась сквозь сугробы. Домой Анна добралась только под утро. С трудом вошла в дверь, сняла с плеча ношу, уронила её под ноги и обессиленно опустилась на устилавшую пол солому.

Увидевший принесённое, дед Демьян восторженно-удивлённо всплеснул руками.

– Это сколько ж добра-то! – не ожидая и вполонину подобного, радостно охнул он. Да что там говорить, он вообще не верил в Анину затею. И если краяхи хлеба, остатки еды ещё можно было объяснить чьей-то щедростью, то соль, да ещё в таком количестве, – это не укладывалось в рамки его понимания. Тем не менее соль ему не привиделась, вывалившись из вконец разодравшегося мешка, она лежала на полу двумя большими серо-грязными булыжниками.

– Соль... надо ж, – покачал головой Демьян, – цельное богатство! В цене нынче соль-то. Её ж хочь на что можно обменять. Хочь на хлеб, хочь на товар какой. Теперь, Аннушка, можно не волноваться, до весны точно доживём! Повезло ж тебе с подающими! – душа деда Демьяна возликовала, запела, но когда Анна скинула с ног замороженные обрезки валенок и слегка приподняла подол, свекор схватился за сердце...

Вскоре обмороженные ноги опухли и почернели, кожа на них натянулась и начала трескаться. Местному лекарю хватило одного взгляда – он даже не стал наклоняться, чтобы осмотреть обморожения.

– Надо ампутировать, – без обиняков заявил он, – и как можно скорее.

«Ампутация?» – пронеслось в голове Анны устрашающее слово. Она затрясла головой, словно пытаясь отогнать его холодящий смысл.

– Нет, – голос говорившей дрогнул. Кулаки сами собой сжались. – Нет, доктор, пожалуйста! Может, лекарства, травы? Я заплачу, я отработаю! – взмолилась она.

– Я бы рад, – развёл руками лекарь, – но, увы. Только ампутация. И ничего более.

– Но мне нельзя, – запротестовала Анна, – у меня дети.

– Иначе умрёте, – фельдшер не стал лукавить и давать ложную надежду.

– Куда я без ног? – закусила губу Анна. «И правда – куда? Калека, обуза. А лекарства? А уход? А сколько продуктов уйдёт... – вновь мелькнула мысль о смерти как об избавлении. – Лучше умереть. Умереть и отмучиться. А дети... Дед Демьян, чай, приглядит, а там, глядишь, и брат Антон подъедет», – письмо она от него на днях получила и с тем же нарочным своё отписала. До мужа-то весточку не послать, знает только: на фронтах где-то. А где – неведомо. Скоро ль ещё до дому вернётся? Анна тяжело вздохнула:

– Пойду я, доктор.

– Куда вы, сударыня? – вскричал тот. – Помрёшь же, ей-богу, помрёшь! Верно тебе говорю! – в голосе говорившего прорезалось сострадание.

– Помру так помру, – смирившись с неизбежным, уже без дрожи в голосе ответила Анна и направилась к выходу.

– Вот глупая баба! – ругнулся ей вслед фельдшер, но догонять и вразумлять не стал – в округе столько сейчас смертей, что ещё одна в его практике ничего не значила.

Находившуюся в полубреду Анну терзал невероятный жар, и свёкор то и дело менял примочки, но это помогало мало.

– Сейчас, Аннушка, на двор схожу и вернусь, – тяжело поднявшись, пообещал дед Демьян и, накинув на плечи полшубок, вышел из избы, ушёл на двор и, убедившись, что никто не видит, долго внадрыв плакал. А продолжавшая лежать Анна взглянула на стол, на склянки с приготовленными отварами, которые со вчерашнего дня стояли нетронутыми. Пить их не находилось ни сил, ни желания. Потом перевела взгляд на висевшую на стене икону, подумав о близкой смерти, со стоном вздохнула.

«Уж лучше бы скорей», – мелькнула мысль, слёзы сами собой потекли по щеке, закапали на подушку. В сенях раздались чьи-то шаги, но глаза Анны продолжали

слезиться, и именно поэтому, когда скрипнула входная дверь, она не сразу рассмотрела вошедшего.

– Здравствуй, – послышался знакомый голос.

– Антон? – спёкшимися от жара губами неуверенно прошептала она. – Братик, это ты?

– Я, Аннушка, я. Я, сестрёнка, – Антон шагнул от двери, и помещение сразу наполнилось запахами йода и ещё каких-то лекарств – работавший в московской больнице Антон привёз с собой её ароматы. Около постели Анны он остановился и, глядя в лицо сестры, вымученно улыбнулся. – Всё будет хорошо, – пообещал он. В этот момент из-за печи настороженно выглянула Маша, спрятавшаяся при появлении постороннего.

– Машутка, – увидев племянницу, радостно воскликнул Антон. – Худющая-то какая! Иди ко мне, я тебе гостинцев привёз. А это у нас кто такой большой? Ванечка?! И ты тоже иди сюда, сейчас дядя Антон шинель снимет и гостинцы из мешка достанет.

Дверь в сенях громко хлопнула, застучала по смёрзшейся земле клюка деда Демьяна, и входная дверь вновь распахнулась.

– Антон?! Здрав будь, дорогой! Здрав будь! – радостно пробасил Демьян. – А я на двор ходил, слышу голоса, думаю: и кто к нам на огонёк заглянул? А у нас тут вот беда какая – Аннушка приболела, – уже совсем убитым голосом закончил дед.

– Помираю я, – стараюсь удержать слёзы и не разреветься, сообщила Анна. И пояснила: – Ноги вон обморозила, доктор сказал, ампутацию делать надо. А я не хочу резать. Какой из меня работник без ног? Лишний рот, ярмо...

– Постой, постой, – запротестовал против сказанного брат Антон. – Не гони коней, постой. Письмо я твоё прочёл, враз и приехал. Лечить тебя будем... Я тут...

– Нет, это ты постой, – резко перебила его Анна, – выслушай. Обещай: помру – о детях позаботишься, пока Миша с войны не придёт – за отца им будешь.

– Да не спеши ты себя хоронить! – Антон взмахом руки остановил её словоизлияния. – Вылечим мы тебя, – во второй раз пообещал он и даже вновь выдавил из себя улыбку.

– Не утешай! – не поверила ему сестра. – Чего уж теперь, поздно меня лечить, доктор сказал: «Медицина бессильна». Только резать, а без ног я жить не хочу.

– И не надо, – разглядывая голени сестры, уже более уверенно улыбнулся Антон, – вылечим мы твои ноги. Ещё танцевать будешь!

«Да натамцевалась уже досыта», – хотела сказать Анна, но промолчала, слова брата неожиданно принесли ей надежду, нахлынувшее умиротворение потянуло в сон. Она ещё увидела, как брат вместе с гостинцами для детей достал из мешка какую-то бутылку с прозрачной жидкостью и выдернул из неё пробку. Резкий запах ударил в ноздри, и измученное тело Анны провалилось в сон. Когда она очнулась, жар спал, боль в ногах утихла. Антон, привалившись спиной к стене, дремал в углу, дед Демьян похрапывал на скамье, дети о чём-то шептались на печных полотах, в помещении отвратительно и остро пахло, и этот запах шёл от бинтов, которыми оказались полностью замотаны её ноги. Анна слегка приподнялась и дотронулась до верхнего края материи, он оказался мокрым от пропитавшей его вонючей жидкости.

Глава 8

Тысяча девятьсот тридцать второй год выдался неурожайным. Зимой голодала вся страна. Голод в Тамбовской области был не столь жесток, как в Поволжье и некоторых областях Украины, но и здесь люди пухли и умирали. Семье Гончаруков повезло больше, чем многим другим. Хотя хлеба у них не осталось вовсе, а картошки кот наплакал, зато в хлеву стояла дававшая молоко корова, в клетках сидели кролики – недостаточно, чтобы прокормить такую большую семью, но этого хватило, чтобы пережить зиму. Наступившая весна принесла облегчение – в пищу пошли проклюнувшиеся из земли съедобные травы, но вскоре все известные щавельные места оскудели, молоканки ещё не выросли, корневища болотной куки, росшей по берегам болота, выкопали ещё с осени, крапива и лебеда, из которых можно было бы варить похлёбку, едва-едва поднимались над землёй. Вода в реке ещё не прогрелась, и о том, чтобы добывать ракушки, не шло и речи. Холодные тиски голода, никак не желая отступить, вновь стиснули людей в своих смертельных объятьях. Анне вновь стала мерещиться та давняя, самая голодная в её жизни зима, но она быстро отогнала от себя эти воспоминания.

Анна с шумом втянула в себя воздух, отгоняя наваждение.

– Что это я, совсем рехнулась? Переживём голодуху – поживём, – заверила она себя. – Выдержим, нам бы только ещё немного продержаться, а там лебеда, одуванчики пойдут.

Окончательно отринув от себя поток горестных воспоминаний, Анна взяла лопату и направилась к дальнему концу огорода. Туда, где близ болотного берега она давно уже приметила многочисленные ростки лопуха, корни которого, как она хорошо знала, бывали толстыми и мясистыми. Вот только съедобными или нет? Именно это она и хотела проверить. Остановившись около одного из зелёных проростков, Анна принялась за дело.

Острозаточенная лопата легко вошла во влажную, податливую торфяную почву. С силой надавив на рукоять, Анна подала лопатный штык вверх, поднимая грунт. Вместе с грунтом потянулся и корень. Не выдержав напряжения, он треснул и оборвался, нижняя его часть так и осталась в глубине. «Хватит и этого», – подумала Анна. Вывернув грунт на сторону, она наклонилась и, взяв корень, подошла к берегу болота. Опустившись на корточки, она прижала ладонью росший там мох, и на поверхность проступила чистая, чуть коричневатая водица. Ещё не успевшая прогреться на весеннем солнце, она «обожгла» кожу, но Анна, не обратив на это внимания, опустила в воду корень и пальцами тщательно смыла с поверхности обливавшую его со всех сторон грязь. Закончив мытьё, Анна выпрямилась и вернулась к лопате, подняла её, с минуту постояла, раздумывая, и не спеша двинулась к дому. Вздохнув, прямо на ходу откусила изрядный кусок корня и принялась жевать – тот оказался жёстким, но сочным и с голодухи даже показался Анне приятным на вкус. «Ну вот, моё почтение, и попробовала, – с каким-то внутренним облегчением подумала Анна. – Скоро всё узнаю. Если к вечеру со мной ничего не случится, накопаю корней ребятишкам». Она не успела закончить свою мысль, как из избы вышел и поспешил ей навстречу сын Николай. Анна быстро спрятала корень в карман на подоле и, встречая сына, вымученно улыбнулась.

- Мам? А мам? – лицо у мальчика удивлённо вытянулось.
- Да, Колюшка? – отозвалась Анна.
- Мам, а что ты ешь? – пытливно вглядываясь в глаза матери, спросил Коля.

Та судорожно сглотнула, плохо разжёванный корень лопуха, проваливаясь в пищевод, царпнул по горлу.

– Ничего, сынок, совсем ничего, тебе показалось, – соврала она, – это я так... – Она не нашла слов, чтобы завершить фразу, и буркнула: – Беги домой.

– А ты? – забеспокоился сын.

– Я приду, приду, следом приду, – пообещала Анна, и когда Коля скрылся за дверью дома, поспешно дожевала припрятанный в кармане корешок.

Наступил вечер, и ничего не случилось. Облегчённо вздохнув, Анна вышла из дома, взяла в сарае лопату и направилась в конец огорода. Она улыбалась, так как теперь знала: голодные обмороки им не грозят – лопухов в этот год проросло великое множество. Так и случилось – до того, как пошла лебеда, крапива и другие травы, они продержались, а там в реке потеплела вода и на столе появилось мясо ракушки. А ещё Михаил отковал в кузне рыболовные крючки, достал из сундука лежавшую там с незапамятных времён шёлковую нить и, сделав несколько закидушек (донок), научил сыновей ими пользоваться. И вскоре на семейном столе нет-нет да и стала появляться рыба. Жизнь снова налаживалась.

Так уж получилось, что из всех детей в семье Гончаруков больше всех страстился к рыбной ловле сын Коля. И теперь, как только у него появлялось свободное время, он бежал на речку. Насадкой на крючки чаще всего служила всё та же речная ракушка-беззубка, иногда дождевой червь – выползок, иногда пойманная на удочку мелкая рыбёшка. На донки рыба ловилась всякая, правда, в основном то были окунь или голавль, но попадался и язь, и щука, изредка на крючок цеплялись небольшие сомята. Когда же приманку заглатывала действительно крупная рыба, случались досадные обрывы, и тогда Николай с несчастным видом шёл к отцу и просил принести новый крючок. Михаил посмеивался, но ни разу не отказал сыну в его просьбе. И Коля продолжал бегать на рыбалку. Иногда попавшаяся на крючок рыбина заводила снасть в корягу, и тогда ему приходилось раздеваться и нырять в воду, выпутывая нить, заведённую в переплетения веток или стволов лежавших на дне деревьев. Рыбачил Коля и на удочку. Место, а точнее привада, на которой он обычно удил рыбу, располагалось на высоком берегу реки, и сквозь прозрачную воду отчетливо проглядывались силуэты рыб – серебристые уклеи, полосатые окуни. Но главной целью рыбалки являлись сбившиеся в общую стаю голавли и язи. Для их ловли Коля чаще всего насаживал на крючок кузнечика или стрекозку и тихонечко подкидывал плавающим у поверхности и желающим что-либо сожрать рыбам. Леской для удочки служил конский волос, и потому приходилось внимательно следить за перемещениями рыб, и как только к приманке устремлялся излишне крупный голавль или язь, следовало поспешно дёрнуть удочкой вверх, вытаскивая крючок с кузнечиком из-под носа вознамерившейся его сожрать громадины. Когда же к приманке подходила рыбка средних размеров, требовалось не только подсечь её, но и не дёрнуть слишком сильно, чтобы собственным рывком не оборвать лесу.

Но рыболовную науку Николай постигал быстро и со временем всё реже и реже обращался к отцу с просьбами принести новый крючок взамен утерянного.

В тысяча девятьсот тридцать третьем году старшая дочь четы Гончаруков Мария окончила семь классов ликбеза, а через год, когда семь классов окончил и старший сын Иван, им обоим настала пора покинуть отчий дом – «уйти в люди». Какой путь выбрать, было определено заранее – ещё год назад отец сообщил им своё решение:

- Как только Ваня закончит седьмой класс, вы вместе поедете в Ленинград.
- К дяде Пете, – теребя в руках фартук, добавила мать. Михаил набил табаком трубку и заметил:
- Будете работать и продолжать учиться.

Так оно и вышло – в начале лета Мария и Иван, собрав свои немногочисленные пожитки, уехали в город на Неве к своему дяде Петру Осиповичу Хмаре.

В это же самое время свою трудовую деятельность в колхозе начал и младший сын Гончаруков Коля, впрочем, как и другие его ровесники. В тот год Анна работала звеньевой по выращиванию проса. Женщины звена пололи, а дети от десяти лет и старше собирали выдернутые колхозницами сорняки в охапки, выносили с поля, раскидывали и сушили на сено. Коля работал наравне со всеми и одновременно приглядывал за младшими сестрёнками Ниной и Лилей, которых по-прежнему приходилось брать в поле. И конечно же, для ребятишек в десять лет делались разные поблажки, а вот брат Коли Пётр уже трудился наравне со взрослыми, выполняя те же работы, что и они.

В постоянных заботах прошло лето, наступила осень, урожай был убран, озимые посеяны. Дел в поле не стало, и у ребят с девочками появилось больше свободных часов. Золотая осень – самое время для посиделок и разнообразных игр.

Шла первая декада октября. В тот злосчастный день Петя вернулся с посиделок радостный, усталый и разгорячённый, – мальчишки и девчонки весь вечер прыгали через костёр, и поэтому Пете сильно хотелось пить, а на сундуке в сенцах, так, казалось бы, кстати, стоял глиняный горшок с молоком.

– Холодненькое! – коснувшись ладонью поверхности толстого горшка, обрадованно прошептал Пётр, ухватил горшок обеими руками и, приложившись губами к краю, принялся пить. Тут скрипнула и открылась дверь, в сенцы вышла Анна.

– Ишь, прилабунился, хватит, остальным не останется! – беззлобно укорила она сына.

- Мам, я ещё чуток! – воспротивился Петя.
- Холодное, – возразила мать, решительно забирая кринку. – Дай тебе волю, за моё почтение, до дна опустошишь!
- Неее, – возразил сын и, усмехнувшись, проскользнул в тёплую избу, – только до половины, – его голос донёсся уже с полатей.

– Шельмец! – Анна поставила горшок на сундук и, вернувшись в жилую комнату, затворила за собой дверь. О том, что случилось нечто непоправимое, в тот момент никто не подумал, а утром Пётр почувствовал слабость, не пошёл в школу. К вечеру у него поднялась температура, ночью начался кашель. Горячее молоко,

травы не помогли. Болезнь прогрессировала. Каждый приступ кашля отдавался болью в груди и животе. Опасаясь за сына, Анна сходила в райцентр к доктору, привезла какие-то микстуры, но тщетно – кашель не утихал. На третий день Пётр начал отхаркиваться пенистой мокротой, дышал он тяжело и часто, ещё через сутки губы больного налились синевой.

– Езжай за доктором! – в глазах Анны, когда она обратилась с просьбой к только что пришедшему с работы мужу, стояли слёзы.

– Совсем плохо? – только и сказал Михаил, Анна молча кивнула. Михаил мельком взглянул на заходящегося кашлем сына и ушёл в густеющие за окном сумерки. Пока нашёл председателя, пока добрался и вывел из общественной конюшни коня да запряг в телегу, пока добрался до райцентра и отыскал дом доктора, настала глубокая ночь. Михаил привязал поводья к ограде и, подойдя к дому, громко заколотил в окно. Вскоре раздались звук открываемой внутренней двери и послышались чьи-то шаркающие шаги.

– Кого леший принёс? – недовольно раздалось из-за закрытой двери.

– Простите великодушно, но сын совсем плох. Посмотреть бы?! – взмолился Михаил.

– Что за сын, какой сын, чем болен? – слегка невпопад заговорил доктор, видимо, ещё не совсем отойдя от глубокого сна.

– Петя, сын мой, на днях жена приходила, простыл он, – спешно пояснил Михаил, боясь, что доктор откажет или того хуже – не выслушает. Дверь скрипнула и открылась.

– Бежанка, что ли? – подслеповато щурясь, уточнил доктор.

– Она, – слегка поморщившись, подтвердил Михаил, хотя и не любил, когда его жену называли вот так – «бежанка», а не по имени или фамилии.

– Так я же всё, что нужно, прописал, – на лице доктора проявилось недоумение: мол, что вы ещё от меня хотите? Но он пересилил себя и поинтересовался: – И что, не помогает?

Михаил развёл руками и принялся быстро рассказывать:

– Кашель не унимается, голова горячая, а руки холодные и губы синеть начали. Доктор, помогите, сгинет же парень! Съездите к нам! Не откажите!

Врач на секунду задумался, затем вернулся в избу и через минуту вынес бутылочку с какой-то микстурой.

– Поехать не поеду, – доктор мотнул головой, словно заранее отклоняя любые просьбы, – и не просите. Но это должно помочь, – он протянул Михаилу принесённое лекарство. – Три раза в день, по чайной ложке, Бог даст, поможет.

Михаил полез в кошель за деньгами, но доктор только отмахнулся:

– Парень выздоровеет, сам и принесёт.

– Благодарю, доктор, благодарю! – Михаил сунул бутылочку с микстурой за пазуху и быстрым шагом поспешил к лошади. «Денег не взял, сказал – пусть сын привезёт. Значит, поправится Петька наш, поправится!» – с этой радостной мыслью Михаил запрыгнул на телегу и, несильно хлестнув лошадь вожжами, покатил в сторону своей деревни. А смотревший ему вслед доктор, ещё раз мысленно пройдясь по перечисленным приезжавшим мужиком симптомам и окончательно определив

в снедавшей мальчика простуде крупозное воспаление лёгких, пробормотал себе под нос:

– Бог даст, поможет, Бог даст. Только на Бога и надейся, мужик, только на Бога...

Но полученное у врача лекарство не помогало, кашель не прекращался. Петинь ладони, ступни ног стали холодными как ледышки, синева расплзлась вокруг носа, мокрота казалась ржавой от примешивающейся к ней крови. Вот Пётр зашёлся в особенно сильном приступе, он задыхался, Анна подскочила к сыну, приподняла голову над подушкой:

– Сынок, сыночек, Петенька, что сделать, как тебе помочь?

Но Пётр только мотнул головой, привстал на одном локте и захрипел в кашле, тут же харкнул кровью, и на старенькое одеяло упали две маленькие окровавленные трубочки. После чего засипел, локоть его подломился, и парень обессиленно упал на подушку. Сил кашлять у него не осталось, он только хрипел и стонал. Анна, глядя на эти две странные трубочки, едва не зашлась в крике, но, чтобы не навредить сыну своим испугом, сдержалась. Закусив до боли губу, она взяла себя в руки и окликнула Николая, в последний момент всё же не сумев преодолеть дрожь в голосе.

– Коля, смотри за братом! – попросила она.

– Мама, ты куда? – спросил тот, и Анна, опасаясь, что, начав говорить, не сдержит рыдания, только отмахнулась. Взяв трубочки, она завернула их в чистую тряпицу и поспешила в районную больницу, к доктору.

Анна не помнила, как дошла до бывшего барского дома, служившего теперь районной больницей. Будто не было никакой дороги, а она словно очнулась уже в приёмном кабинете доктора.

– Что у вас? Заболели чем? – не узнав свою недавнюю посетительницу, спросил доктор. Вместо ответа Анна развернула на ладони окровавленный платок и протянула ладонь.

Тому хватило одного взгляда, чтобы опознать вылетевшие из истерзанных болезнью лёгких бронхи.

– Что нам делать? Помогите доктор, а? – слёзы покатались по щекам Анны, она с мольбой взглянула в лицо врача, но тот лишь виновато развёл руками.

– Ничем не могу помочь, – честно признал он и добавил избитую фразу: – Медицина тут бессильна.

– Но как же так? Как же? – Анна почувствовала, что у неё отнимаются ноги. Она уже потеряла двух детей – девочек-близняшек – и не хотела терять третьего, и в то же время понимала: доктор говорил правду – Петра не поднять, она знала это, ещё не отправившись в дорогу, но всё же надеялась на чудо – а вдруг? Но чуда не случилось. Осознание собственного бессилия холодной волной накатило, сковало мышцы, Анна почувствовала, как спазм сжал горло и не даёт сделать вдох, сердце захолонуло.

– У вас ещё есть дети? – в голосе доктора прозвучало участие. Анна не нашла в себе сил ответить, но вопрос о детях позволил устоять на ногах. Сжав в ладони платок с бронхами, она медленно повернулась и шатающейся походкой пошла к вы-

ходу. В глазах двоилось от слёз, грудь сжимала боль. Она не знала, молить ей или проклонать. Кого? За что? Ответа не находилось.

На полпути к дому, остановившись посередине поля, Анна дала волю чувствам – рыдания сотрясали её. Сев на землю, она обхватила колени руками и начала раскачиваться из стороны в сторону, будто качая несуществующую люльку. Отрыдав, откричав, отплавав, Анна встала, стёрла тыльными сторонами ладоней слёзы и направилась к дому. Больше её слез в те дни не видел никто.

Шестнадцатого октября тысяча девятьсот тридцать четвёртого года Петра не стало. Похоронили его на сельском кладбище рядом с дедушкой Демьяном.

После отъезда Марии и Ивана, а особенно после смерти Петра забот у Николая прибавилось, к тому же зимой тридцать пятого года у Николая появился младший братик Михаил, а с ним и новые заботы, а тут ещё неожиданно-негаданно он сам заболел нередкой в те годы малярией. Её приступы терзали Николая долго, из-за них он даже два года не ходил в школу. Болезнь окончательно отступила только весной тридцать шестого года. Но вот Николай почувствовал в себе силы и как-то вечером, когда отец возвратился с работы, обратился к родителям с просьбой:

– Пап, мам, может, я в школу пойду?

– Куда ты пойдёшь? – Анна перестала баюкать маленького Мишу и повернулась к Коле.

– Учебный год уже к концу подходит. Осенью учёбу продолжишь, а теперь дома сиди.

– Да и одежды на тебя подходящей нет, – присоединился к словам матери оторвавшийся от газеты отец. – Тебе ж в пятый класс идти, а это в Красивку. В твоём старом пальтишке не пойдёшь, мало оно тебе, – заметил он и сокрушённо развёл руками. – А на новое пока денег нет. Вот урожай соберём, зерно продадим, какую-никакую одежду тебе купим, и, как мама сказала, первого сентября пойдёшь за милую душу.

– Но я опять год пропущу, отстану! – попытался добиться своего Коля.

– Не отстанешь, – утешил его отец, – и старше тебя учатся. Успеешь ещё, учишься...

Глава 10

Снасть Коля подготовил заранее – выпросил у отца новую верёвку, из здорового кованого гвоздя с помощью молотка и наковальни сам сделал крючок. Обмотал верёвку вокруг шляпки, затянул покрепче, вот снасть и готова. А наутро ему ещё и повезло – кошка поймала и задушила старого скворца – вот тебе и наживка. Он без зазрения совести отобрал у кошки мёртвую птицу и до поры до времени спрятал в погребе.

Придя домой после работы, Коля наскоро перекусил оставшейся с вечера картошкой, затем спустился в погреб, достал оттуда крынку молока утреннего надоя, а заодно забрал скворцовую тушку. Вернувшись в дом, напился молока с чёрным хлебом, забрал снасть и поспешил на речку.

Место, куда он направлялся, находилось в лесу – река там сильно изгибалась, своим руслом напоминая туго натянутый лук, и перед особо крутым поворотом течением вымыла большой и глубокий омут. В этом омуте, по рассказам бывалых рыбаков, водились огромные сомы. А как-то по весне придя сюда с удочкой, Коля встретил у реки на вид столь старого деда, что казалось, тот может рассыпаться от собственного дыхания, а не нет, дедок оказался шустрим.

В тот день Николай ещё только-только сделал первый заброс, когда из-за спины раздалось старческое покашливание:

– Кхе, кхе.

Коля развернулся, увидел седого как лунь и невероятно худого старика.

– Здравствуйте.

– И тебе не хворать, – ответил дед, внимательно взгляделся в мальчика, миновал его, прошёл ещё немного вдоль берега и, остановившись метрах в семи от Николая, уселся на выпирающий из земли корень ясеня. В молчании положил на землю свою удочку и, достав из кармана кисет и трубку, принялся не спеша забивать её остро пахнущим табаком. Всё это время он хитро поглядывал на юного рыболова, и лишь закурив, а затем (раздувая табак) несколько раз несильно пыхнув трубкой, завёл разговор.

– Хорошо здесь, правда? – ни с того ни с сего спросил он.

Коля невольно кивнул.

– Вот так сидел бы тут век, покуривал, смотрел на красоту эту и лягушек слушал, – в тусклых глазах старика вдруг появилось мечтательное выражение. Появилось и тут же погасло. – Эх, хэ, хэ, недолго осталось смотреть-то мне.

– Ну, так это... – промямлил Коля, не зная, что и сказать.

– Н-да, – продолжал старик, – всем срок будет: и мне, и тебе, и тем, кто после нас придёт. Быстро всё пролетает, ещё только вчера, кажется, тут пацанёнком бегал. А ныне вот я какой. Эх, ха, ха, ха, жизнь такая, другой нет и не будет. Выбрать не можем, есть что дадено... – вдруг взгляд деда оказался прикован к водной глади. – Гляди, потянуло! – воскликнул он и ткнул заскорузлым пальцем в сторону Колиного поплавка.

Коля дёрнул удилище, и в воздух взлетел небольшой полосатый окунёк, но тут же сорвался и ухнул в воду.

– Ах ты, зараза меделянская! – Коля с досады треснул кулаком по колену.

– Шо-то ты больно сильно расстроился, не надо так на рыбалке, – неодобрительно покачал головой дед. – Ты сюда не токмо за рыбой пришёл, а и душой отдохнуть, птичек послушать, красотой повосхищаться.

– А рыба? – сердито спросил Коля.

– А что рыба? – развёл руками дед. – Куда она денется? Рыбы много. В этом омуте одних сомов не счесть. Тьма тьмущая их тут.

– Большие? – Он не поверил. – И по пуду будут?!

– По пуду? – дед усмехнулся, пыхнул трубкой. – Да тут и пуда по два сомы водятся, а один и вовсе красавчик в сажень длиной, по утрам плёсом как вдарит, как вдарит, аж душа возрадуется. На такого куру жареную на крючок одевать надо или куропатку. А в старину знаешь как матёрых сомов добывали?

Николай отрицательно покачал головой.

– Не знаешь, так слушай: запарят в печи чугунок гречневой каши погуще, вынут рогачами, чугунок сразу рогожей али ещё чем обернут, чтобы жар не выходил, и к речке поспешат. На берегу из чугунка спёкшуюся в комок гречку вынут и в воду закинут. От воды холодной только сверху-то тепло отойдёт, а внутри всё крутым варом так и останется, а сом на запах тут как тут, хватъ приманку и напроглот, а каша-то кипятком. В животе та сомовья добыча жечься начинает, сом от боли мечется, всплывает наверх. Тут-то его мужики и бьют острогой али вилами. Это у кого что есть. А так-то сом рыба жадная, поймать его – как на ладони поплевать. Да так это и есть, я в свою бытность много переловил. А тут здоровый сомина водится, поймал бы его кто, я бы хоть последний раз на добрую рыбу взглянул.

– А что ж вы его сами не поймаете? – спросил Коля, всё ещё раздосадованный неудачей с окунем и от того подначивавший излишне хвастливого деда.

– Где ж у меня столько сил, чтобы сома вытянуть?! – старик ткнул себе в грудь, в немощное тело, а потом добавил: – Да и куда мне столько, одному-то?

– А вы совсем один живёте? – Коля вдруг почувствовал к старику жалость.

– Один, – незнакомец горько вздохнул, – старуха помёрла, а остальную родню Господь ещё ранее прибрал. Один я остался как перст. Но недолго уже, чую, до лета не дотяну. Может, и к лучшему?

Не зная, что ответить, Коля уставился на поплавок, к тому же у него клюнуло, а когда он вновь повернулся к деду, того уже и след простыл. Больше того старика он не встречал и вспомнил о нём только когда загорелся желанием выудить большого сома.

Придя на берег реки, Коля перво-наперво набрал немного сухих веток, спустился с обрыва, уложил ветки на песок и, быстро разведя небольшой костерок, обжарил на огне принесённую с собой мёртвую птичку. Затем насадил тушку на крючок. Но прежде чем сделать заброс, подошёл к росшему вблизи уреза воды кусту тальника и привязал свободный конец верёвки к толстой, но гибкой ветке, чтобы, если рыба возьмётся, та смягчала рывки. Потом ещё раз проверил, хорошо ли затянуты узлы, отогнал кружившего возле лица овода и, примерившись, зашвырнул наживку в омут. Постояв несколько минут и понаблюдав, как водоворот кружит всплывшее на поверхность жирное пятно, Коля, отмахиваясь веткой черёмухи от надоедливых комаров, не спеша отправился домой. Вечерело. Когда он, спугнув по дороге стаю перепёлок, добрался до родной хаты, солнышко уже коснулось вершины Бычка, самого высокого во всей округе холма, и на землю стали опускаться тени.

– Что-то ты задержался, – заметил стоявший на углу дома отец. И тут же спросил: – Что, поставил свою закидушку?

– Поставил, – кивнул Коля.

– А наживка какая?

– Я скворца жарил.

– Скворца?! – в лице Михаила стал разгораться гнев. – Узнаю, что из рогатки застрелил, уши оборву!

– Бать, я его у кошки отобрал, – повинулся Коля.

– У кошки? Ладно, у кошки можно. Пусть мышей ловит, нечего птичек обижать. А нам с тобой хватит лясы точить. Давай в дом. Перекуси, и спать пора.

– Не, я есть не хочу, сразу спать пойду. Мне вставать рано, – зевнул Коля и прошмыгнул в хату. А Михаил остался стоять и наблюдать за догорающим закатом.

Ночью спалось плохо, снился старик-рыболов, просивший показать ему пойманного сома, снился сом, злорадно ухмыляющийся из глубины омута, снился чугунок с гречкой, совсем по-человечески похихикивавший и никак не желавший отдавать своё содержимое, снилось ещё что-то, что затерялось в глубинах памяти.

Проснулся Коля ни свет ни заря, взял из миски картофелину побольше, макнул её в соль и, на ходу откусив изрядный кусок, выскочил из избы. А солнце ещё только поднималось над горизонтом, утренняя прохлада сразу же обняла мальчика, заставив поёжиться и с шага перейти на лёгкий бег. Так он и бежал до самого леса. А в лесу уже всё наполнилось звуками: жужжали немногочисленные в столь ранний и прохладный час комары, квакали лягушки, кричала рассеяная на вершине большого дуба ворона. Напуганные шорохом шагов, с поляны шумно взлетели куропатки. Ещё не дойдя до края берега, Коля увидел, что верёвка на его снасти туго натянута и устремлена против течения, а ветка куста, за которую она привязана, трясётся и гнётся от непрерывных рывков попавшейся на крючок рыбины. Коля вознамерился было потянуться к верёвке, но тут над водой взлетел гигантский хвост, и мальчик, будто обжегшись, отдернул от верёвки руку. Некоторое время желание как можно скорее выудить рыбу боролось с осторожностью и нежеланием её упустить. В конце концов осторожность победила. Без бати не обойтись, решил Коля, и побежал в сторону дома.

Распалённый, запыхавшийся, он вбежал в избу и с самого порога выпалил:

– Папа, я сома поймал, здорового. Вот такого, – он раскинул руки в обе стороны.

– Где? Показывай, – тут же попросил отец.

– Я его ещё не вытащил, – сознался Николай, – он закидную таскает. Огромный! Папа, собирайся скорей, поехали!

– Так-то он тебя теперь и ждёт! – с некоторым разочарованием в голосе заметил отец. – Сорвался поди уже.

– Папа, поехали, пожалуйста, – взмолился Коля, – ведь и правда уйдёт!

– Ладно, сейчас съездим, – пообещал Михаил сыну.

После чего, подгоняемый умоляющим взглядом юного рыбака, по-быстрому закончил завтракать и встал из-за стола:

– Хорошо, что я вчера на лошади из колхоза приехал, а то бы сейчас пешком пошли. Я бы точно на работу опоздал. Вот только думаю, зря прокатаемся, сойдёт твой сом.

– Не сойдёт, – вдруг с неизвестно откуда взявшейся уверенностью заявил Коля, – он там с ночи сидит!

– Хорошо, коли не сорвётся. Так давай, я за лошадь, а ты пока сбрую из сеней выноси, – скомандовал Михаил и, прихватив по пути хомут, вышел на улицу. Идя мимо стоявшей во дворе телеги, положил подле неё хомут и направился в хлев, в котором на ночь была поставлена взятая в колхозе лошадь.

– Что, Мушка, отдохнула? – Михаил подошёл к смиренно стоявшей лошади, накинул ей на голову уздечку и в поводу повёл к выходу. Подойдя к телеге, он завёл лошадь промеж оглоблей и принялся запрягать – к этому моменту вся сбруя уже лежала рядом на земле. Получив распоряжение отца, Коля не мешкал, и теперь, выполнив сказанное, крутился возле телеги, пребывая в нетерпеливом ожидании. Вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль, и он её сразу же озвучил:

– Бать, давай с собой вилы возьмём! – предложил он.

– Это ещё зачем? Неужто острожить собрался? – Михаил затянул подпругу и с улыбкой посмотрел на сына. Признаться, в огромного сома Михаилу не очень-то и верилось.

– Ну да! К берегу, когда сома подтянем, ты его вилами раз! – Коля показал, как надо сделать. – Остроги-то нет, а то вдруг и вправду сойдёт с крючка?

– Значит, вилы на сома?! Хитро придумал! – Михаил сощурился, и почему бы не потешить мальчугана? – Что ж, острожить так острожить, тогда беги в половню*, тащи вилы на длинной рукояти, те, которыми мы сено на самый верх стогов подаём. И бегом, а то нам ещё на работу поспеть надо.

Уже через пять минут они тряслись на телеге, катившей в направлении излучины реки, называемой в народе Гусь-Литанцем.

Лошадь и телегу пришлось оставить на небольшой полянке, находившейся на подъезде к омуту, а чтобы Мушка, спасаясь от комаров, не убежала на луга, Михаил опутал вожжами ствол толстого дерева и только после этого, взяв вилы, поспешил за приплясывающим от нетерпения сыном. Едва они вошли в лес, Коля вырвался вперёд, и когда Михаил находился ещё шагах в пяти от берега, раздался его горестный вздох.

– Сошёл, собака!

Михаил подошёл к берегу. Коля разочарованно взирал на речную гладь: ветка, к которой был привязан свободный конец верёвки, торчала вверх, полностью распрямлённая, сама верёвка совершенно провисла, образуя на поверхности воды правильную дугу.

– Не огорчайся, поймаешь ты ещё своего сома, – приблизившись к сыну и потрепав его по макушке, заверил Михаил. – А сейчас сматывай снасть, и поехали домой, пока лошадь комары в кровь не загрызли.

Коля согласно кивнул, спустился с обрыва, потянувшись рукой к ветке, перехватился за верёвку и начал быстро её сматывать, но неожиданно та рванулась из рук и начала натягиваться.

– Есть, есть! – обрадованно закричал Коля. – Сом на месте! Папка, бери вилы! – совсем по-взрослому скомандовал он. – Я его к берегу потяну, а ты его вилами, вилами!

– А точно тянуть справишься? – с лёгкой усмешкой поинтересовался отец.

– Справлюсь! – самоуверенно заявил Николай. – Сомище всю ночь мотался туда-сюда, из сил поди выбился. И я медленно, осторожно потяну, может, он сам к берегу пойдёт.

– Пробуй, – согласился с сыном Михаил, впрочем, пока не спеша спускался с обрыва – судя по тому, как легко подалась верёвка, на крупную рыбу он не расчи-

* Сарай с сеном.

тывал. Каково же было его удивление, когда в толще прозрачной воды мелькнул тёмный, лоснящийся и очень большой соминый плёс.

– Ах, таки и впрямь здоровый кабан, поймал всё-таки, вот ведь сорванец! – бормоча себе под нос, Михаил начал спешно спускаться вниз, а сквозь толщу воды тем временем стала просматриваться широкая округлая голова речного гиганта.

– Осторожнее, Коля, осторожнее! – перешёл на шёпот Михаил и, встав к воде левым боком, поудобнее перехватил вилы. Попавшаяся на крючок рыба, борясь с сопротивлением пружинившей ветки, и впрямь умоталась и теперь шла почти не упорствуя. Вот сом оказался в трёх метрах, в двух... До берега оставалось менее метра, когда сомище, словно опомнившись, всплеснул хвостом, но одновременно Михаил изо всех сил, будто копьё, метнул в него вилы. Шлепок плёса поднял водопад брызг, рыбина развернулась и устремилась на глубину. Рывок оказался столь силён, что верёвка вырвалась из Колиных рук, и если бы не Михаил, успевший ухватить сына за плечо, тот полетел бы в воду вслед за ускользающей в глубину рыбиной. А рукоять вил тем временем быстро погружалась под воду. Через секунду над поверхностью торчал лишь жалкий огрызок, который дёргался из стороны в сторону и словно малый кораблик рассекал собой водную гладь, уходя всё дальше от берега, но чем дальше уплывал сом, тем выше и выше поднималась рукоять вил. Рыбина почти достигла середины реки, когда рукоять зашаталась. Внезапно её движение остановилось, ещё секунду она стояла неподвижно и вдруг стала заваливаться на бок. Огромный сом, едва шевеля хвостом, медленно всплывал на поверхность.

– Тащим! – скомандовал Михаил, видя, что речной монстр лишился последних сил, и, ухватившись за верёвку, с силой потянул на себя. Менее чем через минуту лобастая сомовья голова ткнулась в глинистый берег, ткнулась и осталась неподвижной. Но когда Михаил попытался взять сома под жабры, тот зашевелился и потянул снасть в сторону.

– Стой, не уйдёшь! – Коля в азарте сиганул в реку, оказавшись по грудь в воде, он попытался схватить сома под брюхо, но тот беспрестанно выскользывал.

– Не суй руки в жабры, так сдавит, что не вытащишь! – предостерег отец, сам же изловчился и подхватил сома под тяжёлую нижнюю челюсть. Потянул, вытаскивая из реки.

– Тяжёлый! – сообщил он выбравшемуся из воды сыну и, не вытаскивая ни вил, ни крючка, поволок добычу к невысокому участку берега.

Коля нагнал отца, помог ему закинуть сома на край обрыва и побежал отвязывать привязанный к кусту конец верёвки. Получилось это далеко не сразу – бившая Колю нервная дрожь сделала непослушными пальцы рук. Узлы ну никак не хотели развязываться. Наконец он справился с ними и, на ходу сматывая верёвку, побежал догонять отца, уже успевшего оттащить сома в глубину леса. А нагнав, тут же с надеждой в голосе поинтересовался:

– Пап, пуда два будет?

Михаил улыбнулся и, прежде чем ответить, опустил ношу на землю.

– Больше, – уверил он сына и принялся вытирать ладонью выступивший на лбу пот, – даже не сомневайся! А теперь беги к лошади, там солнышко, сними одежду и отожди, а то тебя мокрого ветерком продует.

– А сом? – забеспокоился Коля о судьбе своей добычи. – Давай вместе потащим?

Михаил только отмахнулся:

– Без тебя дотащу.

– А вилы? – Коля никак не желал идти с пустыми руками.

– Захвати, – разрешил Михаил сыну. – Только на радостях смотри не наколись, а то получишь у меня на орехи.

– Больше двух пудов, эхма! – и вприпрыжку побежал к оставленной на поляне лошади.

Домой они попали не сразу, вначале Михаил Демьянович завернул на Коммунский зерновой ток и на товарных весах взвесил Колину добычу. Как оказалось, сом потянул ровно сорок девять килограммов. Всем рыбам рыба, рыбацкая гордость на всю жизнь, счастливое воспоминание из прошлого. Светлая зависть всех мальчишек-рыболовов, да что мальчишек, редкий мужик – рыболов со стажем мог похвастаться хоть вполовину меньшей добычей!

Лето пробежало незаметно. Осенью Коля пошёл в Красивскую семилетнюю школу. Для этого ему отец приобрёл на барахолке ношеное, но справное пальто, а брюки, рубашка и старый пиджак остались от выросшего из них Ивана. Вот только на шапку средств не осталось, пришлось идти в старой, отцовской. Она была ещё вполне ноская. Одна беда: размера шапка оказалась преогромного, и чтобы не спадала на глаза, её приходилось постоянно поддерживать одной рукой. Ребята беззлобно смеялись:

– Колян, тебе шапку на вырост купили, мозги наращивай, чтобы голова больше была!

Так оно в итоге и вышло – когда Коля повзрослел, размер его шапки стал пятьдесят восьмым, как раз по той старой – отцовской.

Глава 11

Наступил тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Подошло время жатвы. Урожай в том году оказался небывалым. Выполнили и перевыполнили все планы по заготовкам, забили общественные закрома, а излишки подводами стали развозить по домам. К Гончарукам привезли целый обоз – сразу десять подвод.

– Принимайте, хозяева! – радостно возвестил мужик, заехавший во двор первым. – Куда ссыпать?

На шум голосов из дома вышла Анна.

– Здорово, Илья, видишь круг глиняный? – ткнула она пальцем в жёлто-коричневую отметину посередине двора. – Туда и ссыпай. А мы по ларям таскать будем.

Закипела работа, и вскоре во дворе высилась здоровенная куча ржи. Чтобы ненароком не оставить зерно под дождь, вся семья Гончаруков принялась за дело. Носить зерно помогали даже маленькие Нина и Лиля. К вечеру домой пришёл Михаил и тоже включился в работу.

- Ты бы поужинал сначала, – укорила его жена, но он только отмахнулся.
- Уберём, тогда и поужинаю, а то на полный желудок какая работа?

Анна лишь пожала плечами и возражать не стала.

Уже давно стемнело, когда со двора унесли последнее наполненное зерном ведро. Ребятишки убежали в дом с наказом кушать и ложиться спать. А Анна взяла метлу и стала сметать рассыпанную по глине рожь в небольшие кучки. Михаил же, встав на колени, пригоршнями загребал из этих кучёнок зерно и ссыпал его в стоявшее рядом небольшое корыто. Закончив мести, Анна присела рядом с мужем.

– Что с излишками делать станем? – спросила она. В глазах Михаила появилось удивление.

– Сама знаешь, само собой разумеется, продадим, – пояснил он свои планы.

– А купим что? – Анна потёрла несколько зёрнышек в руках, кинула в рот. – Нам бы Коле обновку какую купить и пол в дом хочу деревянный, сколько можно по соломе ходить?

– Купим обязательно! Всё купим: и костюм Коле купим, и тес на пол купим, и тебе платье новое купим! – пообещал Михаил.

– А тебе рубаху! – подсказала Анна супругу.

– А мне рубаху, – вздохнув, покорно согласился тот.

В первое же воскресенье Михаил свёз все излишки на рынок, а на неделе Анна побелила в доме стены и потолок. В следующее воскресенье Михаил закупил тес, уложил на землю в доме дубовые лаги и начал настилать пол. Когда работа была завершена, в избе окончательно посветлело. Казалось, всё заиграло красками – белые стены, желтоватый с коричневыми прожилками пол, новые скамейки, большой тёмный дубовый стол и ко всему этому смолистый, сосновый запах. Казалось, радости ребят от этих изменений не будет предела. А в довершение всему семейству купили обновы: матери и двум дочкам платья, отцу – рубаху и хромовые сапоги, Коля получил первый в своей жизни новый, никем ещё не ношенный костюм. Выслали немного денег и в Ленинград на гостинцы старшим детям Марии и Ивану. Живи и радуйся, но вскоре в их дом нагрянула беда, точнее, беды последовали одна за другой. В середине декабря пришло письмо из Ленинграда. Вначале Михаил обрадовался, а когда прочёл, спал с лица и, никому ничего не говоря, взял шапку и, даже не одевшись, вышел на улицу.

– Миша, что случилось? – увидев, как побледнел муж, воскликнула Анна и кинулась следом. Коля в окно наблюдал, как она догнала отца на полпути к болоту, как начала что-то говорить, как отец принялся отвечать, затем тот увидел сквозь стекло Колино лицо, махнул рукой, развернулся и зашагал прочь. Он так и шагал, уходя всё дальше и дальше от дома, и всё это время шедшая рядом Анна тихо шептала:

– Миша, что случилось? Что случилось, Миша?

Но тот молчал, и только скрывшись за кустами терновника, остановился, огляделся по сторонам и лишь будучи совершенно уверен, что их никто не сможет услышать, тихо выдохнул:

– Брата Александра арестовали.

– Как? За что? – всплеснула руками Анна.

– Не знаю, – Михаил прикусил губу, сглотнул подступивший к горлу ком, – что же это такое? Что за год? Что происходит? – Он не ждал от жены ответов, просто высказывал в никуда терзавшие его мысли. – За что нам такое? – Сердце Михаила билось, как попавший в силки зверёк. За этот год это была вторая подобная новость – в том же октябре в Свердловске арестовали его двоюродного брата Гончарука Александра Антоновича, и на днях пришла страшная весть: его почти сразу осудили к высшей мере и в ноябре привели приговор в исполнение. А теперь вот ещё и родной брат Михаила оказался внезапно арестован. Сердце холодело в предчувствии страшного.

– Миш, может, всё обойдётся? – сама не веря в благополучный исход, попыталась утешить мужа Анна. – Он всё-таки старый большевик, начальник.

– Вот в том-то и беда-то, что старый большевик. – Михаил отломил от росшего в саду клёна ветку и принялся крутить её между пальцев. – Ты же сама видишь, что сегодня с ними творится! Каждый второй старый большевик – враг народа. Запуталось всё. Но не верю я, чтобы брат мой... Не мог он ничего плохого сделать, не мог! – Михаил замолчал и угрюмо стал озирать раскинувшееся перед ним болото.

Морщины на лице Анны стали глубже.

– Миша, что делать-то будем? – спросила она мужа.

– Ничего. Только надеяться. – Он хотел добавить «молиться», но не добавил, потому как не верил, что Бог услышит их молитвы. – Будем надеяться, а главное – молчать. Не дай Бог узнает здесь кто, может, ничего, а может, и меня как брата врага народа... – Михаил не договорил, на глаза навернулись слёзы, и он вопреки своим недавним мыслям молча взмолился: «Господи, пощади брата моего! Господи, пожалуйста!»

– Миш, а письмо-то что? – Анна почувствовала, как дрожь охватывает её плечи.

– Сжечь надо! – сказал Михаил, твёрдо уверенный в правильности такого решения. – Сегодня же и спалим!

– Как скажешь, – поспешно согласилась Анна, понимая всю опасность находившейся в руках Михаила бумажки. – Сжечь так сжечь.

Ночью Михаил почти не спал. Ворочался, вздыхал – ему грезились счастливые детские годы, ещё молодой отец, ведущий в поводу коня, весело улыбающийся братишка, встречающий его, возвращающегося с озера с полным туеском пойманной рыбы.

Забылся Михаил только под утро.

В феврале из Ленинграда пришло ещё одно письмо. Прочитав его, Михаил с хрипотой в голосе сообщил всем находившимся в избе домочадцам:

– Дядя Александр умер.

В доме воцарилась тишина, а потом Коля подошёл к отцу, прильнул к нему и тихонько спросил:

– Пап, ты на похороны поедешь?

– Нет, – Михаил покачал головой и закусил губу. Ехать было некуда. Но детям он говорить этого не стал. Потом они с матерью ушли на улицу и, стоя за двором, долго шептались. Коля не знал о чём, видимо, о дяде Александре, так как домой родители

пришли утроей некуда. Отец выглядел состарившимся лет на десять, лицо матери избороздили отметины вытекших из глаз слёз. Вошли в избу и почти сразу же легли спать, благо уже наступили сумерки. Эту ночь Михаил долго вздыхал, ворочался и, кажется, плакал. О том, что его брата расстреляли как врага народа, они с Анной решили не говорить никому.

На этом беды в семье не закончились, беда и впрямь не приходит одна, вскоре арестовали и брата Анны – Хмару Петра Осиповича.

Глава 12

В тысяча девятьсот тридцать восьмом году в Криволучье, в здании бывшей церкви, открыли семилетнюю школу, так что в шестой класс Коля пошёл именно туда. Учебный год промчался незаметно, пришло время определяться в жизни – выбрать свой самостоятельный трудовой путь.

– Папа, мама, я буду поступать в ФЗО*, – окончив школу, радостно заявил родителям Коля, но вскоре радость сменилась разочарованием. В ФЗО принимали с четырнадцати лет, а ему уже исполнилось пятнадцать.

– Эх, – горько сокрушался отец, – парнишка-то умный, нам бы его в техникум определить. Поступил бы и учился.

– Учился бы, – согласилась мать, в задумчивости теребя передник. – Только на какие шиши его содержать? Где взять столько денег?

– Вот и я к тому же, – понурился Михаил. Таких средств в семье не было, не скопили. – Придётся ему сначала работать начать, а потом, может, подзаработает денюжат и сам, без нашей помощи, выучится.

– Я выучусь, – пообещал Николай, – вот только специальность хорошую получу и на курсы какие-нибудь пойду.

– Правильно, сынок, правильно! – поддержала его мать. – Сначала надо на ноги, моё почтение, встать. А с твоей головой успеешь ещё, выучишься!

Осенью тысяча девятьсот тридцать девятого года Коля завербовался на работы и уехал в Москву. Так началась его взрослая, самостоятельная жизнь, а заодно и официальная трудовая деятельность. Поначалу он работал на стройках разнорабочим, когда же началась война с Финляндией, Колю перевели на двадцатый авиационный завод в качестве ученика электрика-монтажника, где он проработал около года. Жизнь постепенно улучшалась: отменили карточки, введённые в период боевых действий против белофиннов, продуктов в магазинах становилось все больше, а товары разнообразнее.

«Как же хорошо стало жить!» – думалось Николаю, когда он вечерами, после работы, гулял по набережной Москвы-реки. Гулял, ел мороженое, мечтал о будущем и, вскорости рассчитывая стать электриком-монтажником, улыбался своим мыслям, но, увы, в один далеко не прекрасный день его жизненный путь снова резко переменялся. А получилось это так: в конце ночной смены дежурный электрик неправиль-

* Фабрично-заводское обучение.

но смонтировал одну секцию токарных станков и, когда заступала новая смена, те не работали. Мастер-электрик, в обучении которого находился Николай Гончарук, быстро обнаружил причину неполадок.

– Вот ведь бестолочь! – поминая своего сменщика, незлобно выругался он. – Это же надо было так напортачить! Ничего, сейчас всё поправим. Коля, отключи вторую секцию, выруби рубильник, – попросил он своего помощника.

– Выключил, – почти сразу отозвался Николай.

– Хорошо, – мастер закончил возиться у станков, подошёл к выключенному рубильнику и повесил на него табличку с короткой надписью: «Не включать».

– Так, Коля, пойдём теперь со мной и всё исправим. И как он так умудрился... – сокрушаясь и недоумённо покачивая головой, мастер направился к распределительному щитку. – Ну я ему вечером задам, ну я ему устрою!

Продолжая костерить нерадивого сменщика, мастер-электрик подошёл к смонтированной в пол металлической лестнице, ведущей к распределительному щитку, остановился.

– Николай, смотри внимательно и запоминай, что я буду делать. Следующий раз полезешь сюда сам, – предупредил он и ступил на первую ступеньку.

– Я сейчас схему набросаю, – сообщил Коля и, достав из кармана блокнот, приготовился химическим карандашом начертать последовательность действий своего мастера, помня, что самый тупой карандаш всегда лучше самой острой памяти.

– Хорошо, так и сделай, – одобрил мастер и, поднявшись по лестнице к распределительному щитку, занялся переключением проводов.

Начальник цеха прибыл на завод не в лучшем расположении духа, всё у него с утра не ладилось, сперва поругался с женой, потом едва не опоздал на трамвай, а тут ещё кто-то отключил рубильник, обесточив весь цех. Станки простаивали.

– Какая-то табличка, – не читая надписи, проворчал начальник цеха. – Понавешали тут, рабочий день начался, работать надо. А они таблички вешают, саботаж да и только! – продолжая ворчать, он дёрнул рубильник.

Коля увидел, как в проводах промелькнула искра, как следом дёрнулся и вскрикнул его мастер, как он попытался отцепить пальцы от провода, но не сумел, вторая рука так же судорожно вцепилась в лестницу. В следующую секунду тело мастера-электрика подалось вперёд, начав изгибаться, рот приоткрылся, казалось, тому не хватает воздуха, нижняя губа задрожала и начала синеть.

Поняв, что произошло, Коля почувствовал, как кровь отхлынула от кожи его лица, а по мышцам стремительно расплзлась предательская слабость.

«Не делай, так нельзя, ты же знаешь!» – крикнул рассудок, но Николай, схватив мастера за штанину, попытался сдёрнуть того с лестницы, но вместо этого полетел на пол сам, будто какая-то сила (а может, собственные мышцы) отбросила его прочь. Поняв, что мастера так просто не оттащить, Николай вскочил с пола и со всех сил бросился туда, где находился отключённый ими рубильник.

– Что вы натворили! – увидев включённый рубильник и стоявшего подле него начальника цеха, вскричал Коля и, оттолкнув невольного убийцу, рванул рубильник вниз, вновь вырубая электричество. И тут же, не задерживаясь ни мгновения,

побежал обратно, на ходу успев заметить, как посерело и покрылось пятнами лицо начальника цеха.

Когда он вернулся к распределительному щитку, то сразу понял: предпринимать что-либо поздно – его мастер был окончательно и бесповоротно мёртв. Он безжизненным кулом распластался на лестнице, а в помещении резко пахло горелой плотью, кожа на неподвижном лице погибшего приобрела синюшный цвет. Коля остановился как вкопанный, его повело в сторону и едва не вырвало. Тут же подбежавшие рабочие оттолкнули Николая к стене, стащили поражённого током мастера-электрика с лестницы, положили на пол, и кто-то из прибежавших попытался сделать погибшему искусственное дыхание, запустить сердце. Тщетно. Но Коля всего этого не видел, он ушёл в соседнее помещение, сел в углу и, прислонившись спиной к стене, постарался полностью отрешиться от произошедшего. Ничего не получалось. У него на глазах его мастера убило током, и от этого воспоминания теперь не избавиться. Картина смерти мастера прямо-таки стояла перед глазами. Коля сидел и беспрестанно повторял шёпотом одну и ту же фразу: «Убило током, убило током, убило током». Его трясло. Когда нервное потрясение немного схлынуло, Николай понял, что после произошедшего работать электриком он больше не сможет.

На следующий день Коля, несмотря на то что у него уже был третий рабочий разряд, написал заявление с просьбой о переводе в ученики слесаря-сантехника. Потеря в зарплате его не остановила.

– Так, Коля, это самое... – слесарь-сантехник внимательно посмотрел на своего ученика, – на этой неделе мы будем прокладывать канализацию к новостройкам. Запоминай, это самое, наша задача укладывать трубы. Это самое, понятно?

– Понятно, – Коля кивнул. А слесарь принялся растолковывать помощнику всё более подробно – в деталях:

– Так, это самое, значит вот, землекопы роют траншею, она называется лестничной. Почему? Потому что вначале роют траншею, вот, потом, вот, это самое, пробивают туннель, потом снова роют траншею и так далее, но это их дела. Наше дело, это самое, только успевай трубы укладывать. И вся недолга.

Проинструктиввав ученика, слесарь временно отлучился по своим неотложным делам, оставив Николая наедине с предстоящей работой.

А трубы как назло оказались толстые и тяжёлые. Коля попробовал поднять трубу на плечо, но сразу сделать это не получилось. Тогда он приподнял один её конец, подставил под него плечо и, перебирая руками, дошёл до середины. Найдя центр тяжести, выровнял трубу и, придерживая её обеими руками, направился к находившейся неподалёку траншее. Идти и при этом не споткнуться оказалось непросто, труба преобильно давила на плечо, от её тяжести, казалось, вот-вот начнёт крошиться позвоночник, а подгибающиеся ноги быстро наливались свинцом. Но он не остановился, не бросил ношу, хотя пока дошёл до траншеи, всё его тело дрожало от перенапряжения. Встав на край траншеи, Коля опустил передний конец трубы на дно ямы и, постепенно отходя, выбрался из-под давившей на плечо ноши.

– Уф, тяжёлая, зараза! – невольное вырвавшееся восклицание никем не было услышано – отлучившийся мастер до сих пор не появился, а рабочие-землекопы рыли

землю где-то далеко впереди. Коля некоторое время постоял, восстанавливая дыхание, затем смахнул выступивший со лба пот и спрыгнул в траншею. Ухватив обеими руками трубу, он стянул её вниз и начал проталкивать в пробитый землекопами туннель. Вначале она сдвинулась довольно легко. Коля уже обрадовался, что у него всё получится и без помощи наставника, но чем больше труба подавалась в туннель, тем труднее становилось двинуть её дальше. Когда же до завершения осталось совсем чуть-чуть, та совершенно застопорилась. И ни в какую. Но показаться перед наставником слабаком не хотелось. Он ухватил трубу за край, сцепил зубы и, упершись ногами, изо всех сил потянул её вперёд. Казалось, от приложенного усилия порвутся жилы. И вот уже когда от напряжения были готовы вывалиться из глазниц глаза, труба сдвинулась, поползла дальше и, наконец, встала на своё место. Вместе с ощущением торжества от сделанного в его тело пришла тупая боль, она возникла в солнечном сплетении и начала неторопливо разливаться по всему животу. Коля сторбился, с трудом нашёл в себе силы выбраться наверх, да так и остался лежать у края траншеи, подтянув под себя ноги и обхватив руками сорванный от перенапряжения живот. Вскоре появился отлучавшийся неведомо куда слесарь-сантехник. При виде скрюченного ученика он с медленного, уверенного шага перешёл на бег.

– Что произошло? – опускаясь на колени рядом с учеником, спросил он.

– Живот сорвал... – сглотнув слюну, ответил Коля. – Трубу укладывал, а она не пошла.

– Вот значит как, – с видимым облегчением произнёс слесарь. – А я, того самого, побоялся, как бы ничего хуже не приключилось. В больницу тебя надо вести, паря. Ох, напортачил ты, это самое, всю выработку дневную мне коту под хвост. Как поправишься, с тебя магарыч. Щас я только насчёт больнички договорюсь.

– Не надо в больницу, – вяло отмахнулся Николай. – Немного отлежусь, и пройдёт.

– Отлежишься? Не, так не пойдёт, – покачал головой слесарь-сантехник. – Осень, того самого, земля холодная, заболеешь. Мне ещё отвечать за тебя не хватало!

И, видимо, будучи наслышан о ЧП с электриком, добавил:

– И с чего ты такой бедовый?

Коля не ответил, его скрутил очередной приступ боли.

Так Николай оказался в Московской больнице. А после лечения ему был предписан «лёгкий физический труд».

– Опять со мной морока! – прочитав заключение врачей, в сердцах выругался Коля и хотел было скрыть предписание от начальства, но в отделе кадров пришлось предъявить справку о нахождении в больнице. И вновь ему предстояло учиться, на этот раз его назначили учеником на подъёмный кран. Крановщик, за которым его закрепили, должен был в скорости, а именно через два с половиной месяца, уйти на пенсию. Не слишком большой срок, но учеником Коля оказался толковым: уже через два месяца ему присвоили квалификацию электромоториста и командировали на двадцать четвёртый завод, всё того же тридцатого треста авиационной промышленности. Работать ему пришлось на строительстве пятого цеха, на должности оператора камнедробилки. Правда, командировка оказалась недолгой, и по её окончании его перевели на подъёмный кран, занятый в строительстве дома по улице Кирова.

На этой стройке его и застала Великая Отечественная война. Ещё десять дней он проработал на кране, а второго июля тысяча девятьсот сорок первого года Николаю было приказано сдать в Госмосстрой кран, стоявший на балансе этой организации, и третьего числа к восьми часам утра явиться в контору двадцатого завода. Точно в срок прибыв в указанное место, Николай получил расчёт и, вместе с другими прибывшими сюда по такому же приказу рабочими, прослушал по радио обращение Сталина к народу.

– Никола, – к Гончаруку подсел знакомый молодой строитель, – наконец-то нас призвали, а то я уже боялся: без нас справятся. – И хитро подмигнув: – Что, Никола, готов бить фашистов?

Николай не сразу нашёлся что ответить, слишком уж весело и беззаботно прозвучало сказанное. В самом Николае боролись противоречивые чувства: с одной стороны, вся его суть, всё его человеческое «Я» рвалось в бой, с другой, где-то в глубине души поселился... нет, не страх, а скорее нежелание расставаться, а точнее, потерять навсегда привычную и столь хорошую, даже можно сказать, беззаботную жизнь, сытость, спокойствие. Но шла война, наши отступали, страна теряла территории, сёла, города, и было понятно, что эта война не чета ни сражениям с японцами, ни войне с Финляндией и что уже ничто не могло быть прежним.

– Готов, – вполне ожидаемо ответил Николай. Знакомый строитель хотел сказать что-то ещё, но тут к собравшимся рабочим вышел высокий незнакомый начальник.

– Товарищи, минуту внимания, – тихо, но веско произнёс он. Разговоры стихли. – Вы едете на оборонительные работы. Родина поручает вам ответственное задание. От того, как быстро будут подготовлены оборонительные рубежи и сколь качественно, зависит, сколько прольют крови наши защитники, прежде чем останвят врага и погонят его обратно. Так что не подведите, товарищи! А сейчас вас распределят по автобусам, выдадут инструмент.

– А куда хоть едем-то? – раздался чей-то хрипловатый голос.

– Старший знает, – не стал распространяться о маршруте движения незнакомец.

– А жене отписать? – спросил всё тот же рабочий, но толпа уже зашевелилась, и его глас потонул в общем бесполезном гомоне.

Распределили их по автобусам довольно быстро и сразу же объявили посадку.

– Загружаемся, товарищи, загружаемся! – объявил старший колонны. – Заходим в автобус и садимся, начиная с дальних кресел. Плотнее рассаживаемся. Не в театре!

Люди зашевелились, и началась погрузка.

– Вот ведь, ерунда какая: на работы отправляют, не на фронт! Вот надо же такая конфузия, а то мы в Москве поработать не могли! – ворчал, усаживаясь на сиденье автобуса, всё тот же знакомый Гончаруку молодой строитель.

– Молчал бы уж! – осадил услышавший его разглагольствования рабочий в летах, сидевший сзади, и Николай узнал в нём каменщика из второй бригады. – По-воевать он захотел! Успеешь ещё, навоюешься! Не на этой войне, так на следующей.

Герой какой! Война – это не игрушка, как хлебнёшь лиха, так рваться под пули уже не станешь!

– А ты сам-то воевал? – обиженно нахохлился молодой строитель.

– Довелось... – утрумо ответил каменщик, но распространяться о своём боевом пути не стал. Молодой строитель хотел задать тому какой-то вопрос, но тут автобус тронулся, сбив его с мысли. Выехав со двора заводууправления, покатил по московским улицам. Люди уставились в окна, прощаясь с городом, и вскоре все разговоры сами собой утихли. Автобусы двигались на запад, Москва осталась за спиной.

Ехали долго, к вечеру кому-то из рабочих удалось разговорить сопровождающего, и вскоре все уже знали, что направляются они под Смоленск. Именно там планировалось остановить наступающих немцев. Собранным со строек рабочим предстояло оборудовать очередную и, как многим тогда казалось, последнюю линию обороны, оттолкнувшись от которой, Красная армия наверняка начнёт своё победное наступление на Запад.

Повинуясь отдаваемым командам, водители гнали автобусы не жалея моторов, но они все же не успели – немец подошёл к Смоленску слишком близко.

На месте прибытия их уже ждали. И едва рабочие выгрузились из автобусов, как из здания, подле которого остановилась колонна, вышло четверо военных. Один из них, видимо, командир, подошёл к старшему команды.

– Стройте людей! – не терпящим возражения тоном потребовал он. И тут же над вознамерившимися уже было покурить рабочими полетел зычный голос старшего:

– В четыре шеренги становись! – командовал он.

– А покурить? – возмутился кто-то.

– На том свете покуришь! – одёрнул возмущившегося вышедший к ним военный. Люди неохотно стали выстраиваться, сразу разбиваться на шеренги. Добровольная военная подготовка, полученная в различных оборонных обществах, дала себя знать, и на построение много времени не потребовалось.

– Товарищи! – обратился к прибывшим военный с двумя майорскими прямоугольниками в петлицах. – Я знаю, вы ехали на строительство оборонительных сооружений, но обстановка в корне изменилась. Фашисты вплотную подошли к Смоленску и продолжают рваться вглубь нашей Родины. Властью, данной мне, я мобилизую вас на оборону города.

По шеренгам пробежал лёгкий шёпот, а военный продолжал:

– Кто проходил службу в армии, три шага вперёд из строя, марш!

Загромыхала по земле разномастная обувь.

– Вооружение получите согласно воинским специальностям. Теперь на ле-е-е-во, шагом ма-арш! Раз, два, раз, два, стой. Напра-во. Сергеев, – окликнул он одного из стоявших рядом подчинённых, – давай к ним, – взмах рукой в сторону уже служивших, – перепиши фамилии, воинские специальности и сразу забирай на получение оружия.

– Есть! – ответил военный и отправился выполнять командирское поручение.

– Так, а теперь вы, – майор обратился к оставшимся. – Надеюсь, свою обязанность как гражданина по готовности к защите Родины вы все выполнили и приобрели воинскую специальность?!

Николай хотел крикнуть: «Да, конечно, так точно», но все молчали, поэтому промолчал и он.

– Кто изучил винтовку или вообще какое-либо оружие, два шага из строя, марш! – скомандовал майор, и большинство стоявших шагнуло вперёд.

– Хорошо, – одобрительно покачал головой майор. – Кто изучал пулемёт, ещё шаг.

На этот раз шагнуло вперёд всего несколько человек.

– Негусто, – заметил командир. Скользнул взглядом по стоявшим, остановился на Николае, спросил: – Вот ты какой пулемёт изучал?

– Ручной, Дегтярёва, – чётко отрапортовал Коля.

– И хорошо знаешь? – майор пристально взгляделся в Николая.

– Награждён значком «Готов к труду и обороне», – чётко отрапортовал тот.

– Отлично! – похвалил майор и тут же потребовал: – Фамилия, имя, отчество?

– Гончарук Николай Михайлович, – представился Николай и застыл в ожидании дальнейшего.

– Так, Гончарук, будешь первым номером. – И повернувшись к стоявшим за спиной подчинённым: – Игнатенко, запиши! – сказал и, вновь развернувшись к строю, обратился к пареньку, стоявшему рядом с Гончаруком: – А ты что изучал?

– Тоже дегтярь, – ответил тот.

– Фамилия?

– Алфёров Николай, с Курска я.

– Игнатенко, запиши Алфёрова к Гончаруку вторым номером и займись остальными пулемётчиками, – отдав очередное указание, майор шагнул в сторону, будто уступая место своему подчинённому. Тот шагнул к новобранцам, а майор подал новую команду:

– Кто по какой-либо причине не получил воинской специальности – шесть шагов вперёд, марш!

Таких набралось не особо много. Красный командир оглядел их, сделал сердитое лицо, будто собираясь сказать что-то резкое, потом, видимо, передумал и махнул рукой:

– Степанов, эти на тебе, выдать всем винтовки – и в строй!

– А как же обучение, они же оружие в руках никогда не держали, стрелять не умеют?! – растерялся Степанов.

– В борозде дойдут, – громко ответил командир и едва слышно добавил: – Жить захотят – научатся.

Игнатенко закончил опрос новобранцев, переписал в блокнот личные данные, распределил по номерам и парам. Когда закончил, обратился к командиру:

– Товарищ майор, пулемётчиков уводить?

– Валяй! – махнул рукой тот. И получивший одобрение командира Игнатенко скомандовал:

– В колонну по два стано-вись! – И минуту спустя: – Шагом ма-арш!

Глава 13

К вечеру их вооружили: Николаю выдали пулемёт, его тёжке – винтовку. Затем они получили диски и патроны. Когда, наконец, всё оружие и боеприпасы оказались распределены, Игнатенко построил пулемётные расчёты и принялся наставлять будущих пулемётчиков.

– Первая заповедь: даже маленькая ямка лучше открытого поля. Вторая заповедь: не стрелять без команды. Третья: не тратить патроны по одиночным целям. В виде исключения вашей мишенью может стать одиночный вражеский командир. Четвёртая заповедь: не поленись, сделай запасную позицию. Пятая: второй номер носит боеприпасы и диски, в бою не столько стреляет сам, сколько помогает первому номеру и заменяет его в случае выбытия того из строя. Всем всё понятно?

– Так точно... – вразной ответили новобранцы.

– А раз понятно, сейчас садитесь чистить оружие. Ветошь и масло вон там, – Игнатенко показал пальцем в угол помещения. – Ужин чуть позже, вам доведут, – с этими словами он развернулся и вышел на улицу. А новобранцы с усердием взялись за выполнение приказания.

– Давай, что ли, знакомиться? – Алфёров завёл разговор первым.

– Да мы уже, считай, знакомы, – улыбнулся Гончарук и протянул руку, – Николай.

– Николай, – разулыбался в ответ Алфёров. – Я с Курска.

– Я с Тамбовщины, из деревни. Село у нас интересно называется – Хорошавка.

– И впрямь интересно, кто ж её так назвал? – поинтересовался Алфёров.

– Говорят, барин местный. У нас даже байка есть, – протирая ветошью ствол, поведал Николай.

– Рассказывай, – попросил Алфёров, – всё время быстрее пойдёт, а то уж мочи нет ужина ждать, есть хочется.

– Жил, говорят, в нашей местности барин, не злой, не добрый, в общем, как все. И была у него жена и четыре дочери. Жена вскоре умерла, и ему пришлось воспитывать дочерей в одиночестве. И так получилось, что звал он их вовсе не по именам, данным при крещении, а как самому хотелось. Старшая дочь красотой затмевала всех, он так её и прозвал: Красивою. Среднюю за черноту волос звал Чернявой. Третью... с ней в детстве беда приключилась, травой глаз ей повредили, барин её, вроде как и не со зла, Кривой прозвал. А младшую любил пуще прочих и потому звал Хорошей. Но время шло, пришёл черёд и барину на тот свет уходить, вот и отписал он каждой дочери по селу с крепостным народом в придачу. По прозваниям дворянских дочек села и стали называть: Красивка, Чернавка, Криволучье и Хорошавка. Вот и весь сказ, собственно.

– Занятная история, – байка Алфёрову понравилась. – Правда, что ли, так было?

– Вряд ли. Криволучье – это скорее кривая излучина, река там крутой зигзаг делает, оттуда и пошло название, и с остальными сёлами наверняка подобная же история происходит, а байку эту позже придумали, – Гончарук честно высказал свои сомнения.

– Всё равно красиво, – Алфёров клацнул затвором, проверяя работу механизма. – Я вот в городе жил, у нас там тоже всякие истории рассказывали. Как-то раз моя бабка такую побасенку...

Но тут дверь в помещение распахнулась, и кто-то громко скомандовал:

- Личный состав, строиться на ужин!
- А оружие? – спросил кто-то.
- Оружие и снаряжение с собой.

На следующий день новобранцев погрузили на машины и отправили к линии фронта, где влили в одну из частей, оборонявших город Смоленск.

В ночь на восемнадцатое августа тысяча девятьсот сорок первого года воинская часть, где находился Николай Гончарук, отошла к Ельне. Тогда же пришёл приказ защищать город.

– Окопаться! – приказал командир роты.

– Есть! – отозвались командиры взводов и отправились каждый к своему личному составу. Лейтенант, ко взводу которого был приписан Николай Гончарук, сам лично принялся распределять бойцов по позициям. Получившие указания солдаты тут же брались за лопаты. Хлебнуть лиха успели все, необстрелянных не осталось. Люди знали: от глубины окопа порой зависела жизнь, и потому работали в поте лица – фашисты могли появиться в любую минуту. Командир взвода обошёл почти всех и только тогда подошёл к пребывавшему в ожидании расчёту ручного пулемёта.

– Гончарук, отрываете ячейку на правом фланге взвода, – лейтенант указал направление рукой.

– Есть! – совсем по-военному отозвался Николай, подхватил пулемёт и, кивнув своему второму номеру, заторопился к указанному месту. Алфёров поспешил следом.

Почва оказалась плотной, дело продвигалось медленно, и до подхода противника окопаться как следует не удалось.

Вначале на поле боя показались фашистские танки, но, встреченные огнём артиллерии, оставив на дымящиеся единицы, отошли назад. Не опрокинув оборону советских войск с ходу, противник нанёс массированный артиллерийский удар. Вслед за артиллерией налетела авиация. Коля сжался в своём окопчике, но при этом неотрывно следил за перемещающимися по небу самолётами противника. Видя, как отделяются бомбы, он каждый раз пытался определить место их падения.

– Мимо, – радовался он.

В следующий заход:

– Не для нас.

Ещё один юнкерс сбросил бомбы.

– Далеко, – прошептал Николай.

Вокруг ухало, свистели осколки, закладывало от грохота уши, а он продолжал наблюдать, как раз за разом несётся к земле смерть. И она каждый раз обходила его стороной. Наконец бомбёжка закончилась, и немцы пошли в атаку во второй раз. Снова рядом свистели осколки, уходили на рикошет пули, впрочем, визга которых за грохотом своего пулемёта Николай не слышал.

Они дали сильный бой немцам, сражались отчаянно, с ожесточением обречённых, и те были вынуждены откатиться на исходные. И всё же...

– Немцы прорвались на соседнем участке, – сообщил прибывший из штаба посыльный. – Поступила команда на отход.

– Отходим! – подал команду заменивший раненого командира роты политрук. Команда ветром пролетела над окопами, и Николай не заставил себя ждать, подхватил пулемёт и вместе со своим вторым номером оставил занимаемую позицию.

Части Красной армии отошли, оставив город противнику. Но бои за Ельню на этом не закончились. Поступил новый приказ, и ещё один старший лейтенант, назначенный командиром роты вместо выбывшего, собрал подчинённых ему офицеров и младший командирский состав, чтобы довести до них данную информацию.

– Нашей части поставлена задача: совместно с другими подразделениями отбить город обратно, – не став ходить вокруг да около, сообщил он. – И это необходимо сделать без промедления. Сделать, пока противник не успел закрепиться. Командование знает, что у нас существенные потери, но задача должна быть выполнена любой ценой. Мы должны, на отведённом нам участке, выбить противника из города и занять оборону в районе кирпичного завода. И не просто занять, а удержать её до подхода дополнительных сил. Надеюсь, задача вам ясна?! Атака начинается... – старший лейтенант взглянул на часы, – у нас есть почти час, чтобы подготовить оружие и получить боеприпасы. Разойдись.

Точно в запланированное время советские войска пошли на штурм города Ельни.

Противника они выбили и заняли оборону на обозначенном командованием участке. Но враг не сломался, он подтянул резервы и вскоре предпринял контратаку.

Рота, в которой находился Николай Гончарук, по-прежнему держала оборону около кирпичного завода. Николай поливал наступающих немцев из пулемёта, его напарник бил фашистов из винтовки, при этом не забывал обеспечивать пулемёт боеприпасами – время от времени заряжая опустевшие пулемётные диски и передавая их первому номеру.

– Тёзка, диск! – в очередной раз потребовал Николай, но Алфёров не отозвался. – Диск, Коля! – вновь крикнул Гончарук, выпуская в фашистов последние оставшиеся в пулемёте патроны, но в ответ послышался прорвавшийся через канонаду выстрелов стон.

– Коля? – Николай повернулся и увидел, как по груди второго номера разливается тёмное пятно крови, при этом тот непослушными руками судорожно пытается подать старшему пулемётчику запасной диск.

– Тёзка, я сейчас тебя перевяжу, сейчас! – Гончарук бросился к раненому, но тут глаза товарища застыли, и диск вывалился из ослабевших пальцев.

– Тёзка, как же так? – вырвалось у Николая. Он заскрежетал зубами, поняв, что поздно делать перевязку, поздно что-либо предпринимать, поздно всё, кроме одного – мстить.

– Гады! – зарычал Гончарук, схватил упавший диск и, перезарядив пулемёт, вновь открыл огонь.

Вскоре противник, так и не сумев опрокинуть обороняющиеся части, отошёл на исходные рубежи. После этого на позиции, занятые подразделением, где находился Николай, полетели мины. Некоторое время противник вёл миномётный огонь, потом наступило затишье.

– Раненых в тыл, убитых похоронить, – пришло распоряжение от командования. И люди, в который раз за последнее время, привычно взялись за лопаты. Николаю Гончаруку предстояло похоронить своего второго номера, успевшего стать другом.

Близ территории обороняемого ими кирпичного завода Николай выбрал подходящее, как ему показалось, место под могилу и принялся рыть. Вначале работа продвигалась медленно, верхний слой почвы оказался каменистым и глинистым, но по мере углубления земля становилась податливей. Копал Николай с остервенением, тяжёлым трудом стараясь заглушить сжимавшую грудь боль. А могло ли быть иначе, если за последнее время он успел крепко сдружиться со своим вторым номером и едва сдерживался от желания дать волю слезам. Наконец могила была готова. Выбравшись из неё, Николай вернулся к своему убитому другу. Взял начинающее коченеть тело на плечо и понёс его к выкопанной яме. Коля не просил помощи у других. И не только потому, что прочие бойцы тоже были заняты: кто похоронами, кто наблюдением за врагом, просто Николай хотел побыть с другом наедине, так, чтобы никто не видел его горя.

Опустив тело на край могилы, Николай долго стоял на коленях и молчал, затем спрыгнул на дно ямы и осторожно опустил туда тело Алфёрова. Укрыв лицо обрывком плащ-палатки, Николай выбрался наверх и стал понемногу засыпать могилу землёй. Когда тело скрылось под земляной насыпью, лопата в руках Гончарука замелькала быстрее. Вскоре на месте могильной ямы появился земляной холмик. Выровняв его со всей тщательностью, Николай нашёл какую-то дощечку и, поклонив лежавший в кармане химический карандаш, вывел на ней надпись: «Алфёров Николай. Уроженец г. Курска. Погиб смертью храбрых в бою 18 августа 1941 года». Закончив писать, Гончарук ещё некоторое время сидел в задумчивости, потом без спешки вернулся на свою позицию. Там, примостив пулемёт на импровизированный бруствер, он сел так, чтобы его не было видно противнику, и погрузился в тяжёлые раздумья.

Шорох шагов вывел его из состояния задумчивости, он поднял голову и увидел в десяти шагах от себя вооружённого винтовкой красноармейца. Был тот лет сорока, не высок, не широк в плечах, но что-то нашлось в его облике и манере двигаться такое, что невольно давало повод предположить в нём человека бывалого.

– Иваныч, – без обиняков представился подошедший и, присев рядом на корточки, протянул руку.

– Николай, – ответил Гончарук, без всякого стеснения разглядывая незнакомца, рукопожатие которого оказалось сильным, а ладонь по-рабочему твёрдой.

– Что такой хмурной, Николай? – поинтересовался Иваныч.

– Друга похоронил, – пояснил Коля, кивнув в сторону кирпичного завода.

– Многие из нас сегодня друзей похоронили, – вздохнул Иваныч, – а я вот не грущу. Я старый солдат. Гражданскую отвоевал, ещё и пару годков империалистической прихватил. Если по всем погибшим товарищам горевать, никаких слёз не хватит. – И вдруг неожиданно спросил: – Ты в Бога веруешь?

– Не особо, – честно признался Николай.

– Зря, – сокрушённо покачал головой старый солдат. – Признаться, я тоже не особо. Но знаешь, какую я теорию вывел? Само собой, не знаешь. А вот смотри, если Бог есть и рай есть, что нам сокрушаться о невинно убиенных, коли они в рай попадут? Правильно, смысла нет. А ежели ничего потом нет, то какая разница, когда умирать – в двадцать лет или в сто. Всё одно после – тьма. Хотя, конечно, по совести умирать всё одно не хочется. – И опять без всякого перехода: – Ты куришь?

– Не пробовал, – Николай отрицательно помотал головой, решив, что Иваныч хочет предложить ему сигаретку. Что ж, сейчас бы он, может, и не отказался.

– И правильно! – Иваныч назидательно покачал указательным пальцем. – Только добро в дым переводить. Если уж хочешь табачку попробовать, тогда нюхательный брать надо, – с этими словами Иваныч вытянул из кармана кисет, развязал его и сунул туда два пальца. Ухватил ими табака на добрую понюшку и с наслаждением втянул в ноздри.

– Апчхи, апчхи, – разнеслось в воздухе. – Ах, хорошо! Ох, замечательно! А ты, паря, не хошь табачку нюхнуть? Давай, не робей, мозги прочищает будь здоров! – с этими словами старый солдат протянул Николаю раскрытый кисет. Отказываться тот почему-то не стал, взял щепотку, неумело втянул в ноздри. На глаза сразу же навернулись слёзы.

– А-а-а-а-ап-чхи, – громко разнеслось по округе, – апчхи, чхи, чхи... – расчихался Николай, не в силах остановиться. Слёзы так из глаз и полились. Не сразу удалось перестать чихать, но странно: давившая на грудь пустота схлынула, отпустила. Вылетела и испарилась.

– Ну, каково? Полегчало? – ласково осведомился Иваныч у Николая, рукавом рубахи вытиравшего лицо.

– Полегчало, спасибо, – искренне поблагодарил тот.

– Ну, тогда держи, – старый солдат затянул кисет и сунул в руки запротестовавшего Николая.

– А вы? А как же вы? – растерялся он, не смея ни взять, ни отказаться от столь великодушного на войне подарка.

– У меня ещё есть, – беззаботно отозвался Иваныч, легко встал и пружинистой походкой отправился по своим делам...

Ночью от вышестоящего командования пришёл очередной приказ, который гласил: оставить город и отходить в направлении Вязьмы.

– Двигаться будем по бездорожью, – сообщил своим офицерам командир роты.

– Какая причина? – уточнил один из взводных. Старший лейтенант пояснил:

– Поступили сведения: на дорогах между Ельней и Вязьмой немец высадил десант. Двигаться будем максимально быстро. Ничего лишнего с собой не брать. Проверьте личный состав. Отход начинаем немедленно, – ротный умолк, понял, что сказал что-то не совсем то, и сразу поправился: – через двадцать минут.

Отступление началось. Шли в основном лесом. Хоть и надеялся Николай, но нового второго номера вместо погибшего ему не дали. Немного повздыхав от доса-

ды, он навьючил на себя всё имущество и какое-то время пытался нести и запасной ствол, и запасные диски, но вскоре силы иссякли. И тогда, поняв, что если ничего не предпринять, он отстанет, Николай бросил всё запасное снаряжение и дальше шёл, неся лишь пулемёт с одним-единственным диском.

Путь до Вязьмы, несмотря на близкое расстояние, оказался долгим, но, в конце концов, их часть вышла к городу. Обойдя его, они выбрались на дорогу и стали отходить в направлении Ржавца. Хотелось пить, хотелось есть, но идти стало легче. Вскоре отступающих начали останавливать на выставленных на дороге пропускных пунктах офицеры их же части, после чего распределять по родам войск и направлять к местам сосредоточения: танкисты отправлялись к танкистам, артиллеристы к артиллеристам, пехотинцы к пехотинцам. Из потрёпанных и разрозненных подразделений командование спешно формировало новые подразделения и части.

На вышедших из леса парней в гражданской одежде, но с оружием в руках сразу же обратили внимание.

– Вы кто такие? – группу, в которой шёл Николай, остановил офицер в звании майора. – Почему не в форме?

– Мы не получали, – честно ответил откликнувшийся за всех Николай.

– Как не получали? – удивился офицер, видимо, бывший не в курсе дела.

– Мы под Смоленск на оборонительные работы из Москвы прибыли, но враг находился на подступах, нас вооружили, и мы воевали, – наперебой начали объяснять вышедшие из леса парни, – а потом пришла команда на отход.

– Так, понятно, что ничего не понятно, – сокрушённо покачал головой офицер. И вдруг спросил: – Присягу принимали?

– Никак нет, – прозвучал нестройный ответ. Выходившие вместе с Гончаруком бойцы заволновались.

– Гм, тебе восемнадцать есть? – майор ткнул пальцем в сторону Николая.

– Пока нет, – пожал плечами Николай, – но скоро будет. Осенью.

– Ясненько. Так, товарищи, ваш год пока призыву не подлежит. Значит... – остановивший парней офицер задумался. – Евстигнеев, – майор окликнул стоявшего неподалеку младшего командира, судя по треугольникам в петлицах, в звании сержанта.

– Я, товарищ майор, – поспешно отозвался тот и, развернувшись к командиру, сделал неуверенный шаг в его сторону.

– Вот видишь всю эту ораву? – спросил офицер, и «орава» замерла в ожидании.

– Так точно, – ответил сержант на вопрос, не требующий ответа.

– Отбери у этой банды оружие, – распорядился майор. – И пусть валят на все четыре стороны.

– Это как же так? – возмутились стоявшие перед ним парни. – Мы уже воевали, нас в части искать будут!

– Не будут, – заверил офицер, подумал и отдал сержанту указание: – Евстигнеев, напиши всем справки, а транспорт в направлении Москвы какой пойдёт, посади. Нечего им в прифронтовой зоне ошиваться...

Елена ЛУКАНКИНА

Над Невой – редущая просинь

Стихи

Метроном

По радио как сердце Ленинграда –
удары метронома. Будет бой.
Сорок второй. Зима. Война. Блокада.
И дядя Саша – мальчик с Моховой.

Он помнит гул – кресты чернели в небе,
как лёд с Фонтанки в котелке крошил
и собирал для брата крошки хлеба.
...И сколько дней Серёжка не дожид

в прозрачном колокольчиковом теле,
когда б ему пошёл четвёртый год.
– Дед, ты чего? Давай на те качели!
– Пошли, родной.
За внуком дед идёт.

А в голове седой стучат упрямо
удары метронома – точный срок:
Сто пятьдесят в минуту:
– Бомбы, мама!
А пятьдесят:
– Не бойся, спи, сынок.

Маши́н Но́вый год

Платок, под ним – глаза и рот,
окно замёрзшее подвала.
У Маши в этот Новый год
сил и больших желаний мало:

проснуться и лежать в тепле,
и чтобы мама не простыла,
и всюду снег, и на столе
совсем немного хлеба было.

И Маша тянет пальчик вверх –
к стеклу: бабуля, тётя Надя,
её Серёжка с Галей – всех,
кто не придёт, она посадит

за свой стеклянный тёплый стол
голодной ленинградской ночью.
Сорок второй, пришёл, пришёл!
И Маша, сытая, хохочет.

...Уснёт. И в животе пустом
урчит. Вот печку топит Галя,
с мороза папа входит в дом,
что на дрова не разобрали.

Осень 41-го

Над Невой – редяющая просинь,
как сурова эта красота.
41-й. Солнечная осень.
С жёлтыми прожилками вода.

Кораблей зловещая громада.
На домах в углы разведены
рупоры тяжёлые. В блокаду –
это пульс надежды и войны.

Новости и сводки боевые,
музыка по радио звучит.
Этот город жив. На мостовые
солнце льётся. Метроном стучит.

Чистота, и только хлопья в небе
долго кружат, и ветра метут
с улиц городских бумажный пепел.
Осень. Ленинград. Архивы жгут.

Блокадные книги

На полке – те же корешки,
что много лет назад:
вот наши детские стишки
с картинками стоят.

Пошелести и вспомни вкус
такого киселя,
и как учили наизусть
на отсвет фитиля,

где самоварище пыхтит,
и гонит жар сапог,
как добрый доктор Айболит
мышонка съесть не смог.

Как строки быстрые несли,
спасал родной язык.
Каким бывает вкус земли,
ремней, сапог и книг.

Как получил на день Христов
дар сердца Дровосек,
как жаль, что этих корешков
хватило не на всех.

Танька

На погосте – тишина.
Время ленинградское.
Там, за городом – война,
необъятная страна.
Танька знает имена,
да могила братская.

Петька. Песни у костра.
С синими глазищами.
Из соседнего двора.
Говорят, не встал вчера.
Петьку мать снесла с утра.
Да поди сыщи его.

Кто он был в её судьбе?
Чудо синеглазое.
Танька, Танька, – воробей.
Съешь! Не может. Не убей.
Папку тащит на себе.
Не смогла с оказией.

Груда человеческих тел.
И никто не тронется.
Город вымер, опустел.
Папка сильно похудел.
Танька ела. Папка ел –
а когда, не вспомнится.

Не осталось в Таньке слёз.
За соседкой Шурочкой
белой ночью красный нос –
полумёртвый Дед Мороз –
мамку в Новый год унёс.
Снарядил в Снегурочки.

Танька выжила назло.
Только смерть волочится,
да морщинами пошло
пятилетнее чело.
Птиц по небу намело.
Хлеба – сколько хочется.

Таньке – без 15 век.
С ней всё те же зрители.
Человек и человек.
Двое горестных калек.
Мамка, папка, ешьте хлеб,
кушайте, родители.

* * *

К Неве подходит девочка седая
и смотрит, как тогда, в большую воду.
Прохлада. Вечер. Ветер. Мостовая.
Письмо – в кармане. Руки – на свободу.

С войны заходят корабли. Темнеет.
Несутся паруса. Вода встречает.
Стихает гул. И Петербург немеет.
И мост встаёт: за встречу отвечает.

Он над Невой поднимает крышу.
Там алый парус! Ликованье. Люди.
Вошёл корабль. А принца нет. Не вышел.
Не выжил. В небе – брызгами салюты.

И ты не ждёшь. И это чёрный праздник.
И парус – кровь. И принц – солдат. И солнце,
как ссадина – горит, чернеет, гаснет.
И чайка в страхе над Невой бьётся.

Голос Тани

На острове Васильевском Нева –
как голоса, о чём-то горьком шепчут.
Вот голос Тани – о своих ушедших.
Все умерли. А я ещё жива.

Идёт в окне зима из белых лиц.
Последняя зима. Дневник дописан.
Блокадный Ленинград из детских писем –
история из девяти страниц.

Холодная Нева сороковых –
как голос Тани. В голосе – усталость.
На острове Васильевском осталась,
осталась только Таня из живых...

* * *

Не про себя смотрю кино,
а в наше старое окно,
мы клеили его с сестрою.
И, помню, как его открою,
оно мне – старческое хрусь.
И вот я через двор несусь.
Не с теми я тогда якшался,
по стройкам брошенным шатался
с друзьями – не-вода-разлей,
и раздавала мать люлей,
когда я на заре с фингалом
вползал. И мне казалось, мало
люлей она мне раздала.
Страна тогда ещё спала.
А я смотрел, как режет солнце
край неба, сколько остаётся
нам жизни этой молодой.
Теперь смотрю, как лунь седой,
на то же солнце молодое,
как много утекло с водою
ребят – земля им пухом там.
Моя по рассыпным кустам
смородину снимает с веток
и отсыпает мне таблеток.
Во сне ко мне идёт шпана.
А я им – вжух и оба-на –
накостыляю у райкома.
Девчонку доведу до дома.
Она теперь бухтит в саду,
что я, как Сталин на посту,
всё раздаю ей порученья.
А солнце тает, как печенье,
в топлёном синем молоке.
И я по розовой реке
бегу, и мать с отцом со мною,
друзья мои, и я с шпанюю.
Мы счастливы как детвора.
Прощай, девчонка. Мне пора.

Разговор с сыном

– У Светы папы больше нет.
Сын прячет от меня глаза,
там собирается слеза.
– Тебе же тоже 40 лет.
Кладёт учебники в рюкзак.

– Погиб. Я это не пойму...
И пауза. Он ждёт ответ.
Ребёнку 9. Много? Нет.
И между нами – почему? –
вопрос – длиною в 30 лет.

Я думаю – как повернуть.
– Родной, ты Свету поддержи,
о чувствах ей своих скажи.
– Мне больно здесь, – ударит в грудь,
и голос тонкий задрожит.

– Ну разве можно умереть?
Я обнимаю, он упал
на шею – словно жить устал –
и молча думаю про смерть,
что он совсем о ней не знал.

Как в третьем классе объяснить –
о смерти, а потом о том,
что происходит за окном.
– Сынок, мы с папой будем жить –
пока есть ты.
И мы найдём –

попробуем – как тут найдёшь
слова, какие ищешь сам,
и в сорок веришь чудесам.
Спасибо, сын, что задаёшь
вопросы правильные нам.

«Я счастливой родилась на свет...»

Очерк к юбилею Валентины Тихоновны Дорожкиной

15 декабря 2024 года отмечает свой юбилей поэт, педагог, просветитель Валентина Тихоновна Дорожкина – человек, без которого давно прервалась бы традиция, связывающая современность с порой 70–80-х годов, а корнями своими уходящая ещё глубже, в век серебряный и век золотой. Кропотливая литературоведческая, литературно-критическая, музейная, редакторская, издательская и, наконец, творческая работа, ведущаяся Валентиной Дорожкиной более полувека, стала прочной литературно-краеведческой базой для учителей, библиотекарей, студентов-филологов, педагогов, работающих с одарёнными детьми, – для всех, кто интересуется поэтическим словом Тамбовщины, её историей и культурой.

Всё это так, и совершенно справедливых хвалебных слов о юбиляре можно написать великое множество. Но именно сегодня в своём рассказе о Валентине Тихоновне мне хотелось бы обойтись без пафоса и увидеть образ поэта таким,

каким, как представляется, открывается он не сразу. За пышным шлейфом титулов, почётных званий и перечнем заслуженных наград, за ореолом славы «тамбовского Пушкина» скрывается ранимая, нежная, мудрая в своей хрупкости душа, портрет которой открывается нам на страницах поэтических сборников Валентины Тихоновны.

Помню 2000 год. Мы, собравшись за длинным столом в «Тропинке», в конце занятия слышим радостную весть: «А у меня, ребята, вышла новая книга». К тому, что из-под пера нашего учителя книги выходят часто, мы успели привыкнуть. «Наверное, это будут стихи о войне или о Тамбове», – подумалось тогда. Но дома сомнения рассеялись: стихи под белой обложкой с нарисованным на

ней конвертом и осенним листом оказались совсем другими! Дружба, влюблённость, преданность, одиночество, верность призванию, мечта о понимании, горечь земных испытаний... Книга «Неотправленные письма» открыла образы близкие и родные, и это доверие нам – 12–16-летним тогда девочкам и мальчишкам, получившим в подарок по экземпляру книги, – пленило теплотой абсолютной дружбы, возможностью со всей глубиной увидеть в наставнике Человека.

С той же невероятной искренностью, что и в повести «Как говорила моя бабушка», посвящённой трудному и одновременно прекрасному послевоенному детству, Валентина Тихоновна создаёт в своих лирических стихотворениях осязаемые образы прошлого – кисло-сладкого, как аромат мичуринских садов:

*Пахнут детством зелёные яблоки –
Чем кислее, тем ближе детство...
Я в саду заблудилась – явно:
От судьбы никуда не деться.
Вспыхнет прошлого радостный миг.
Настоящее держит на месте.
Яблок много кругом наливных,
Но любимые – только в детстве.
...Я украдкой в чужом саду
Недозрелое яблоко рву.
И навстречу тебе иду
И реву...*

Интересно, что образы сада, традиционно связанные в литературе с архетипом рая и темой рода, соотносятся в поэзии В. Дорожкиной с мотивом ностальгии, ощущаемой не только во времени, но и в пространстве, как, например, последние четыре строки стихотворения о счастливых «семидесятых»:

*...О, как шаги по Невскому тихи...
И вот они совсем уже не слышны.
...Ахматова зовёт читать стихи,
Пить чай с вареньем из тамбовской вишни.*

Пространству жизни (с её садами, лесами, лугами) противопоставлена каменная безликость городов. Так подлинному чувству противоположно окамененное нечувствие – знак омертвения человеческой души.

*Угодно было так судьбе?
Но так случилось:
Мы стали сами по себе –
Мы разлучились.
Была я любящей,
живой,*

искренности («Как тонко чувствует дитя, // Кто с ним всерьёз, а кто фальшиво...»). Малышка, напоминающая маме, что «снег-то – синий», или «девочка с мечтою о любви», признающая, что руки холодны оттого, но «сердце горячо», – это образы души автора, девочки-Психеи, вечно хрупкой, невесомой, ищущей. В стихотворении о маленьком товарище Юре, дружба с которым помогает лирической героине «переносить отсутствие большого», слышатся отголоски пронзительного ахматовского сюжета: «А мальчик мне сказал, боясь, // Совсем взволнованно и тихо, // Что там живёт большой карась. // И с ним большая карасиха...»

Преодоление одиночества – в движении к людям, радостном служении им. Когда родной город воспринимается как большая семья, огоньки вечерних окон уже не кажутся чужими:

*...Приходят светлые надежды.
И я живу. И я люблю.
Ведь маяки во тьме кромешной
Нужны не только кораблю.
И я, как прежде, верю в чудо
И в этот свет в ночном окне.
И буду счастлива, покуда
Друзья нуждаются во мне.*

В молитве о близких и далёких останавливается быстротечность времени, все дорогие люди встречаются в пульсирующей точке времени и пространства – живом любящем сердце.

Стать (по-тютчевски) собеседником на духовном пире может каждый. Так, герой стихотворения «Бомж» «читает наизусть Державина», самим собой доказывая верность державинского откровения о человеке: «Я телом в прахе истлеваю, // Умом громам повелеваю. // Я царь – я раб – я червь – я бог». Получив монету, бомж готов прочесть лирической героине и Тредиаковского. Так название маленького стихотворения Валентины Дорожкиной «Бомж» становится гениальной рифмой к оде Державина «Бог».

В этом пространстве общаются, делясь словами и смыслами, не только современники, но и «чудаки» минувших лет: гении, безумцы, фантазёры. Рахманинов и Моцарт, Державин и Лермонтов, Пушкин и Есенин, Цветаева и Ахмадулина, Берггольц и Румянцева – поэтических посвящений небесным собеседникам так много, что они могли бы составить отдельную книгу. Недаром восторг поэта перерастает в творческой лаборатории Валентины Тихоновны в ежедневный кропотливый труд литературоведа и критика. Ею собрано более пятисот имён литераторов, связанных с прошлым Тамбовского края. А сколько имён открыто для будущего!

Сотни голосов, робких, начинающих, прорезались и крепили рядом с Валентиной Тихоновной, на её «острове спасенья», где царствует радость творчества. И, пожалуй, верность призванию остаётся непревзойдённым рецептом подлинного счастья:

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Рейд

Историческая повесть

7 августа 1919 года Тамбов спасался от казаков Мамонтова. Отношение к казачкам было двойственное ещё со времен губернатора генерал-майора свиты его Императорского Величества фон дер Лауница Владимира Фёдоровича. Его советник Луженовский Александр Николаевич, присяжный поверенный по службе и ярый черносотенец по призванию, метался по губернии с сотней лихих донцов, подавляя в крови и смертях крестьянские бунты и погромы. Тогда, в 1904 году, были разграблены и сожжены сотни имений, несчитанно гибли помещики и их присные. Железный губернатор восстановил тогда порядок казацкими саблями, плетьюми, пулями, не считаясь с жертвами.

По губернии носились гикающие всадники с кроваво-красными лампасами, с взблесками и взмахами стальных клинков. За окнами творилось нечто невообразимое. Опрометью бежали коммунисты, совслужащие, сочувствующие и евреи. Сегодня все они сочувствовали одно – страх и ужас. Нескончаемый поток людей, телег, повозок, коров и лошадей плыл в сторону Рассказовского леса. На Большой и Дворянской сплошнякам тянулись пролётки, телеги, двуколки, фазтоны, кареты. Между ними пестрели коровы, овцы, собаки. Вся эта орава орала, стонала, бляла, мычала. Возницы бесполезно размахивали кнутами, напрасно крыли благим матом. На всех столбах, стенах и заборах трусливо трепетали возвания председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, вызывая ненависть. Дико крикая, нёсся громадный красный автомобиль с открытым верхом. На заднем сидении стоял председатель губчека Якимчик, размахивая наганом, неразличимо крича на фоне общего гомона. Через пять телег позади клаксонила подстреленной уткой машина продкомиссара Гольдина, тоже махавшего над головой маузером. Рядом пищало придавленным цыплёнком авто предсовнархоза Циммермана.

Громадный племенной бык ревел басом, пробивая себе дорогу, поднимал на рога телеги, топтал людей. В сумерках спешно двигался воинский обоз, состоявший из длинных и низких телег, унизанных красноармейцами. Раздался истошный крик:

«казаки», и весь обоз в панике дёрнулся вперёд: возчики дико заорали, беспощадно захлестали лошадей; обоз помчался скачком, пока, наконец, пара лошадей одной телеги не вспрыгнула на задок предшествовавшего воза. Возник затор. Всё встало на месте среди панического ужаса людей и лошадей. Сплошная матерная брань, метания и топот лошадей, бряцание телег производили ужасное зрелище.

Наконец, прискакал красный командир, нахлестал людей и лошадей, телеги расцепили, и обоз помчался по Кирсановскому тракту. Это унижительное бегство было ответом на призывы коммунистов к сплочению горожан и советской власти против «белых бандитов с лампасами». Улицы заполнили громадные фуры складских обозов и походные кухни пехотных курсов главной надежды большевиков. К вечеру потянулась всякая мещанская мелочь. Гремели о булыжник телеги с пожитками и семьями. К утру от этой живой реки остался слой конского и коровьего помёта. Тамбов благоухал, встречая Мамонтова. Последняя телеграмма была о том, что он захватил Борисоглебск и движется вдоль железной дороги на Тамбов, сокрушая всё на своём пути. Подписанный приказ о всеобщей мобилизации был бесполезен. Мобилизовать было некого, нечем и нечем.

За всем этим героическим вавилонским побегом с явным удовольствием наблюдали из окна третьего этажа Присутственного Дома двое совершенно мирных людей. Главуполномоченный губархива Терновский Николай Николаевич поблёскивал очками-велосипедами. Тридцатипятилетний красавец имел в голове два высших образования: историко-филологический факультет Киевского университета и юридический факультет Московского университета. Свободно изъяснялся на немецком, французском и польском языках. С января 1919 г. служил во всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников старины, а с 1 июня исполнял обязанности уполномоченного Главного Управления архивным делом по Тамбовской губернии. Его сотрудница Платонова Софья Константиновна – миловидная дама в летах, похожая на белое облако из кружевной кофточки и белой как снег причёски. В ней всё было белым: одежда, лицо, руки, волосы, мысли и душа. Есть натуры чистоплотные от природы, аккуратность и порядочность присущи им от рождения. Оба любили литературу, живопись, науку, но не любили советскую власть. Мужа она потеряла пять лет назад. Он ушёл вольноопределяющимся на германскую войну, где и сгинул. Детей, к счастью, не было, они не любили друг друга. К Терновскому она испытывала уважение, в эти дни перерастающее во влюблённость. Это её тревожно радовало. Наконец-то и в её жизнь въехал принц на белом коне, хотя он больше похож на князя или графа. Столичный архивариус видел её обожание, и это ему нравилось.

– Вы знаете, Софья Константиновна, отсутствие сахара я переношу легко, но вот еда без соли – такое мучение. Вчера я отнёс свои новые ботинки свиной кожи и вырубил за них три фунта соли. Так что цинга нам не грозит.

Она грациозно отпила из чашки небесного фарфора морковный чай и кивнула.

– А я без сладостей тоскую. С детства люблю марципаны и пирожные из лавки Толмачёва. Ах, какие там были эклеры и бисквиты!

– Да, кончилась сладкая Российская империя. Началась горькая Советская Россия.

Корпус Мамонтова втягивался длинной змеёй с юга от Бокино по Большой Астраханской и с севера по Моршанскому тракту из Татаново. Город отдался без боя. Около вычурно ажурного русского барокко дома ГубЧК казаки спешили. Из овального резного подвезда выскочил с маузером юный еврей в кожаной куртке по голому тощему телу. Он побежал сквозь бумажную метель по Большой и, оборачиваясь, навскидку стал стрелять. Патроны закончились быстрее, чем его жизнь. Через пять минут тонкое тело юноши раскачивалось на фонаре напротив самого страхолюдного меча революции. В такт скрипел фонарь, разительно похожий на виселицу. Похоронят его с воинскими почестями, речами, троекратным залпом на Петропавловском кладбище. Отец, доктор губернской психиатрической лечебницы Нейгарт Яков Иосифович, шептал почти неразлично: «Аз воздам...»

Возле губисполкома в жестяном тазу горели бумаги. Ветер подхватывал горящие листья, они летали злыми жар-птицами, стремясь поджечь город. У губкома валялся труп китайца. Он был проткнут его же винтовкой. Штык вошёл глубоко, и китаец походил на наколотого на иголку жёлтого жука. Один из казаков удивился:

– А баили, у них кровь синяя...

Скоро на Носовской, Долгой и Гимназической торговцы стали выносить вино, водку, пиво с разносолами по случаю торжества и угощать освободителей от красного рабства. Откуда ни возьмись появились цыгане, и полились веселье, музыка, песни.

Пожилые пары вышли на прогулку и умиротворённо вздыхали.

– Господи, будто и не было этого Содомы и Гоморры.

Генерал-лейтенант Мамонтов отходил от двухсуточного перегона из Борисоглебска в Тамбов, пребывая в здоровом расположении духа и тела. Пропитанная ладаном сумрачная прохладная зала приютившего его священника Казанского собора отца Петра успокаивала. Полковник Белоусов доложил:

– Депутация от местной знати, прикажете принять?

– Кто такие? Что просят? Если денег, то гони в шею.

– Бывший комиссар Временного правительства Давыдов, предводитель дворянства князь Чолокаев, полицмейстер Старынкевич. Все кавалеры и в чинах.

– Чёрт с ними, проси.

Генерал, наслаждаясь Цимлянским, с лёгкой грустью рассуждал:

– Донская земля удивительно прекрасна натурой, куда ни кинь зрак, к хлебобродству способна на полной мере. Казаки до неисчислимого колена были земледельцы до мозга костей. Владетели серпа, косы и сабли. С одной стороны, конечно, с другой, казаки воины. Я невольно сравниваю здешние и донские места. Таких лесов я мало где видел. Ясно, почему Петр Великий из ваших сосен фрегаты строил. На Дону лесов нет. Казаки печи топят речным тростником и кизяком, а для строительства пользуются самородным диким камнем. По рекам Калитве, Могосу довольно каменных хребтов...

Генерал перекинулся мыслью и глазом к просителям и ударил наотмашь:

– Как случилось, господа, что вы в пособников большевиков перекутились? Вы ведь все тут по Табелю о рангах генералы. Почему не встали в ряды борцов с оружием в руках? Не потому ли, что трусы по душевному штату, а не истинные дворяне?

Просители, десятилетиями возглавлявшие трехмиллионную губернию, обезвластные революцией, почувствовали себя униженно потерянными и растерянными, не зная что возразить. Перед ними прохаживался, под музыку скрипки высоких зеркальных кавалерийских сапог, тонкого звона позолоченных турецких шпор и трёх георгиевских орденов, высокий красавец во френче английского сукна с накладными карманами и золотыми погонами генерал-лейтенанта. Пушистые длинные усы-секиры качались в такт шагам и словам. непохожий на казака, он скорее олицетворял гвардейского офицера времён войны с Бонапартом.

Девяностолетний тайный советник, член Государственного Совета князь Чолокаев зеленел старостью и злобой. Зелёные глаза, нервные руки с зеленоватыми венами. Темно-зелёный дворянский мундир конца прошлого века подпирал дряблые щёки и прыгающий кадык. Табакерка, нюхательный табак, поминутно доставаемый, тоже были зелёными. Мамонтов не запомнил ни его фамилию, ни звание, прозвав про себя «зелёным дедом». Жить князю оставалось два месяца. Он умрёт в доме Нарышкиных на Большой от старости. Комиссар Временного правительства Юрий Васильевич Давыдов, пятидесятилетний дворянин и кадет, чернел длинным сюртуком скрипача, итальянскими кудрями и лакированными ботинками. Он еле сдерживался, хмурая чёрные брови. Он упокоится через двенадцать лет забытым пенсионером в кругу семьи. Бывший начальник Губернского полицейского управления Старынкевич Константин Юльевич, семидесятилетний могучий старик, светился голубым мундиром, голубоватыми венами на больших руках и иссиня выбритым лицом. Он еле удерживался, дабы не дать пощёчину генералу, но, памятуя цель визита, скрипнул остатками зубов. Он погибнет на следующий день в бою с казаками, защищая сограждан. Тамбовская губернская верхушка почти не знала человека, обвинявшего их в измене Родины.

Мамонтов Константин Константинович (16.10.1869–14.02.1920), генерал-лейтенант (02.1919). Древний род Мамонтовых известен по земельной росписи с XV века, владел имениями в Псковской, Новгородской, Минской губерниях. Сохранился дом в Петербурге. Семья в столице вела светскую жизнь, давала балы, музыкальные вечера, благотворительные концерты. Окончил Николаевский кадетский корпус, а затем Николаевское кавалерийское училище. Из училища вышел в 1890 году корнетом в лейб-гвардии Конно-гренадёрский полк. По ходатайству премьер-министра Коковцова Владимира Николаевича, с которым Мамонтов состоял в родстве по материнской линии, в 1898 году он становится «приписным казаком» Усть-Хопёрской станицы и переводится в 3-й Донской казачий полк. В 1904 г. по собственному желанию переведён в 1-й Читинский конный полк Забайкальского казачьего войска, в рядах которого участвовал в Русско-японской войне. В 1914 г. полковник и командир 19-го Донского казачьего полка, с которым выступил на мировую войну.

В 1917 г. командир бригады в 6-й казачьей дивизии, генерал-майор. Сохраняя боеспособность бригады, жёстко пресекал революционные выступления в части, а после Октябрьского переворота большевиков увёл в полном составе свою бригаду на Дон. Казаки разошлись по домам, генерал квартировал в станице Нижне-Чирской. Возглавив один из партизанских отрядов, он успешно действовал против местных большевиков и надвигавшихся с севера красногвардейских отрядов.

Весной 1918 г. в результате «Степного похода», проведённого казаками Мамонтова совместно с офицерской бригадой полковника Дроздовского М. Г., были взяты Новочеркасск и Ростов. Во время Гражданской войны, объединив казачьи группировки, Мамонтов возглавил 4-ю войсковую группу Донской армии, насчитывавшую более 12 тысяч сабель, и повёл стремительное наступление на Царицынском направлении. Ему удалось захватить Калач, форсировать Дон, расцезть фронт красных и вырваться на оперативный простор. Однако летом штурмовать Царицын, который защищало около 50 тысяч красноармейцев, генерал не решился. Наступление продолжилось в середине октября, когда войска Мамонтова значительно пополнились и составляли более 30 тысяч штыков и сабель. Красные получили подкрепление, после чего Мамонтов откатился назад. В ноябре наступление на Царицын было возобновлено. Неожиданно красные значительными силами нанесли удар по северным областям Войска Донского. По приказу атамана Краснова Мамонтов срочно повёл большую часть своей кавалерии на ликвидацию прорыва. Проведя серию фланговых ударов, он остановил дальнейшее продвижение большевиков, а после переброски из-под Воронежа казачьих частей противник отступил. Перезимовав на занятых рубежах, донцы в марте 1919 г. соединились с Кавказской Добровольческой армией барона Врангеля. 18 июня Врангель захватил Царицын, а Мамонтов нанёс сильный удар отступающей 10-й армии красных.

Яркие ленты орденов не поблекли от пыльной скачки за долгие вёрсты от Новохопёрска до Тамбова. Бывшие губернские начальники не ведали, что перед ними стоял не просто генерал, а казачий идол, бог, на которого молилась вся Донская рать. Тысячи личного состава Четвертого Донского кавалерийского корпуса слепо верили ему, вручив свою жизнь и судьбу. Каждый его приказ считался единственно верным и правильным, направленным на погибель врага и оберег их, казаков. При виде Мамонтова на коне в каждом поднималась уверенная сила, опадали с души тревоги и страхи. В тела вливалась цепкая уверенность. За ним следовала желанная для казака команда «По коням! Марш-марш!» Поражения его забывались, победы помнились.

Офицеры Донской армии кто с восхищением, кто с завистью судили-рядили:

– Господа, почему там, где Мамонтов, натиск, прорыв. У иного резерв, пешим по-конному, тягомотина в окопах под обстрелом.

Начальник штаба полковник Калиновский усмехался:

– Потому что наш «Дед» из породы Скобелева и Брусилова. Клаузевиц, по-моему, сказал: полководцами не становятся, а рождаются. Как и учёными. Умным надо родиться, а дурака, сколь ни учи, дураком помрёт.

Всего этого делегация не знала. Князь Чолокаев протянул синей рукой трепещущий лист толстой китайской бумаги. Мамонтов бумагу взял, но читать не стал, бросил на стол. Лист в полёте перевернулся и показал жирного двуглавого орла, держащего в клюве слова «Тамбовское губернское дворянское собрание».

Генерал усмехнулся в усы:

– Это всё, что осталось от чести и совести тамбовской знати?

Чолокаев скрипнул старым телом.

– О дворянстве поговорим позднее. Это мемория в защиту тамбовских евреев, которых ваши воины убивают безвинно и с ужасающей жестокостью. Число

расстрелянных, зарубленных и просто задушенных столь велико, что не поддается численению. Ваши расправы с большевиками и советскими чиновниками мы одобряем. Они враги, но евреи... Чем они вам досадили так смертельно, что вы отказываете им даже в праве жить? В чём вина врачей, музыкантов, портных, сапожников, аптекарей, пекарей? Никогда ещё казаки не выказывали такой смертельной ненависти к евреям. Звериная ненависть человека к человеку...

– Вы, господин бывший предводитель, в какой стране проживать изволите? В Америке? Палестине? Бразилии? Кто ныне у власти в России? Русские? Кто разрушил могучую империю? Впрочем, пояснять не буду, это элементарно. Спросите у любого станичника, за что он убивает евреев, переубедите его, что это плохо, зло и негуманно. Впрочем, он такого и слова-то не знает, спутает с гумном или ещё с чем позловоннее. Кто правит Россией? Ленин и присные комиссары? Кто они, назовите фамилии. Недаром вся Россия советских начальников «Троцкими» зовёт. Лев Бронштейн. Рабоче-крестьянская республика – занавеска, портьера, ширма, прикрывающая еврейское правительство. В ЧК сплошь евреи. Уж они-то с вашим братом дворянами и с нашим – офицерами – не церемонятся. Сколько они русского народу перевели, перещёлкали как мух? Вот за них-то некому было заступиться. Как говорится, заступнику первый кнут!

– Доносчику...

– Вопрос спорный. Самый первый и настоящий враг русского народа – еврейство.

– Так почему же коммунистов поддержало большинство рабочих, солдат и крестьян?

– Вы когда-нибудь видели раба, обретшего свободу, счастливым? Рабство – это цепи не на руках, а в головах. И, согласитесь, господа, люди злобны, вероломны, безрассудны, яростны, гневливы, немилостивы и мстительны... А теперь адью, аудиенция окончена... не смею задерживать. Да, а вас-то почему красные не расстреляли, не уважаемые?

По мнению командования Добровольческой армии, 4-й Донской корпус без Мамонтова, скорее всего, превратился бы в обычную бессмысленную и безмысленную толпу. Он сплывал казаков в железный исправно действующий организм. Офицеры часто повторяли его слова как молитву: «Не боящийся ничего сильнее того, кого боятся все»; «Есть только одно средство, исцеляющее все болезни – смерть»; «Война учит не умирать, а жить».

Рейд замыслил А. И. Деникин. Он планировал отдать приказ выйти в тыл 8-й Красной армии и, заняв Лиски, способствовать окружению Восьмой и Тринадцатой дивизий Красной армии. Изначально задачей корпуса было прорвать фронт между Новохопёрском и Таловой; оказать содействие 3-му Донскому корпусу в ликвидации Таловской группы красных и направиться в глубокий тыл противника для взятия города Козлова, где располагался штаб Южного фронта. Через неделю план был изменён. Корпусу приказано ударом в направлении на Таловую и далее по тылам противника на запад содействовать 3-му Донскому корпусу в окружении Бутурлиновской группы красных и соседних с нею частей. Конечная же цель – захват города и крупного железнодорожного узла Лиски. Ни один из этих планов не был

реализован. Зато по воле генерала Мамонтова совершён самый знаменитый рейд Гражданской войны в России.

В приказе А. И. Деникина значилось: *«Вам надлежит, пополняя силы за счёт антибольшевистски настроенных слоёв населения, развить наступление на Москву, опустошая тылы противника и контролируя основные пути сообщения в направлении на Москву в целях обеспечения общего удара армии в указанном направлении».*

В последних числах июля 1919 года между Таловой и Новохопёрском была собрана конная группа под командованием Мамонтова. Для заготовки продовольствия из донской казны было выделено *100 миллионов рублей*, до прорыва противнику не было известно о цели нахождения в районе Урюпина конного корпуса. Красное командование было убеждено, что корпус находится на отдыхе. Отбор людей производил лично командующий, а лошадёй отбирали командиры полков. Всё слабое и истощённое оставлялось. Место для прорыва красного фронта избрано искусной демонстрацией между устьями рек Хворостень и Искорец. Противник был введён в заблуждение и подтянул резервы к этому месту, значительно ослабив фронт у места реального прорыва. Боеприпасов взяли в обрез. Предполагалось пополнять их на складах противника. У белых и красных калибры были одинаковы. Мамонтов дал приказ *«на сотню одна патронная повозка, одна для раненых и кухня».* В батареях оставлено по два орудия.

Утвердив директиву о походе на Москву, Деникин А. И. поставил перед Донской армией задачу на первом этапе наступления выйти на рубеж Тамбов – Елец. Для решения этой задачи планировалось нанести мощный удар по тылам красных силами двух кавалерийских корпусов. Однако затяжные бои не позволили белым снять с передовой корпус Коновалова, поэтому запланированный рейд совершил один корпус Мамонтова, до конца не сформированный. Заслоны красноармейцев не могли остановить наступление белых. Кавбригада 36-й стрелковой дивизии неосмотрительно втянулась в бой и была разгромлена. В тот же день казаки вступили в Бурнак. На ночлег 12-я конная дивизия расположилась в районе села. Через несколько дней конный корпус расположился на ночлег в районах сёл Пановы Кусты – Жердевка. Охранение было выдвинуто по линии Липовица (20 вёрст южнее Тамбова) до станции Чакино, на Тамбово-Балашовской железной дороге.

По пути казаки разрушали железные дороги, телеграф, сжигали станции и железнодорожный инвентарь, разоружая и распуская красные части по домам. Связь между красными штабами была окончательно прервана. Красные части, оставшись без связи и толковых директив, не только не могли оказать сопротивления, но и разбежались при появлении казачьих разъездов. Штаб Южного фронта, находившийся в Козлове, боясь быть захваченным казаками, поспешно бежал, оставив все имущество. Население сочувственно встречало казаков. 4 августа части генерала Мамонтова находились в районе Пановы Кусты – Грязнуха, в 60–80 верстах к югу от Тамбова.

5 августа утром казаки появились к юго-западу от Тамбова, прорвали укрепленный район у деревни Руднево и, захватив у деревни Арапово красную батарею, в 8 часов ворвались в Тамбов, не встретив сопротивления. Многочисленный гарнизон города в панике разбежался, частью сдавшись в плен. Красноармейцы были разоружены и распущены по домам.

В войну всегда приходит безвременье. Времена года сливаются в один всепожирающий круг, и не понять: лето ли, зима, осень. Война измеряется не днями, а людскими жизнями. Смерть сильнее любого времени года. Первая мировая длиною более чем в десять миллионов. Вторая – в семьдесят. Когда в Тамбов пришла война, время остановилось, хотя в домах продолжали стучать ходики, бить настенные часы, тикать будильники. Только отсчитывали они многим последние минуты.

У казарм из кроваво-красного кирпича стояли десятка два офицеров в царской форме, сверкая на солнце погонами, орденами и очками. Впереди, свесив усы и живот, полковник Дьяконов, начальник гарнизона. Город он сдал без боя. Ещё в Борисоглебске начальник разведки доложил Мамонтову, что связался с ним и на него можно положиться. Корпус в ряду из шести всадников медленной серой змеей втягивался в губернскую столицу чернозёмного края. Дождей не было уже с неделю, и казаки покрылись пылью с головы до ног. Волосы вставали дыбом от вида живых скульптур. Казалось, не осталось в мире ни одного звука, кроме тысячекратного топота и цокота подков по граниту мостовых, слившегося в одну невыносимую звенящую головную боль.

На борьбу с мамонтовцами были брошены курсанты из нескольких Школ красных командиров, а также различные мелкие кавалерийские отряды, которые были объединены в кавалерийскую группу. Впоследствии в эту группу была включена и 56-я Украинская кавбригада. Единственная строевая часть, одетая в кожаные куртки, синие рейтузы с кантами и красные бескозырки с большевистской звездой «Пехотные курсы командиров РККА», встретила казаков пулемётной и ружейной пальбой, но, понеся потери, отступила в сторону Периксы и Трегуляя. Их командир понял, что неизбежно погибнут, обороняя город в одиночестве. Курсы сохраняют боеспособность и будут наносить жалающие удары по разъездам казаков. В казармах сидели почти двадцать тысяч мобилизованных новобранцев, почти полностью из окрестных крестьян Моршанского и Кирсановского уездов, необученных, без оружия и желания воевать за советскую власть. Мамонтов построил их на плацу.

– Вас спасло то, что вы не солдаты, а стадо баранов. Успели бы стать солдатами и приняли присягу – всех в расход. Разойтись по сёлам! С безоружными крестьянами я не воюю. Предлагаю добровольно перейти ко мне на службу. Кто не воспользуется этими возможностями и продолжит службу в рядах Красной рабоче-лапотной армии, неизбежно будет уничтожен. Что вам принесла советская власть, кроме насилия и грабежа? Евреи-чекисты вас за измену не помилуют, сами знаете.

Город вместе с казаками покинет вновь образованная Тульская пехотная дивизия в десять тысяч штыков. В личный состав её вошли бывшие офицеры, кадеты, гимназисты, добровольцы и торговцы. Дивизия в боях почти не участвовала, осуществляя охрану обозов с награбленным имуществом и конвоирование пленных. Процветало пьянство, мародёрство и массовое дезертирство. Тульская дивизия была советским формированием, захваченным Мамонтовым во время его первого рейда в районе Грязи–Тамбов–Козлов. При отходе на юг Мамонтов увёл эту дивизию с собой и разместил её в районе Нижнедевица. Дивизия не представляла собой серьёзной силы – она разлагалась и разбегалась. Дезертиры из Тульской дивизии одиночками, мелкими и даже большими группами пробирались лесами севернее

Воронежа в распоряжение частей Конного корпуса Будённого и 12-й стрелковой дивизии. Часть, запятнавшая себя кровью, уплыла из Новороссийска в эмиграцию.

Квартирьеры и фуражиры построили в столовой поварню.

– Через час подойдёт обоз с продовольствием. Ещё через час вы должны обеспечить кормление. Всё имеющееся на воинских складах конфискуется и считается имуществом корпуса. Кражи и грабежи караются расстрелом. Мобилизованных пейзажистов не кормить.

– Так там в основном наши, тамбовские, из Пензы никого.

Тощий, усатый, вылитый таракан, подъесаул усмехнулся:

– Темнота, пейзажистам – это крестьяне, только итальянские.

Полковник генерального штаба Дьяконов, по большому счёту, не предал ни советскую власть, ни Чичканова, потому что пришёл на службу в РККА умышленно с расчётом на борьбу с ними. Он возглавил Союз офицеров Тамбовской губернии, созданный им после неудачного восстания в июне прошлого года. Его распоряжением дотянули до Мамонтова невыдачу мобилизованным оружия, обмундирования и сносного питания. Дьяконов сформировал Тульскую пехотную дивизию. Каждый получил по новым сапогам, гимнастёрке, кожаному ремню, портянкам, пачке моршанской махорки, винтовке Мосина с тридцатью патронами и по тридцать рублей.

С приходом казаков в городе началось веселье. Обыватели достали из нафталиновых сундуков с обложками журнала «Нива» лучшие парадные одежды. На Пехотке говорливое столпотворение, идёт раздача воинских вещевых и продовольственных складов Южного фронта. В одни руки – пара блестящих галош, красноармейская фуражка и портянки. На Набережной гуляния. Всюду четверти с самогоном и свежий румяный хлеб. Махорочный туман. На здании электротeatра «Колизей» плакат «Бей чекистов и жидов». Все три дня окрестным крестьянам выдавали винтовки и патроны. С занятием Тамбова закончился первый этап рейда. Скорость движения полков была разной. Конница была связана пехотой. Средняя скорость движения корпуса достигала 50 вёрст в день. Разъезды делали до 80 вёрст. Неожиданное и внезапное появление Донского корпуса вызвало среди красного командования растерянность. Возникла паника, о чём свидетельствуют воззвания Троцкого от 5 августа: «На облаву» и «Храбрость от отчаяния».

Подали обед. За столом сидели четверо. Во щах щурились золотые глаза жира. Плакал слезой тамбовский окорок. Огненными брызгами порскал хрусталь. Исторгал родной запах донской каравай. Приветливо звенели вилки и ножи. Мамонтов совместил службу с трапезой.

– Николай Петрович, доложите обстановку.

Командир 11-й Донской конной дивизии Калинин вытер усы крахмальной салфеткой. Происходил из дворян области Войска Донского, казак станицы Каменской Донецкого округа. Сын коллежского советника Петра Ивановича Калинина. Окончил Донской кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, выпущен корнетом в 51-й драгунский Черниговский полк. В Русско-японскую войну за боевые отличия награждён несколькими орденами. В 1912 году окончил два класса Николаевской военной академии по 1-му разряду. С началом Первой мировой войны, 5 августа 1914 года, в 17-м гусарском Черниговском полку штабс-ротмистр. Удостоен

ордена Св. Георгия 4-й степени за то, что 6 ноября 1914 года, при взятии конным корпусом гор. Нового-Сандеца во главе своего взвода, совместно со взводом корнета Корнилова, в конном строю бросился в атаку на окопы, занятые пехотой противника, обратил последнего в бегство и захватил в плен офицера и 30 нижних чинов, благодаря чему облегчил занятие этого важного пункта конным корпусом. Пожалован Георгиевским оружием за то, что в бою 2-го июня 1915 года у м. Олешнице, командуя эскадронам под сильным ружейным огнём, атаковал части германской пехоты, изрубил её цепи у высоты 220, ворвался в м. Олешнице, чем была остановлена атака германцев на этом участке. Произведен в ротмистры и 17 августа 1916 года переведён в Генеральный штаб с назначением обер-офицером при штабе 24-го армейского корпуса и переименованием в капитаны. 10 января 1917 года назначен старшим адъютантом штаба 40-го армейского корпуса. Произведён в подполковники 22 июля 1917 года.

В марте 1918 года участвовал в Общедонском восстании. Был командиром полка, а затем бригады в составе 1-го Донского корпуса на участке Поворино-Балашов. В ноябре 1918 года был произведён в полковники. 11 марта 1919 года назначен командиром 11-й Донской конной дивизией, а 5 апреля произведён в генерал-майоры с утверждением в должности... В сентябре 1919 года был назначен командиром 9-й Донской конной бригады. В марте 1920 года был назначен начальником штаба 4-го отдельного Донского корпуса. После эвакуации в Крым 1 мая 1920 года назначен начальником 2-й Донской казачьей дивизии, а 20 июня того же года произведён в генерал-лейтенанты за боевые отличия. В июле 1920 года временно командовал сводным корпусом в составе 1-й и 2-й Донских казачьих дивизий и Кубанской казачьей дивизии, разгромившим 40-ю стрелковую дивизию РККА. Был отрешён от должности 18 августа 1920 года за неудачные действия во время погони за красной конницей в районе Белозёрки. 10 октября 1920 года назначен командиром Донского корпуса, с которым эвакуировался в Константинополь, а в 1921 году – на остров Лемнос. С января 1921 года состоял в распоряжении войскового атамана Войска Донского. После Второй мировой войны стал одним из основателей и вице-председателем Казачьего союза. Умер в 1949 году в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Награды: орден Святого Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1905), орден Святой Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1906), орден Святого Станислава 2-й ст. с мечами (1906), орден Святого Георгия 4-й ст. (1915), орден Святой Анны 2-й ст. с мечами (1915), Георгиевское оружие (1917).

– Ваше превосходительство, на сейчас в строю 117 офицеров. Один убит под Жердевкой. Трое в лазарете. Нижних чинов – 1401. Убитых – девятнадцать. Больных – двадцать пять. Пулемётов «Максим» – 65. Все исправны. Казаки и конский состав довольствие получают по норме. Боеприпасами обеспечены в среднем по 150–200 патронов. 11 орудий. На складах обнаружено десять тысяч снарядов. Я дал команду с собой тысячу взять.

– Мне докладывали, найдено большое количество винтовок и патронов к ним. Как распорядимся?

– Учитывая настроения здешнего крестьянства... Советская власть сделала всё, чтобы они начали восстание против неё. Предлагаю раздать его тем, кто

собирается воевать за свою свободу. Это около пяти тысяч стволов и миллиона три патронов.

– Согласен. Наш рейд в Тамбовской губернии советской власти ещё аукнется. Борис Дмитриевич, доложите.

– Константин Константинович, в строю 131 офицер. 6 больных. Нижних чинов 4502. 21 орудие. 64 пулемёта. Три бронеавтомобиля. Люди и оружие в исправности. Убитых девять. Все в разъездах...

Толкушкин Борис Дмитриевич (17.01.1875–10.02.1920). Образование получил в Каменец-Подольской классической гимназии. Окончил военно-училищный курс при Киевском пехотном юнкерском училище (1897). Выпущен подпоручиком в 12-ю артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального Штаба в 1903 году по 1-му разряду. Участник Русско-японской войны. Адъютант штаба 52-й пехотной дивизии (09.1904–09.1905). Обер-офицер для поручений при штабе 8-го армейского корпуса (09.1905–10.1906). Помощник старшего адъютанта штаба сводного корпуса, оставленного для оккупации Маньчжурии (04.10.1906–19.05.1907). Старший адъютант штаба Одесского военного округа. Полковник (25.03.1912).

Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер при Управлении отдельной сводной бригады пограничной стражи в крепости Новогеоргиевск до ноября 1914 года. Командир 66-го пехотного Бутырского полка. Отчислен за болезнью в резерв чинов при штабе Петроградского ВО. Командир 185-го пехотного Башкадыкларского полка с июня 1916 года. Начальник штаба 4-й Донской казачьей дивизии (с 20.04.1917). Генерал-майор (апрель 1917).

В Белом движении: сформировал отряд из состава войск Чирского района, командовал группой отрядов в Центральной группе Восточного фронта Донской армии (09.1918–02.1919), генерал-лейтенант. С января 1919 года – командир 7-го Донского армейского корпуса, разгромлен в боях у города Калача. Командир 10-й Донской казачьей дивизии. С ноября 1919 года командир 1-го Донского корпуса. Умер генерал-лейтенант Толкушкин Борис Дмитриевич от тифа в феврале 1920 года. Награды: Св. Анны 4-й ст. (1906), Св. Владимира 4-й ст. (1907), Св. Станислава 2-й ст. (1911), мечи и бант к ордену Св. Владимира 4-й ст. (1915), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1916).

Командир 10-й дивизии, неуклюжий во всём, кроме военного дела, Толкушкин докладывал, а Мамонтов опять пожалел, что не настоял перед командующим Сидориным об увеличении корпуса хотя бы до 10 тысяч шашек. Тылы красных оказались голыми. Корпус почти не встречал сопротивления, но штатная численность утверждена в 6 тысяч шашек при 250 офицерах, 27 орудиях и 130 пулемётах. Если бы корпус был удвоен, то легко можно было бы взять Москву. Разведка и агентура докладывает, что вплоть до Тулы и Каширы сплошь мелкие местные гарнизоны. Каждый до батальона, не более. В Козлове штаб Южного фронта и до тысячи штыков. Все дивизии на фронте. Отказал Сидорин в присовокуплении 3-го Донского корпуса, а зря. Не рейд получился бы, а наступление противника, невиданное в военной истории.

– Как с довольствием? Вещевым и продовольственным? Фуражом?

– В соответствии с Уставом. Склады Южного фронта Красной армии обнаружены в подвалах Пехотных курсов. Казаки все в новеньких гимнастёрках и блестящих галошах светят. Особо им по нраву красная подкладка под цвет лампасов.

– Излишки раздайте населению. Обмундирование, амуниция, запасы хлеба и фуража – всё должно быть в достатке и исправности. Как с мясом дела?

– Ледники забиты доверху. Порции увеличены в два раза.

– Теперь по лошадям. Помню по училищу, из 20 миллионов поголовья в России 300 тысяч тут обретаются. Одних конезаводов по губернии сотня. Продумайте, господа, каждому казаку сменную лошадь. У крестьян не брать под страхом смерти. Только в конезаводах реквизировать по твёрдой цене. Создайте для оценки три комиссии из финансиста и ветеринара. Всех хромых, загнанных, больных сменить на орловских скакунов. Эта порода тут выведена не хуже ахалтекинской.

Назавтра Мамонтов приказал собрать горожан на Успенской площади. Прощающееся с летом солнце слепило глаза, но не жалило жаром. В предзакатной дымке слабел зной, от земли шла прохлада. В толпе белели платочки, чернели шапки, блестели лысины. Большинство лузгало семечки.

– Граждане Тамбова! Благодарю за добросердечный приём. – Генерал прикрыл глаза от солнца, сощурился, раздражаясь. – Русские люди! Довожу до вас мою программу восстановления и возрождения России. Она сегодня опубликована в «Губернских ведомостях», и вы можете её прочесть. Она проста, как яйцо, и доступна, как глоток воды. Главное – борьба с большевизмом до полного его уничтожения. Созыв Народного собрания, действительно народного со всеми сословиями. Полная и справедливая раздача земли крестьянам. Защита рабочих от эксплуатации капиталистов и государства. Широкая народная и земская власть на основе самоуправления. Строгий общественный порядок и уважение к закону. Свободная торговля, освобождённая ото всех препонов. А сейчас прошу отведать солдатской каши и чарку вина.

На опустевшей площади ветер гонял по кругу шелуху, окурки и листовки с программой Мамонтова. Среди белого генералитета Мамонтов фигурой был своеобразной. Деникин выговаривал:

– Константин Константинович, вы не есаул, не сотник и не командир полка. Вы стратег. Ваше место и ценность не с шашкой наголо скакать, а думать. Мозг – наше обоюдоострое оружие. Оно сильнее пушек и дивизий. Вот мне докладывают, что во время рейда у какой-то реки то ли Бирюч, то ли Битюг, не суть важно, полки залегли, мост под пулемётами. Вы выскакиваете на берег и ищите брод. Унтер, а не генерал! Ходить в атаку командиру корпуса – величайшая глупость анахроническая и анархическая. А если бы вас убили, кто повёл бы дивизии?

– Но не убили, Антон Иванович, брод нашли. Красным зашли во фланг, они бежали.

– Должен вам сказать, что победителей тоже судят, только попозже.

– То-то у вас три георгиевских креста. Не в штабах ведь получили.

– Объявляю вам выговор за несоблюдение устава и... подхалимаж.

Генерал Постовский, прозванный «постным», каковым и являлся, удивлялся способности Мамонтова вызывать у казаков боеспособность.

– Господа, у Константина Константиновича явно гипнотические таланты. Казалось бы, полки после ночного перехода не войско, а сонная лапша. И вдруг, о чудо! «Дед», свежий, бодрый, гарцует на своём кауром. К бою, станичники! Куда что делось? Полки из дерьма в мощный кулак обратились. Глаза и шашки сверкают.

Мамонтов по-своему рассуждал о казачестве:

– Казак, как солдат на коне, явление весьма своеобразное, исторически ни на что не похожее. Он свято хранит традиции, и в этом его сила боевая и моральная. Сильны устои и фундаменты жизни. В основе многовековая вольница. На Дону никогда не было крепостного права. Помните? С Дону выдачи нет. Стекались сюда только вольные люди с гордой думой о свободе. Всё бросали – дома, землю, иногда и семьи, а главное – рабство. Вспомните Булавина, Некрасова, Разина, Пугачёва. Вот и нынче казаки в едином порыве уничтожили советскую власть. Чуждую и насильственную. Казак – воин, но дисциплина его зиждется не на Уставах и инструкциях, а на вере и доверии к командиру. Личной храбростью и умелостью владения воинским делом её заслужившем.

На третий день начались грабежи и разбои. Конный корпус превратился в банду в лампасах. Ограбив всё советское, начали врывать в дома и квартиры по-советски настроенных семей, указанных доброхотами, забирали у них имущество. К вечеру пошли сплошным чередом во все дома. Обирали на улицах прохожих, кто не понравился казаку или офицеру. Снимали сапоги, командовали «ваши кошельки», «снимай пальто». Никто не мог протестовать, чаще всего безуспешно молили и соглашались отдать «победителю». Награбленное спускали за бесценок на открытом ими же огромном базаре на Успенской площади. Получив деньги, забирали обратно товар, перепродавали несколько раз. На дешёвую распродажу захваченного нахлынули крестьяне из окрестных сёл Татаново, Бокино, Куксово, Донское, Кузьмино-Гать. Бесплатно раздавали только винтовки и патроны. Самое ценное – мануфактура, сахар, мебель – зашивалось в мешки, заколачивалось в ящики, на них писали адреса станиц и хуторов, фамилии и отправляли на Дон. После такого грабительства не только все рабочие возненавидели белых, но и обыватель и мещанин разуверился в белых «избавителях» и загрустил по советской власти.

Вечером Мамонтов с командирами дивизий и полковником Дьяконовым, комендантом города, ужинал в единственном сохранившемся в Тамбове ресторане «Берлин», упоминавшемся Лермонтовым в «Казначейше». Существовал он под приглядом ГубЧК. Надо же где-то вкусить телесную пищу, устав от духовной.

– Меня, полковник, интересует вопрос, какого мнения командование Красной армии о том, как воюют казаки, и какие наши недостатки они используют?

– Спешенные казаки намного слабее конных. Они всегда опознаются в цепях и разнятся от настоящей пехоты. Без коня казак беспокоен и неровен, как Ахиллес, оторванный от Земли. Пеший по-конному – ахиллесова пята казачьего войска.

Полковник был прав. Казаки отвагу и смелость прятали в ближайшем овраге, где их кони прядали ушами, тоскуя по хозяевам. Но всё менялось, когда слышалась команда «По коням, рысью марш, марш! Шашки наголо!» Они уже летят, а не скачут, слившись с конём неразрывно, и с бешеным «Ура» обрушиваются неотразимой лавой. Мамонтов всегда с лихвой использовал подвижность казаков. Особенно в преследовании противника. Казаки дивились, мол, дед опять красных на хвосте держит, не упустит, как пить дать всех порубаем! Каким-то непостижимым и необъяснимым образом Мамонтову удавалось поселяться в души людей. Корпус жил по его правилам. Он родился полководцем. Где и когда пускать пулемёты, артиллерию,

заткнуть прорыв красных, сколько оставлять резервов, решал всегда безошибочно. Мамонтов обладал чудо-силой. Его присутствие на белом с яблоками жеребце снимало усталость с казаков, а казакам казалось – и с коней. Поглаживая огромные усы, говорил тихо, а казался громовержцем. Он стал в глазах войска вездесущим. Многие были в уверенности, что он появлялся одновременно в нескольких местах фронта. Секрет был прост. В ординарцы подбирались казаки с самыми быстроходными и выносливыми лошадьми. Они постоянно посылались для доклада во все участки боя. Мамонтов появлялся там, где опасно. Два-три приказа, и красные цепи бегут от казацких сабель. После боя ординарцы и кони падали от усталости.

– Ты в атаке версты три от силы, а я на посылках никак не меньше двадцати вёрст, да всё в мыле. В строю тише, чем при Деде, того и глядай, коня запалю.

– Терпи, Дед заздры ничё не делает.

Мамонтов кивнул, соглашаясь с только что переметнувшимся от красных полковником Дьяконовым, начальником гарнизона Тамбова, ощущая к нему некое подобие брезгливости, как к таракану, которому всё равно, кто в доме хозяин. Недаром сказано «Единожды предав...». Хотя вся Россия предательству предалась, как бульварная шлюха.

Чичканов

Чичканов считал Гудкова Ивана Петровича, бывшего слесаря вагоноремонтных мастерских, толковым помощником. Сметливый и скорый на мысли и дела, он, перестав быть пролетарием, ещё не стал чиновником, о чём свидетельствовала его одежда: хромовые сапоги, жилет с сюртуком и белый галстук. Чиновник-пролетарий начал издавека:

– Знаю, товарищ Чичканов, ты ярый враг всякой бюрократии и расширения аппарата власти, но послушай мои резоны. За пределами нашей борьбы и влияния остался целый пласт национальных кадров. Работаем в основном с коренным населением – русскими и мордвой. В губернии проживают 35 тысяч татар, 8 тысяч евреев, 3 с половиной тысячи латышей, 13 тысяч украинцев. Они за бортом нашей агитации и пропаганды. Чем они дышат, кого слушают? Назрел вопрос об открытии национального отдела. Кандидатура уже есть: Апштейн Марк Моисеевич.

– Еврей?

– Там и нужен обязательно нерусский.

– Ты как к ним относишься?

– Считаю евреев самым умным народом. Карл Маркс, Троцкий, Иисус Христос, Спиноза... да мало ли. Все банкиры евреи – Дюпон, Ротшильд, Рокфеллер.

– Ты всех в одну кучу свалил.

– Их всех объединяет ум.

– Ум объединять не может, только мировоззрение. А кто более великий – Христос или Маркс?

– Маркс, конечно, ты что, сомневаешься?

Мозг Чичканова мог одновременно думать о нескольких вещах. Сейчас, к примеру, он гадал, почему казаки не едят конины, телятины и зайчатины. Ну, зайчатины

понятно, какие в степи зайцы? Телят тоже никто не забивает и в России. А конина? Казалось бы, столько коней, больше, чем коров и баранов, вместе взятых... Верно, потому, что лошади для них святое. Конь – друг боевой и спаситель. Другая половина головы его озаботилась тем, что крестьяне в губернии совершенно прекратили сдавать излишки хлеба. Реквизиционные агенты бессильны. Надо милицию привлечь. Волостной милиционер знает всё и вся. Губпродкому срочно подготовить постановление. Сокрытели излишков и самогонщики – враги советской власти. Предавать суду ревтрибунала. Нет, главное и опаснее другое укрывательство, ради родства, кумовства, дружбы и знакомства. Их следует рассматривать как тягчайшее должностное преступление. Безжалостно освобождать от должности – и в ревтрибунал. Деятельная натура Чичканова мысли и задумки незамедлительно начинала претворять в жизнь. Вызвал Гудкова:

– Готовьте циркулярное письмо в милицию об оказании содействия в реквизиции хлеба.

Чичканов понимал, что поджигает пороховую бочку. Изюм всех мест шли известия о готовности крестьянства к вооружённому сопротивлению изъятию хлеба. Но назад пути не было. Позади была голодающая, умирающая, воюющая Россия, истекающая кровью тех же крестьян и рабочих. Ленин слал указания с требованием ужесточить, увеличить темпы продразвёрстки, грозить и умоляя. Он не мог не выполнить указания Совнаркома и ЦК, но понимал, что миллионное крестьянство созрело и готово не выдавать хлеб, а взять в руки оружие. Его в их мозолистых руках оказалось после войны достаточно. Почти сто тысяч дезертиров вернулись домой не с пустыми руками. Генерал Мамонтов раздал с оружейных складов тысячи винтовок и миллионы патронов. В тысяче сёл оказались не просто крестьяне, а обученные и воевавшие солдаты, вдосталь понюхавшие пороха и крови. Самокрутка из газеты «Губернские ведомости» никак не кончалась, и он закашлялся.

– Наша губерния недавно табаку и махорки производила больше, чем вся остальная Россия? На полтора миллиона рублей. Десять фабрик круглый год работали. А нынче что? Дедов самосад, и тот дороже чугуна моста. Но силён, зараза, куришь, как в небесах витаешь. Вот когда мы будем производить столько же, а то и больше, тогда пролетарская революция победит!

Председатель губисполкома Чичканов Михаил Дмитриевич имел двадцать девять лет от роду, три года тюрем и арестов, пять в эмиграции и десять лет в РСДРП. Профессией своей считал революцию и о другой жизни не мечтал, не знал и не хотел. Светила ему одна путеводная звезда – мировая революция и диктатура пролетариата. А раз диктатура, то во всём был максималистом. Не признавал половинчатых кисельных, кисейных решений. Он давно, ещё в Америке, очертил для себя четкие свойства политика-деятели и свято им следовал. Они просты и циничны. Полное равнодушие к людям. Они лишь средство, а не цель. Политик вне плоскости этики и морали. Ложь, клевета, предательство и всё такое прочее не имеют никакого значения. Все идеи вместе взятые ничтожны. Политик должен легко, в зависимости от обстановки, переходить из одного лагеря, из одной религии в другую. Человек имеет полное право на изменение убеждений, когда это необходимо и выгодно.

Родился он в 1889 году в селе Бондари Сампурской волости. Отец – мелкий земский финансист. С 1898 по 1907 годы обучался в тамбовском реальном училище. Вырос смышлёным, ловким, речистым и бессовестным. Всё в нём было гармоничным. Рост, телосложение, быстрые точные движения, лицо, руки, взгляд. Окончил Петербургский политехнический институт. Вступил в РСДРП. Спасаясь от арестов, эмигрировал в США. Возвратился перед революцией. Читая каждый день «Правду», постоянно врал, но на мелкие подлости способен не был. Нежно любил и часто навещался в родные сампурские места. Агитировал крестьян за советскую власть. На рубеже 17-го и 18-го годов по заданию ЦК становится лидером тамбовских большевиков. Избирается сначала председателем горсовета, а потом губисполкома. Совместно с Васильевым борется с кадетами и эсерами. В сентябре 1919 года освобожден от должности за плохую организацию обороны губернии от нападения Мамонтова. Во время охоты в Кирсановском уезде возле озера Ильмень захвачен повстанцами Антонова и убит.

Дворец городской Думы вызывал у Чичканова восхищение. Он считал его самым красивым и таинственным зданием в Тамбове. Мечтал когда-нибудь служить в этом доме. Проходя мимо него в реальное училище, он представлял это серое сумрачное громадище неким подобием тевтонского замка. Волновало притяжение ярко освещённых огромных полуциркульных венецианских окон с зеркальными стёклами и массивными пилястрами. Всю свою почти тридцатилетнюю жизнь первый глава советской власти в Тамбовской губернии был уверен, что все его мечты сбываются. Сбудется и это. И случилось. Почти год сидит он в самой большой служебной зале на самом главном кресле и занимает самую значимую должность в трехмиллионной губернии. До него тут вершили дела городские головы, комиссары Временного правительства. Так, видно, устроена жизнь и он сам.

Сегодня к нему пришёл старый учитель словесности Ферапонтов.

- Рад вас видеть, Фёдор Кузьмич, что привело ко мне?
- Душа изболелась за народец тамбовский. Вы теперь вроде по-прежнему как губернатор, вот и хотелось высказаться, так сказать, о наболевшем.
- Слушаю вас с благодарностью за те знания, что вы передали нам в ювенальном возрасте.
- Согласен, распустился народец, разбаловался. С нашим тратом иначе нельзя. Мужики дай волю, друг друга передушат. Только зачем вы убиваете так много людей? Что все они совершают преступления, несовместимые с жизнью?
- Вам этого не понять. Вы находитесь в плену лже... и, я бы сказал, псевдогуманитарной науки и представлений под названием христианство и богословие. Это не убийства, не казни. Это необходимая революционная работа. Нейтрализуем врагов пролетариата и трудового крестьянства. Класс эксплуататоров должен быть или уничтожен, или стать рабочим классом. Третьего не дано. Советская власть людей, не занимающихся общественно полезным трудом, содержать и кормить не будет.
- Вы верите, что у человека есть душа?
- Душа коммуниста должна быть оборудована крепко и прочно. Духовно, но не душевно, потому что Бога, а значит, и души нет. Вот скажите, сколько революций совершил ваш Бог, дабы освободить рабов, всех угнетённых, рабочий класс от ка-

питалистов-эксплуататоров? То-то и оно. Какой от Него толк человечеству? Попы тыщу раз твердят: любая власть от Бога. Терпите, рабы.

Бандиты в лампасах

В Тамбов вошли донские казаки, самые многочисленные в России. Царская грамота Ивана Грозного в 1570 году сделала их старшими среди всех казачьих войск. Участвовали во всех крупных сражениях. До Булавинского восстания в 1708 году, когда Дон вошёл в состав Российской империи, жил здесь вольный народ. С их приходом город замер. Улицы пусты. Ни смеха, ни песен. Во время всех войн, погромов и беспорядков ветер гоняет повсюду множество бумаг и всякого мусора. Откуда они берутся? И куда потом исчезают?

Именно в Тамбове корпус обрухател, отяжелел обозами с беженцами и добычей. Донцы тащили всё, может, чуяли близкий конец Дона? Реквизировали лошадей, телеги, повозки, загружали их трофеями. Всё конфискованное скапливалось на Успенской площади. В первый день мародёрства и грабежей не было. Начались с утра третьего дня. Потом сам Мамонтов в течение сорока вёрст не мог обогнать обозы. Казаки распустились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее довести до станиц свою добычу. Не лезли на красные штывы. Жадность рождает трусость. Трусость убивает армию. Добыча была весьма богата. Калмыки мыли своих лошадей духами «Париж» и ароматной дамской водой «Гиацинт». Главную часть добычи составляли драгоценные ризы, иконы и кресты из ограбленных храмов Тамбовской губернии, содержимое сейфов банков. Газета «Приазовский край» в номере от 27 августа 1919 года писала: «Мамонтов посылает привет, казаки везут родным и близким богатые подарки, войсковой казне 60 млн рублей». Этот «подарок Дону» станет яблоком раздора между Сидориным и Богаевским. Перехватив «подарок» в Миллерово, где располагался штаб Донской армии, Сидорин беззастенчиво начал выбирать из него самое ценное. Алчный Богаевский не прочь был и сам поживиться добычей. Начавшийся раздор между атаманом и командармом продолжится за границей. Генерал Деникин ликовал: «Громадную ценную добычу привёз он. Чего в ней только не было – тысячи золотых и серебряных вещей, иконы в золотых окладах, церковные сосуды, жемчуга и бриллианты».

Откуда взялись эти церковные ценности в обозе Мамонтова? Всё просто, он подчистую ограбил около 80 церквей. Истинное православное воинство! Для учёта награбленного генералом Мамонтовым церковного имущества Деникиным была составлена специальная комиссия, которая без излишних прикрас называлась «Комиссия по реализации военной добычи».

Вот только одна из её описей:

«Акт № 142. Ст. Мариуполь, 22 октября 1919 года.

Я, доверенный агент Комиссии штабс-капитан Глебович, отправил в вагоне за № 456.790 по накладной за № 084952 на имя протопресвитера военного и морского духовенства Шавельского следующее:

Икон – 250 штук

Ящиков с церковным имуществом – 6 штук

Колоколов разной величины – 4

Некоторые части подсвечников».

Белая армия Деникина, «освобождая» свою страну от большевиков, занимается грабежом собственного же «освобожденного» народа, открыто называя награбленное «военной добычей»!!! Нескончаемые обозы с награбленной в этом рейде добычей нуждались в круглосуточной сильной охране и внимании. Как только бойцы начинают «беречь себя», войско стремительно разваливается.

Врангель сожалел в своих воспоминаниях: «Донские части генерала Мамонтова окончательно потеряли всякую боеспособность, «совершенно разложились», как доносил сам генерал Мамонтов. Перед наступающей конницей красных казаки, бросая артиллерию и оружие, бежали за Дон. На следующий день по прибытии моём в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Мамонтовым. Последний, высокий, статный, бравого вида генерал, в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, казаки совсем «вышли из рук» и у него не оставалось даже нескольких человек для посылки в разъезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов. К счастью, противник преследовал весьма вяло и, видимо, не отдавал себе отчёта в нашей беспомощности.

В Ростов явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамонтова, приказав, не стесняясь мерами, привести их в порядок... От проезжавших через Рубежную отдельных офицеров и солдат генерала Мамонтова он имел самые неутешительные сведения о состоянии нашей конницы. Кубанские и терские части окончательно вымотались, было много безлошадных казаков. Донские части, вконец развращённые ещё во время рейда генерала Мамонтова в тыл красных, совсем не желали сражаться...

8-го числа я получил телеграмму от генерала Улагая: «Конница конной группы становится совершенно небоеспособной. Малочисленная по сравнению с кавалерийской армией противника, она совершенно потеряла сердце, разлагается с каждым днём всё больше и больше... Разбогатевшая награбленным имуществом, особенно богатая добычей после кавалерийского рейда, потрясённая непрерывными неудачами, конница совершенно не желает сражаться, и часто несколько эскадронов гонят целую дивизию... При создавшемся положении вещей вообще рассчитывать на эту конницу невозможно, её надо лечить другими мерами, может быть, даже с тяжёлыми жертвами... Донская дивизия около 13 часов ушла под впечатлением большой колонны конницы, двигавшейся по большой дороге из Сватова на Кременную. Бегство не поддаётся описанию: колонна донцов бежала, преследуемая одним полком, шедшим в лаве впереди конной колонны. Все попытки мои и чинов штаба остановить бегущих не дали положительных результатов, лишь небольшая кучка донцов и мой конвой задерживались на попутных оборонительных рубежах, всё остальное неудержимо стремилось на юг, бросая обозы, пулемёты и артиллерию. Пока выяснилось, что брошены орудия: двенадцатой, восьмой и двадцатой донских батарей. Начальников частей и офицеров почти не видел, раздавались возгласы казаков, что начальников не видно и что они усаkali вперёд. Лисичанск. 8/12. Нр 0530. Улагай».

Вечером генерал Улагай вновь телеграфировал: «Я уже докладывал неоднократно, что конная группа небоеспособна. Донские части, хотя и большого состава, но совсем не могут и не желают выдержать даже лёгкого нажима противника, меньшего числом вчетверо, не говоря уже о массовом наступлении противника. Кубанских и терских частей совершенно нет. Жалкие обрывки, сведённые в один полк, совершенно никуда не годны. Артиллерии почти нет, пулемётов тоже. Вчера донские дивизии бежали, гонимые несколькими эскадронами, за которыми в колоннах двигалась конница противника. Под натиском противника и обходимые со стороны Ново-Астрахани части группы с большим трудом и потерями перешли р. Донец...

Вся группа, переправившаяся через Донец, совершенно не способна ни к каким активным действиям и, кроме того, принуждена была уничтожить переправы... Разложение частей настолько сильно, что даже лечить их путём присылки пополнений и вливания в остатки едва ли возможно. Все мои сообщения относительно состояния конницы есть горькая правда, которой не имею нравственного права скрывать от Вас. 8–12–19. Генерал Улагай».

О потере боеспособности донской казачьей кавалерии, «разбогатевшей на грабленным имуществом», Врангелю докладывали боевые генералы: сам Мамонтов (впоследствии отстраненный Врангелем от должности), Улагай и Науменко. Они употребляли слова «награбленное имущество» по отношению к собственным войскам даже в своих официальных донесениях!

Страшной бедой отозвались донцам сплошное участие в грабежах и сохранение добычи... Награбленное стали грабить. Налёт на вывезенные ценности был произведён в пути под Екатеринодаром. Через взломанную крышу вагона взято золото, в большом количестве. Управляющим Новочеркасским Отделением Государственного Банка А. А. Скворцовым об этом был составлен акт, «перечень украденного определить невозможно по причине отсутствия описей». В Новочеркасске встречали корпус Мамонтова колоколами. В городе появилось две тысячи казаков. Остальные разошлись по родным станицам с награбленным добром. Генерал Мамонтов из личной доли отдал на купола и кресты новочеркасских соборов и церквей 90 пудов золота! Дорого оно обойдётся казакам. Чрезвычайная следственная комиссия ГПУ, а потом НКВД будут разыскивать и изымать у бывших мамонтовцев это золото. Аресты, пытки, расстрелы.

Чичканов

Голодная Россия припала слабеющим ртом к хлебной груди кормилицы Тамбовщины. Большевики выдирали хлеб любой ценой. Жизнь голодающих рабочих менялась на смерть тамбовских крестьян. В 1919 году по губернии металась полсотни продотрядов числом до 4 тысяч человек, выискивая хлеб. Без малого дивизия! Аргументов и оснований было всего два. Револьвер Нагана и винтовка Мосина. Чичканов, не спавший третью ночь, дремал на Второй губернской конференции районных и уездных чрезвычайных комиссий. Собравшиеся бойко отчитывались о работе. Моршанский чекист прокурренным или простуженным голосом, подкашливая, шмыгая носом, жаловался:

– У нас, как и всюду, главная опасность – это крестьянские бунты. В одном месте затухим, в другом вспыхивает...

Кто-то из зала крикнул:

– Не тушить, а душить надобно!

Председатель ГубЧК тихо и устало подытожил:

– Всего произошло шесть аграрных мятежей. В них убито 20 человек. За активное участие расстреляно 112. Я думаю, крайне мало. Кулаки никуда не делись. Затаились, ждут своего часа. Хлеб гниёт по оврагам, кадырям и яругам.

В головах у всех билась одна мысль: «Пока продразвёрстка, бунты не прекратятся». Крестьянину всё одно, от чего помирать – от пули или от голода. Губисполком заседал ежедневно. Время требовало скорых решений и ещё более быстрых действий. Советская власть слаба и неповсеместна. Чичканов дивился, как она и на чём ещё держится. Чувствовал, как уходит власть из-под ног, а уверенность из головы. Сегодня слушался самый большой хлебный вопрос.

– Товарищ Ленин поблагодарил нас за успехи. Из 100 миллионов пудов хлеба, собранных по России, каждый седьмой наш, тамбовский. Но прошлыми отчётами Москву, Питер и Красную армию не накормишь. Глухое недовольство всё чаще перерастает в открытое вооружённое сопротивление. Убивают бойцов продотрядов, коммунистов, комбедовцев, чекистов. Хлеба жгут. Требуют за хлеб расплачиваться предметами первой необходимости по твёрдым ценам. Товарищ Гудков, что по губернии на сегодня?

– Скажу прямо, хреновая обстановка. Вспыхивает то там, то тут. Не успеваем отряды направлять. Только в Михайловке пригасили, в Рудовской волости полыхнуло. Хлеб добровольно никто не сдаёт. Уклоняются, кто как может. Засевают по десятине, не больше, оставляют хлеб в полях на зиму. Особая статья – самогонварение. Пьют все – и коммунисты, и эсеры, кадеты и буржуи. Кулаки, середняки и бедняки. Закон нужен – кто из совработников продался за самогонку – расстрел. Как злостного саботажника. Думаю, на винокурение больше хлеба уходит, чем на всю продразвёрстку.

– А как дела с мясом? Пусть козловский продкомиссар товарищ Цильдерман отчитается.

– Средняки все сплошь справки накупили у агрономов, мол, скот племенной. Беднота выручает. У неё денег на агронома нету.

– У вас же свои агрономы в уезде. Пусть проверят.

– Двое на сто двадцать сёл и деревень. У них своей работы невпроворот.

– И что же вы предлагаете?

– Племенной под нож. Иначе план не выполним и наполовину.

– Выделяем вам триста пудов соли, цистерну керосина и две тысячи кусков мыла.

– Это дело. На обмен повезут.

– Как милиция с мешочничеством бороться думает? Или будете ждать, когда мешки кончатся? Все поезда на Москву битком спекулянтами.

– А, может, и неплохо. Москва с Питером голодают. А наши кулаки туда продукты везут.

– Это злостная спекуляция, а не помощь голодающим. Саботаж. Они же эти продукты не сдают по твёрдым ценам и нормам, а везут неорганизованно. Мимо советской власти. Вот кончится продразвёрстка, торговлю начнём развивать, тогда и продавай, что и где захочешь. А сейчас у нас военный коммунизм? Военный! Значит, и дисциплина должна быть приравнена к военной. Немедленно надо переходить от беспорядочных, слепых поисков товарных излишков к обязательному насильственному изъятию согласно продразвёрстке. Нужны «ударные акции», как говорит товарищ Троцкий. В нынешних условиях анархии, нехватки кадров следует мобилизовать все силы. Если Совет отказывается собрать хлеб, арестовывать всех членов совета и кулаков, а их имущество конфисковать. Круговую поруку следует ввести повсеместно. Отвечать должны один за всех и все за одного.

Все меры утопали в саботаже селян. За 1919 год продразвёрстка выполнена чуть более одной трети. 1 августа Чичканов чихвостил председателей Козловского и Моршанского райисполкомов.

– У меня к вам один вопрос. Морша выполнила план ссыпки на 120 процентов, а Козлов на 14. Может, поделитесь опытом и тот и другой? Со мной и между собой...

Вмешался Васильев:

– Мы сами довели, добились крестьянина. Вон Гольдин не даст соврать. Девяносто из ста хозяйств вовсе безлошадные или одну имеют. А всего шесть лет назад все с лошадьми были, да не с одной.

Гольдин:

– Ты к чему клонишь? К контрреволюции?

– Не передёргивай. Ты хоть и продкомиссар, а тупой, как унтерский сапог. Пойду я от греха подальше.

Чичканов вышел на Большую. Август выдался знойнее и злее, чем июль. Вечер принёс не прохладу, а тревогу и беспокой. В воздухе плавала обречённая неуверенность. Чёртово лето. Жара, пот, пыль, вонь. Вспомнилась зима. Мороз, снежинки. Снежинки любили его, слетаясь со всех сторон холодными бабочками. Балеринки в ажурных юбочках медленно кружились в плавном танце. Они нежно укалывали лицо, руки, погибая от мгновенной любви. Как чудна зима. Подходишь к окну, а на нём волшебная страна с неведомыми узорами – листьями. Они, переливающиеся всеми цветами радуги, неправдоподобно прекрасны. Смотришь на них и понимаешь всю сверхъестественную непостижимость природы. Они неповторимы, как жизнь каждого. В них вся трагидрама жизни. Они столь прекрасны, сколь и скоротечны. Чуть потеплеет, и они умрут, пропадут без следа. Кто он, Великий и Недостижимый, создавший всё на Земле. Разум человеческий не в силах постичь и достичь. Дохнул, и сквозь круглое оконце проступили старый грязный двор и пошлая жизнь, полная холода, голода и смерти.

С приходом советской власти чиновничество, купечество, духовенство, зажиточные мещане затаились. Многие забыли, когда открывали ставни и ворота. Тщетно! От жизни и смерти не спрячешься. По доходным домам и особнякам старорежимные семьи гоняли бесконечные чаи из старых запасов, скрежеща зубами, ломали каменный голубой сахар, запивая последними новостями-пересудами.

– Слыхали? Взаправду говорят, смерть одна не приходит. Третьего дня отнесли на Воздвиженку Чолокаева Николая Николаевича. Почил в Бозе князь. Чуток до ста не дотянул. Что уж говорить, нету бессмертных...

– Да, он был последним из членов комитета по освобождению крестьян.

– Предводитель губернский уж с полвека как. Может, и пожил бы ещё, если бы Советы не согнали всю знать в дом Нарышкиных на Большой. Две фрейлины «тётя Саша» с Воронцовой, статс-дама Воейкова и гофмейстер в одну уборную ходят. Страсть, а не жизнь. Это сейчас уплотнение буржуев называется.

– А вы что, не слышали? «Тётю Сашу» Нарышкину в Чека стрельнули. Комиссары Якимчик с Калитиным.

– Не может того быть! У неё же племяш нарком Чичерин.

– Стрельнули, за милую душу стрельнули! Вызвали её для допроса в Губчеку. А она, известно, старуха взгальная. Начепила драгоценностей на сто тыщ и явилась в песцовой шубе. Она же всю жизнь на самом верху. К царю дверь пинком открывала. Ну, живодёры чекистские и не стерпели. Взяли верх в них разбойницкие желания. Ополоумели от такого богатства. Погубила фрелина сама себя. Говорят, успела всё же телеграфнуть наркому Чичерину. Ответ пришёл не трогать её. Да придержали они его, мол, поздно пришёл.

Терновский прогуливался с Софьей Константиновной по Набережной. Вечер выдался лунным, всё вокруг стало синим, а их лица – небесно-голубыми.

– Местные комиссары понятия не имеют ни об архивном деле, ни о Декрете СНК о самовольном уничтожении архивов. Я уж молчу о моём обязательном разрешении. Для них они бесполезные никчёмные бумажки. Ни губисполком, ни губком. Я уж молчу про Чеку.

– Они вас сразу приняли в штыки как обломок старого мира. Вы и внешне ближе к буржуазии, чем к пролетариату.

– А предсовнархоза Гладков, бывший банщик, хотел уничтожить все архивы подчистую. Я ему говорю: это же живая история. А он: всё, что до семнадцатого года, – мёртво и смердит. Я категорически запретил уничтожение. Тогда он пообещал меня повесить на фонаре напротив Нарышкинской читальни.

– А там же нет фонарей.

– Наверное, потому я до сих пор и не вишу... висю. Ха-ха. Сегодня курьером меня вызывал председатель Ревтрибунала. В предбаннике такая фифа, ну вылитая проститутка с Носовской. Одетая, как попугай. На красной кофте бусы из сапфиров, на руках браслеты звенят кандалами, уши тянут серьги золотые по полфунта. Я аж огляделся, где я оказался, может, среди аборигенов на острове Пасхи? Посмотрела она на меня, закинула ногу на ногу в чулках из рыбацкой сети, вынула папироску и спросила унтерским басом:

– У вас надобность, гражданин, или потребность?

– Не гражданин, а товарищ.

– Неа, товарищи по кабинетам сидят с револьверами. Все прочие – граждане свободной России. Огоньком не угостите?

Я попросил сведения из уездов об архивах судебных и дворянских. Папуаска, стуча каблуками и звеня монистами, скрылась в глубинах пролетарской скотобойни. Вернулась через минуту.

– Проходите.

Председатель – этакий лупоглазый бегемот кожаный. Сидит, а скрипит, как несмазанная телега. Заявил, что у них нет бумаги и людей «не на чем расстреливать». Ну что ещё можно ждать от этой, с позволения сказать, власти? Потребовал чистые листы из судебных дел. Я, конечно, отказал. Тогда он пообещал меня расстрелять. Да, забыл сообщить, вызывали и в Губчеку. Якимчик пьян до того, что глаза слипаются. Предложил передать ему архивы жандармского и полицейского управлений для уничтожения. Я отказал. Тогда он сказал, что меня мало удавить. Вот и живу среди трёх смертей. Но пока, как видите, уцелел. Да, когда уходил, абorigineнка спросила:

– Вы вот, как смотрите, состоите из благородных кровей, скажите, когда победит мировая революция?

Я не сдержался:

– Когда женщины лёгкого поведения станут тяжёлого.

Она поняла и осердилась.

– Да, я белобилетница с Носовской. А поведение не такое уж и лёгкое. Поди обслужи за ночь мужиков с пятки! А то, глядишь, или сифилис или триппер подхватишь. Мы бабы самого что ни на есть тяжёлого поведения. Это вы нас так прозвали. Катись-ка ты колбаской по Малой Спасской! Не доводи до греха.

– Благодарите Бога, что целы.

В эти страхолюдные органы направил копии Декрета СНК об архивах. Может, подпись Ленина на них подействует. Хватит о грустном. Полюбуйтесь лучше на Луну, это же шар из чистого серебра. Нет, скорее блюдо или щит... Ваши глаза как два больших лазурита.

Терновскому и его помощнице удалось вывезти из села Вяжли Кирсановского уезда полное собрание рукописей А. А. Дельвига, предсмертное письмо К. Ф. Рылева, письмо А. С. Пушкина, рескрипты императрицы Анны Иоанновны. Но многие архивы были утрачены.

Продкомиссар Гольдин

Яков Григорьевич Гольдин любил чужие кабинеты. Садился хозяином и распоряжался, ощущая удовольствие. Он, как и другие евреи, выбившиеся во власть, отличался самолюбием, сметливостью, мелочной подозрительностью и животной осмотрительностью. Избегал людей, в чём-то превосходивших его. Никогда не кричал, не ругался, говорил, пришепётывая шелестяще-шипящим шёпотом. Вкрадчиво, кратко и доходчиво. От его змеиного голоса становилось зябко. Он будто вкрадывался в людей. Родился Яков в 1896 году в еврейском местечке Крыловка Витебской губернии. С детства мечтал о больших огненных городах. Юрфак МГУ не окончил по причине ареста за политику. В ВКП(б) перешёл из Бунда, почуяв, что та сильнее. Вот уже полгода исполнял должность продовольственного комиссара губернии. Был он молод, красив и нагл. Щеголял во всём кожаном. От сапог до фуражки. Даже вместо перчаток носил мотоциклетные

краги с металлическими пряжками. Ими и бил людей с размаху. По левому боку шлёпал деревянный футляр маузера, напоминая о революционной бдительности. По правому – планшет с документами и неизменной обожаемой куриной ножкой. Председателя ГубЧК унижал, доставая из кожаного портсигара папироску:

– Мой пост нынче поважнее твоего. Хлеб всему голова, а значит, я и есть голова. А ты, ха-ха-ха, всё остальное. У тебя сколько штыков? Триста? А у меня более пяти тысяч. У тебя батальон. У меня дивизия.

– Каждый чекист десятка твоих продотрядовцев стоит. Они у тебя кто? Слесаря да плотники с Москвы и Питера. Из них солдаты как из моего пальца гвоздь.

– Я тут Правительство Временное по заданию Ленина. Такой же чекист, как и ты, только продовольственный.

В следующем 1920 году Гольдин покинет Тамбов. Судьба его, как и многих коммунистов того поколения, будет трагической. Убивающий да будет убит. Комиссар продовольствия Алтайского края, член РВС Киевского ВО. С 1933 года зав. Киевским губфинотделом. В 1933–1934 годы – второй секретарь Нижневолжского крайкома ВКП(б). 1934–1937 годы – второй секретарь Сталинградского обкома ВКП(б). Арестован, расстрелян, реабилитирован. А пока ему всего только 23 года. Горяч, умён, удачлив, весел. Владелец большой власти не только над поступками, но и жизнями людей. Гольдин присвоил себе право расстреливать врагов революции, сам определяя, кому жить, кому умереть. Чья-то ничтожная жизнь – песчинка в грандиозном здании мировой революции, которое он возводил и какое ещё никому не удалось построить. Имущества у него, кроме кожаных штанов и тужурки, никакого. Единственно, чем дорожил этот бессеребреник, золотым брегетом с боем, памятью об отце-сапожнике. Сейчас он был яро занят борьбой с мешочничеством.

– За мешок пшеницы можно жизни лишить, потому что в этом мешке сокрыта жизнь десяти пролетариев. Мешок – это контрреволюция. Мешочники-кулаки хлеб не в Москву везти должны втридорога, а сдавать в Заготзерно.

Чичканов зло наблюдал из окна за потоком из повозок, телег, двуколок и даже карет, беспорядочно текущем по Большой в сторону Рассказовского тракта. Почему они бегут именно в сторону Рассказово? Будто точно знают, что Мамонтов появится на Большой Астраханке. Бегут в Пригородный лес и ближайшие сёла.

От страха смерти мутнеет разум, светлеют глаза. 4 августа знойный пыльный ветер гонял по пустынным Долевой и Гимназической листовки с призывом защитить советскую власть. Желающих не нашлось. Наворочали большевики через край. На защиту себя не встала и сама власть. С донцами воевать не крестьян стрелять по подвалам. Якимчик и другие точно знали: их первыми порубят посреди Успенской площади. Простучали по мостовой две старых пушки. Их бросят без единого выстрела у Кривого моста. Телеги сцеплялись мёртвой хваткой колёсами и создавали непроезжую давку. Ездовые охаживали кнутами не лошадей, а людей.

Мамонтов

Обыватели на собственном животе постигали Гражданскую войну. Цены вспорхнули вверх куропатками. В сытной губернии России на столах остались че-

чевица, пшённая каша с деревянным маслом без соли. Хлеб с отрубями, и тот не доедаётся. Хромовые офицерские сапоги меняли на фунт соли. Город захлопнул ставни и спустил цепных псов. По улицам катился перезвон колоколов. В сильных рождалась злоба. В слабых – страх. Крестьяне, натерпевшись от красных, ждали белых. Забыли, что продразвёрстка началась ещё в 1916 году при царе-батюшке и как те же казаки разгоняли митинги, охаживая нагайками, а то и саблями по спинам. Вместо сахара появился сахарин. Несколько его крупинок заменяли три куска сахара.

– Эт до чего же нас большевики довели. Ни пожрать, ни выпить. Самогонка, и та дороже крем-брюле французского стала. Нынче на базаре и стибрить нечего.

– Большевики – это те же жида. Вправду говорят, не тот жид, кто еврей, а тот, кто грабит людей. Ты посмотри, кто во власти. В Цека и в Чека одни жида. Куда ни плюнь, в Троцкого угодишь.

– Вчера чекисты в Ахлебиновой роще за Петропавловским погостом опять людей убивали. С полчаса сподряд горохом наганы. И таскать не надо, тут и зарывай. Кладбище. Во удумали нелюди.

– Жида нороят нас против советской власти настроить. Дрова выписывать не дают, а за сучьи штрафуют. Чем топить-то? Кизяками много не натопишь.

– Деньги и ихняя власть гроша ломаного не стоят. Я вчерась три фунта мяса за зипун свой парадный выменял. С рублями тока в сортир сходить.

– Говорят, по Борисоглебской дороге соли целые горы, но часовые с оружием, стреляют. У коммунистов всё ни себе ни людям.

– Они нарочно людей холодом и голодом морят. Тута не до бунтов с революциями. Одно на уме – пожрать да согреться.

– Это всё Васильев в губисполкоме и Гудков в совнархозе творят по заданию Ленина.

– Слыхал, комиссар Чека Яшка Якимчик и начальник самого секретного отдела Калитин Петька статс-даму фрелину графиню Нарышкину стрельнули, сволочи.

– Чем им старуха-то насолила?

– Грят, явилась вся в брульянтах с алмазами, они и позавидовали. Племяш её нарком Чичерин телеграмму прислал, да они её попридержали. Сначала стрельнули.

– А я слыхал, обоих за это вызвали в Москву и расстреляли.

– Не... ворон ворону...

– Не вороны они, а стервятники. Нарышкина графиня народная была. В царские дни мене рубля никому не давала.

– Читали? «Известия» опять пишут: казаки рядом, но советская власть всех нас защитит. Свежо преданье... Кто бы её саму защитил.

– Совдепия свои газеты печатает не на бумаге, а на вранье. Вчера читаю галиматью. Из 500 пудов подсолнуха добыли 400 пудов масла и 300 пудов жмыха. Ха-ха! Вот ведь олухи царя небесного.

– Да, видать, казаки близко, ежли всех рыть окопы погнали.

– А зачем против кавалерии окопы, они их враз перепрыгнут.

– В «Ведомостях» написали, что враг превосходящими средствами ворвался в губернию.

Сотрудник особой части Отдела пропаганды есаул Андрей Петрович Падалкин внимательно слушал Мамонтова и полковника контрразведывательного отдела штаба ВСЮР Хартулари.

– Вам надлежит установить контакт с любыми повстанцами с целью их перехода в ряды Белой армии. Особо важно установить контакт с бывшим начальником милиции Кирсановского уезда Антоновым. Связавшись с ним, договориться о возможном присоединении их к корпусу.

Падалкину удалось удачно перейти линию фронта по документам сотрудника милиции. Вскоре, однако, он был арестован как «перебежчик» и отправлен в Пензенский запасной полк. Попытался бежать, был пойман, арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму в Москве, из которой, впрочем, был скоро вновь зачислен в Красную армию. Падалкин, убив политрука, вновь бежал. Проведя в советском тылу около четырёх месяцев, он глубокой осенью перешёл фронт и вернулся в Ростов. Установить связь с повстанцами так и не смог.

Убийства евреев

Латышей, китайцев, прочих иностранцев, которые за советскую власть, приканчивали на месте. Евреев-красноармейцев убивали сразу, не спасали и бумаги о принудительной мобилизации, предусмотрительно заготовленные.

– Знаем мы жидовские хитрости! Хотел бы, избёг бы призыва.

Офицеры командовали перед строем:

– Гей, жида, вперёд!

И тут же рубили выходящих. Прослышавшие об этом евреи-красноармейцы предусмотрительно надевали на себя кресты. К Мамонтову привели раввина Вайнера.

– Предлагаю вам собрать с единоплеменников миллион рублей золотом в качестве помощи Белому делу и индульгенции безопасности.

– Ваше высокопревосходительство. Помилуйте! Большинство проживающих в Тамбове евреев – беженцы из Польши, которые оставили бедные жилища, ушли в чём застала их война. Богатые евреи сгнули в застенках Губчека, а их имущество изъято. Платить некому и нечем...

– Умение слушать ценнее, чем много говорить. Идите и исполняйте.

Мамонтов нетерпеливым жестом отпустил раввина.

Казаки метались по Тамбову, совершая подворный обход в поисках «жидов». Помогали соседи, указывая их жилища. Семья Гирша Барка в ужасе бежала по Студенечкой в сторону Цны. Их сосед Дрыгин, в вечных стычках с ними из-за палисада и огорода, открыл ворота и провёл их через сад на Базарную. Казакам выставил четверть голубого самогона, коричневый хлеб, зелёный лук, огурцы и красные помидоры. Гирши до конца дней молились за его здоровье.

Семидесятилетний действительный статский советник бывший губернский полицмейстер Старынкевич Константин Юльевич возвратился после визита к генералу Мамонтову в подавленном духе, будто совершил нечто непотребное. Долго мылся в корыте, но с души мылом грязь не смоешь. Стало стыдно за русского столбового дворянина, военачальника, окончившего Академию Генерального штаба

великой империи, хоть и исчезнувшей. Обрывались последние лоскуты надежды на воссоздание Великой России. Во рту привкус позора и унижения. В висках стучали слова генерала: «Российскую империю разрушили евреи и коммунисты. Их следует уничтожить безо всякой мирихлюндии. В прошлый год комиссары-жиды расстреляли на Дону более тысячи офицеров». Достал из резного старинного буфета, пахнувшего мандариновыми корками и духами покойной жены «Эдем», фиолетовый штоф и налил серебряный лафитник.

Едва внутри разлилось блаженное тепло, как со двора раздался рвущий душу вопль. Сунул по привычке в карман револьвер и вышел на Студенецкую. Четверо казаков с красными лампасами в странной одежде поверх гимнастёрок волочили по траве раввина Моисея Вайнера, доброго старого соседа. Его жена вопила, отталкивала казаков от мужа. Один из станичников в бархатной красной жилетке и чёрной бобровой шапке ударил её прикладом в грудь. Она упала навзничь, затихла. Седые пейсы раввина смешались с грязью после недавнего дождя. Старынкевич задохнулся от несусветности и несоответствия происходящего тёплому солнечному дню. Старик в мгновение стал молодым. Не помнил, как выхватил из ножен одного бандита шашку и бросился на того, который ударил женщину. Казаки опешили и, забыв про винтовки, вытащили шашки и бросились на наглого старика. Они не знали, что перед ними лучший шпажист во всей императорской гвардии. У Старынкевича проснулись давние быстрота и вёрткость. На зелёную траву пролилась несправедливая кровь станичников, пришедших убивать. За триста лет в этих же местах лилась справедливая кровь дончаков, бившихся в дружине воеводы Боборыкина со степняками.

Старынкевич пропнул почти насквозь казака Щеглова Кондрата, георгиевского кавалера. Герой войны с германцем упал, схватившись за пронзившую его свою же шашку. Четыре года назад Кондрат, намного обогнав своих товарищей, врезался в гущу отступавших и, работая шашкой, уничтожил несколько немцев, получил в бою шестнадцать колотых ран. Израненный, он сражался до победного конца, уничтожив 11 неприятельских солдат, о нём писали все газеты. Старынкевич выстрелил во второго, но третий, Иван Солопов, успел вскинуть винтовку. Старый генерал, верой и правдой отслуживший тамбовскому народу тридцать лет, замер на секунду и повалился навзничь. Любимое тамбовское небо глянуло на него в последний раз. Умер он от пули в сердце ещё на лету. Погиб, защищая своих горожан. Раввина начали бить шашками и нагайками. Он стоял и молча стонал, зная наперёд свою участь, в надежде не на жизнь, а на смерть. Свет в глазах погас от удара по голове. Безвинные раввин Вайнер и его жена приняли мучительную смерть. Казаки берегли патроны. Словно на выучке, с плеча распластывали человека почти до пояса. Полумёртвого раввина привязали к тачанке и проволочили до села Черняного. Кровь его текла в пыль сначала тонкой струйкой, а потом закапала слезой. Следом бежала собачонка и слизывала её. Из ближней избы вышел «доброхот» и размозжил топором ему голову. Дома, выцедив со вкусом стакан денатурата, почесал брюхо и похвалился:

– Я к жидовскому попу с жалостью христианской, а то бы мучился не знамо скока. Помяни, Господи, душу его. Царствие небесное, хоть и нехристь.

Родные заложников пребывали в неведении. Ходили слухи о расправе. Вскоре нашли тела. Скупщик скота Бенцион Довгер собрал всех замученных, похоронил

их. Тамбовские евреи и поныне приходят на Петропавловское кладбище, помянуть погибших «от рук мамонтовских бандитов». Тамбов тошнило от трупного запаха Гражданской войны. Так пахнет ужас смерти. К нему не привыкнешь.

Из подвалов вытаскивали жертвы чекистских палачей. Тамбовские мертвецы почти все напоминали индийцев от одинаковых пулевых отверстий на лбу. Оознавшие своих немели от горя. Захваченная целиком местная Чрезвычайная комиссия была изрублена казаками посреди Успенской площади. Трупы никто не убирал до прихода красных...

Мы дали вам Бога, дадим и Царя. Не только простонародье, но и интеллигенция были настроены против евреев и натравливали казаков, как злых псов, против них. Постепенно у казаков выработался резко отрицательный взгляд на еврейство. Толпа в несколько тысяч человек, в числе коих было два десятка казаков, разгромила несколько еврейских домов. Женщины были изнасилованы. *Казаки забирали себе не только ценные вещи, но и вёдра, бутылки, кадки, верёвки, лопаты, а также соль, овёс, кровати, матрацы, раковины. Ночью зарево пожаров освещало небо.* Мамонтов, узнав, прискакал туда со своей личной сотней. Среди арестованных оказалось шестеро одетых в казачью форму. Пятеро были не казаками, а переодетыми в казачью форму местными. Шестеро погромщиков были повешены по приговору военсуда на Кривом мосту с надписью: «Мародёры и грабители».

23 августа Совет рабоче-крестьянской обороны РСФСР объявил о введении военного положения в Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерниях. 25 августа командование Южного фронта издало приказ: «Постановлением Реввоенсовета Республики на члена Реввоенсовета Южфронта т. Лашевича возлагается командование всеми силами, выделяемыми как Реввоенсоветом Южфронта, так и местными военными и советскими учреждениями для ликвидации кавалерийского рейда белых».

М. М. Лашевич издал приказ, разосланный городским ревкомом Козлова: «Ни в коем случае город без боя не сдавать, под угрозой расстрела шкурников, паникёров и дезертиров. Ревкомам эвакуироваться последними и только в крайнем случае». В этот же день В. И. Ленин телеграфировал М. М. Лашевичу: «Крайне обеспокоен успехами Мамонтова. Он может разрушениями дорог и складов страшно повредить нам. Все ли меры принимаются? Достаточно ли энергично и быстро? Извещайте чаще».

Но советская власть оказалась бессильна перед казачьим корпусом. Узловая станция Кочетовка взрывалась, скрежетала, горела. Взрывы продолжались до полудня. Казалось, в отдельном посёлке наступил конец света. Казаки-минёры ходили чёрные от пыли и грязи, от жирных туч горевших нефти и мазута. Искорёженный металл, извивающиеся змеи бесформенных рельсов, обгорелые скелеты вагонов-динозавров и паровозов наводили ужас на козловцев. Восстановить весь этот вселенский хаос было невозможно. Сладковатая гарь въедалась в одежду, кожу, душу и долго ещё сопровождала людей. Жильцы снаружи захлопывали ставни, а изнутри занавешивали окна одеялами, но тщетно, город будто попал в ад, и его поджаривали черти на громадной сковороде.

Якимчук уничтожение генерала Мамонтова считал главной целью текущей жизни. Убийца в лампасах должен быть убит. Чекист задрожал от радостного вос-

торга. Руки и лоб вспотели. Вытер пот большим носовым платком с вышитыми матерью словами: «Береги себя». Только что пришло сообщение о болезни Мамонтова в Екатеринодаре. Это прекрасно. Плохо, что выздоравливает. Надо спешить. Он в отдельной палате. Сиделка – супруга. Охрана – два казака. Давние его вестовые ещё со взятия Царицына. Преданные псы. Сначала созрел умысел, а потом подоспел и замысел. Никакой стрельбы. Один укол – и нет злодея. К больному кто ходит свободно? Доктора и фельдшера с сёстрами милосердия. Носят пищу, утки, лекарства, делают уколы, умывают. Да, точно, фельдшер. Каковой в наличии имеется, не только фельдшер, но и еврей. Правда, рыжий, но свой, чекист. Он и поедет в Екатеринодар. Агент в Санитарном отделе Донской армии поможет.

Скоро перед ним сидел следователь губернского ЧК Яков Семенович Файнберг. Тщедушный плюгавец в висящем на нём, как на вешалке, френче «под Троцкого», рыжих сапогах из толстой свиной кожи. Огромные его чёрные глаза увеличивали очки-велосипед в золотой оправе, постоянно падавшие, повисавшие на засаленном шнурке.

– Вы ведь военфельдшер? Где пришлось служить?

– Брусилову лично банки ставил на мягкие места генеральские. Спасал его от энфлюэнцы. За что и был произведён в унтеры. Нет, не подумайте, дважды ранен, трижды в штыковую пришлось. Так что не только спасал, но и убивал. Война!

– Уколы делать умеете?

– Тысяч десять пришлось сделать. Яков Михалыч, вы к чему всё это?

– Желаете, дабы палача и убийцу генерала Мамонтова настигло заслуженное возмездие пролетариата?

– Почту за честь войти в историю справедливым народным судьёй и праведным палачом. Рука не дрогнет разрядить весь револьвер в область пищеварения.

– Почему именно в живот?

– Дабы подольше и побольнее помучился перед смертью. Пусть вспомнит всех невинно загубленных евреев и русских. Вы, как всегда, исподволь. Через Пичаву на Жердевку. Давайте ближе к телу. Мамонтова, конечно.

– Вам надлежит незамедлительно выехать в Екатеринодар. Обратиться в Санитарный отдел Донской армии к начальнику аптечного подотдела Заславскому Семёну Михайловичу. Передадите привет от меня. Этого достаточно для доверия. От него получите дальнейшие инструкции. В госпитале с тифом лежит кровопийца Мамонтов. Всё дальнейшее просто, как яйцо. Вы под видом военфельдшера проникаете в его палату и делаете смертельный укол. Минута, и он начинает медленно умирать. Яд действует в течение трех часов. Противоядия не существует.

– Готов хоть сию минуту.

– Сегодня. Дело в том, что организацию акции взяли на себя еврейские общины Тамбова, Козлова и Ельца. Чека будет только сопровождать и поддерживать. Скорейшее ваше путешествие от Тамбова до Екатеринодара также будет через еврейские пути. Рассчитано, что в сутки вы будете преодолевать по 50–60 верст. Надо спешить. К сожалению, Мамонтов быстро идёт на поправку. До Борисоглебска доедете ночным поездом, а там на перекладных.

Чичканов

Ночью он часто вставал, пил много холодной воды, днём было мало хлеба, но много воблы. Ворочаясь на скрипучей жёсткой решётке кровати, мучился главным вопросом, правы ль большевики, производя массовые расстрелы? Эти мысли не дали ему спокойно жить, спать, есть, работать.

Размышления делились на «за» и «против». «За» – в городах пролетариат активно восстанавливает производство, плоды его труда принадлежат республике. Но для того, чтобы это делать, надо жить, что-то есть, а главное средство жизни – хлеб. Этого он не может производить на заводах и фабриках. Одни съели последние крохи и голодают. У других имеется много пудов хлеба. Тот самый рабочий класс, первым вставший за свободу трудящихся, умирает с голода. Взять хлеб у сытых и отдать голодным – разве это не по-божески, не по-большевистски? Против – насильственное лишение жизни противоречит моральному закону, заложенному в нас природой. Он на всю жизнь запомнил слова учителя Ефродитова: «Кант говорил: ничто так не изумляет меня, как звёздное небо надо мной и моральный закон внутри меня. Никому не дано отбирать Божий дар – жизнь». У нас этот дар дешевле яичницы. Самая постылая и тоскливая жизнь всё равно родная и единственная. Нельзя кому-то отдать и остаться живым. Человек и жизнь понятия неразрывные. Одно без другого, как стул без ножек, существовать не могут.

Круговерть обыденного брала своё. На Втором губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Чичканов кричал:

– Для победы революции сейчас вооружённый поход за хлебом – единственный выход. Без него Москва и Питер перемерут как мухи. Тамбовский жлоб добровольно хлеб не отдаст. Это его оружие. Он умышленно убивает голодом советскую власть. Победить диктатуру пролетариата не оружием, так голодом. Голод – это тоже способ завладения властью. Голод – это сила и оружие эсеров. Гнать их из губкома, губисполкома, ЧК и продкомиссии как врагов пролетариата.

Делегаты поверили ему. По итогам голосования избрано 18 большевиков и 7 эсеров. На ключевые посты назначены только фанатично преданные делу революции большевики. Для них материальные блага всего мира ничто по сравнению с идеей мировой революции. Всё просто и ясно. Равенство, уничтожение частной собственности, диктатура рабочих. Сейчас надо работать не покладая рук, отдыхать будем при коммунизме. Пока это недостижимый горизонт. Страна летит в пропасть. Вся экономика скорчилась, упала в два раза по сравнению с 1913 годом. Производство зерна меньше в три раза. В стране хлеба нет. В Тамбовской губернии есть. Взять его – наша задача. Тут фронт поважнее, чем на Дону.

После рейда началось ярое противостояние и противопоставление губкома, губисполкома и уездов и волостей. Жажда найти виноватых витала в воздухе. Чичканов, оправдываясь в позорной сдаче Тамбова Мамонтову, кивал на погрязшие в междоусобице органы губернской советской власти и в первую очередь ГубЧК.

– Чекисты виноваты. Грызли друг друга, как жуки в банке, проворонили Мамонтова у себя под носом. Стреляли безоружных, а против оружных сразу прыг в машину. Труса праздновали.

– У тебя под носом, – перебил его Васильев.

– Неча с больной головы на здоровую. Сколько чекистов в губернии? 143! Это что, войско? А вот почему 10 тысяч мобилизованных сдались безропотно и подались в дивизию к казакам? Предлагаю заслушать сообщение члена Еврейской общественной комиссии помощи погромленным в Козлове Исаака Рудова о погроме казачьими частями корпуса генерала К. К. Мамонтова 23–24 августа 1919 г.

Рудов, пожилой седой небритый толстяк, поправил лапсердак:

– Уважаемые гос... товарищи. После взятия Тамбова отрядом генерала Мамонтова штаб поспешно эвакуировался. Вместо штаба пришли в Козлов два симбирских полка и полк коммунаров. Троцкий был до последнего дня и обещал, что Козлов не будет отдан, но, увы... Три дня бомбардировали, Козлов пал. В 4 часа дня 23-го вошли озверелые казаки. Раздался звон колоколов и крики «ура», и под этот звон сейчас же начался погром, полный ужасов и еврейской трагедии. В то время, когда шла по улице торговля награбленного из отдела снабжения, здесь же лилась еврейская кровь, и валялись трупы. По непроверенным слухам, были специальные дома, где угощали казаков водкой. 24-го утром явились крестьяне из соседних деревень и грабили вместе с городской чернью. Участвовали также некоторые из интеллигентов, кулачества. Утром к Мамонтову пошла депутация священников с просьбой о прекращении погрома. После долгих просьб погром прекратился в понедельник утром, но ловили на улицах евреев и арестовывали. Жертвой белого террора после погрома пали: Гершунович, Мел, Рот, крещёный еврей. Из трёхсот семейств имущество только десяти уцелело, а все остальные разгромлены. Имеются также те, которые спасли часть имущества, но большей частью пострадали совсем, оставались на зиму в костюмах Адама. Я сам переживал пятый погром, но такого не видел. Убитых более ста человек. Особенно пострадали беженцы, и среди них осталось много сирот. Подробный список убитых составляется. Ввиду того, что ограблен отдел снабжения, в Козлове обуви, одежды, белья, одеял нет, а потому прошу московскую общину иметь в виду всё это. Перед нами страшная зима, холод. И у нас дороговизна ужасная. Мы все обречены на вымирание, если откажете в помощи.

После недолгой немой паузы зал взорвался. Кричали, не слушая друг друга.

– Это у тебя надо спросить, товарищ секретарь губкома, где организующая и мобилизующая роль партии. Не подскажешь, где затерялась? Предлагаю освободить товарища Васильева от занимаемой должности, как потерявшегося и заплутавшегося руководителя.

– Тут не съезд партии, а заседание губисполкома, потому прошу рассмотреть вопрос об отрешении товарища Чичканова от должности за бездействие, граничащее с саботажем при подготовке отражения набега банд Мамонтова. Прошу голосовать.

Чичканов, к своему изумлению, увидел, как забелели ладони почти всех членов исполкома. Внутри у него что-то ёкнуло, надломилось. Служил с ними и не знал, кто они... друзья, враги. Нет, это он им враг.

7 сентября прибыл поезд полномочного эмиссара ЦК Антонова-Овсенко. В пяти вагонах бывшего министра путей сообщения Российской империи Кригера-

Войновского, блестящих на солнце медными поручнями и фонарями, сидели полторы сотни чекистов и командиров Красной армии. Красивое здание тамбовского вокзала запрудили кожаные куртки и шинели. Чекистов по бокам били деревянные кобуры маузеров, а командиров – наганы и сабли. Человек с оружием, значит, при власти.

Ленин напутствовал: «Докладывайте регулярно, не реже раза в месяц. Тамбовская губерния нынче лакмусовая бумажка состояния Соввласти во всей России. Действуйте архибыстро. В тамошней деревне назревает большая война. Постарайтесь её предотвратить. Перехватить следует инициативу у эсеров. Огонь слаб, пока мал».

После скандалистого совместного заседания губисполкома и губкома, свергнувшего его с должности председателя советской власти губернии, спал Чичканов на удивление глубоко. Приснилось радужное детство и мама. Радостные сны снятся только детям или счастливым людям. Озеро Ильмень растапливало душу, расслабляло тело. Чичканов тут попадал в другой мир, пропадая из реального. Без революций и войн. Без предательств и подлости. Без арестов и расстрелов, убийц и убитых. Без тифа и вшей, голода и холода. Здесь камыши и початки в два раза рослее, чем на Цне. Лилии не белые, розовые. Сосны, обступившие берега невиданной вышины. Голову запрокинешь, вершины не видать. Шумят, хоть и ветра нет, шумят. Убаюкивают. Вода – хрусталь. Дно вроде рядом, а не достать. В жару холодная, зимой теплая, видно, родников много. Они и породили озеро. Белоснежные красноносые цапли с синими ногами крыльями хлопают, будто зрители в театре. Парят тихим хороводом. Блаженно упал в густую траву. Голова закружилась от бездонной синевы. Куда вы плывёте, облака? Безмятежной белой ватой, так нужной в госпиталях. Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. У каждого должно быть счастливое Божье место... Облака, цапель и лягушек спугнули выстрелы. Подвела высокая, почти в рост трава. Обступили с десятков мужиков с винтовочными обрезками. Стрелять поздно. Остроглазый, в чёрном офицерском френче с двумя наганами отобрал маузер, ружьё. Сверкнул озорно очками.

– Он тебе больше не потребуется. Вставай, товарищ председатель, пошли.

– Кто вы?

– Антонов Александр Степанович. А это бойцы Паревского народного гвардейского полка. Суд тебя ждёт по законам военного времени. Справедливый и скорый. Был ты судья, а теперь подсудимый. Диалектика!

Единство противоположностей. Первого советского начальника Тамбовской области хоронил весь Тамбов. Звучали панегирики у могилы на Воздвиженском кладбище. У русских принято хвалить мёртвых, ругая живых. Улица, по которой пронесли гроб, носит теперь имя Чичканова.

Мамонтов

Донцы одевались удобно, основательно. Чекмень, серо-синие шаровары с красным лампасом, сапоги или башмаки (наговицы), башлык, зимний чекмень или бекеша, фуражка или папаха. Всё крепкое, износостойкое. Казаки никогда не носили чужую одежду и уж тем более одежду убитых. Вся одежда убитого казака сжига-

лась. Чубы носили на левую сторону. Слева у человека чёрт, на худое дело толкает, а справа ангел, который на добро наставляет. Чубом и смахивали чёрта. Чуб – связь с Богом. Иван Чубатый из Нижне-Чирской похвалялся:

– Задремал я на карауле. Вдруг спину нагайка ожгла. Подхватился я, думаю: ну погоди! Глянул – Дед! Усы распушил и смотрит строго, но не зло. Усмехнулся: «Так и смерть проспишь, околотень. Кто таков?» Я, станишники, таперича крёстный генерала Мамонтова на всю жизнь, его нагайка дороже медальки.

Генерал Мамонтов полностью использовал подвижность донцов в бою. Кони в мыле, но и враг на издохе. Он всё знал, всё видел, всё предвидел. Секрет был прост: в ординарцы от полков назначались казаки на самых быстрых и выносливых конях. «Ты, брат, говоришь, что в сторожёвке смок, а я вот почитай каждый день мокну вёрст по сорок, а то и больше рысью, намётом – замучил коня совсем», – говорил своему сослуживцу казак, назначенный к Мамонтову. Тот показывался в самых опасных местах. Казаки были всегда очень довольны, если он выразит своё внимание. Мамонтов, поздоровавшись с сотней, высланной в его личное распоряжение, поздоровался с каждым офицером отдельно. Казаки, зная, что Мамонтов недалеко и что он любит песни, запевали: «За Уралом, за рекой казак гуляет...»

Зяблым октябрьским вечером, когда тело прощается с летом и встречается с насморком, в натопленной зале дома на Флотской собрались губернские начальники: секретари губкома ВКП(б) Райвид и Пинсон, зав. отделом пропаганды Эйдман, продовольственный комиссар Гольдин, председатель губисполкома Шлихтер, начальник Пехотных курсов Зенкович и председатель ГубЧК Якимчик. Вокруг холодный голод, но у них на круглом столе под сенью розового махрового абажура большой ржаной каравай, пряная астраханская селёдка, снежное сало, бутылка давно всеми забытой «Смирновской», рядом зелёные гранаты огурцов, круглые бомбы помидоров, жёлтые ядра картошки. Острые щипцы ждали голубых камешков сахара, уютно посапывал дремлющий золотой самовар. Разговор продирался сквозь слои дыма папирос «Дукат» и «Памир».

Зенкович: Бронштейн совсем от ума уехал. Мечется на бронепоезде по Руси-магушке. Празднует наступление на Южном фронте. Таскает с собой двух поэтов непросыхающих Вишневского и Бедного.

Шлихтер: Желает визитировать и в наш благословенный Тамбов. Десяток артистов, шлюх и пять памятников Иуде Искариоту. Они со Свердловым почитают его первым в истории революционером. Борцом с лжерелигией Христа.

Эйдман: Скорее не благословенный, а Богом забытый. Маркс тоже считал Иуду из Кариот истинным революционером.

Пинсон: Ну, положим, сей сомнительный тезис подлежит всестороннему доказыванию. Придётся продирается сквозь колючую тьму веков и препоны искажённой первоистины.

Гольдман: Роль Иуды без четко определённой формулы обвинения Пилатом Христа выяснить нельзя.

Якимчик: Это лишнее. Христос – порождение рабовладельцев и правителей Рима, угнетавших народы, способ удержаться во власти и держать людей в пови-

новении. Христос самое большое зло на земле во все времена и народы. Ловкое орудие успокоения и повинования плебса. Помните – всякая власть от Бога. Восставать против неё, значит, идти против Господа. Заповеди все лукавые. К примеру, «Не убий». Кого? Господина своего, то есть власть. «Не укради». Что? Имущество богатых, которое уже единожды украдено у бедных. Ложь, лицемерие и ханжество! Только нам, евреям, следует от памятника Иуды держаться подальше. Пусть будет кто-то из русских или мордвы, может, татар. Селяне жидов не любят. Для них Иуда самый плохой человек на свете. Вряд ли мы сделаем его сейчас другом народа.

Гольдин: Совершенно в точку. Предлагаю подключить к этому левых эсеров. Они сейчас рыщут-ищут, чем бы рабочих на свою сторону перетянуть. Или нет, кого-то из губисполкома, кто в авторитете у местных и кого знают. Гудкова, например. Пьяница, болтун – плоть от плоти тамбовского мешчанства. Такого наплетёт на митинге, все поверят. Краснобай, дебошир и демагог, мнящий себя Демокритом. Демократом.

Шлихтер: Скорее Цицероном. Сильнее будет совокупность русских и эсеров. А если задуматься, кто ближе к Иуде – мы или левые эсеры?

Гольдин: Надо разобраться, за что Понтий Пилат казнил Христа. Ведь иудеи кричали: «Ты не друг кесарю. Всякий, кто называет себя царём, враг кесарю». Получается, Пилат казнил Христа во избежание бунта и утраты власти? Тогда Иисус благий нам, близкий попутчик.

Якимчик: Думаю, за то, что Христос назвал Себя Царём. А мы такие должности отрицаем как эксплуататорские.

Гольдин: Тут исходить надо из формальной логики Аристотеля. Простая антитеза. Иисус Христос – наш враг, значит, Иуда – друг. Лев Давыдович так и мыслит.

Эйдман: Он пошёл против Ленина. В постановлении пять личностей, кому памятники поставить. Иуды там нет. Нынче Троцкого Красная армия погуще Ленина любит. Смачно и взасос. Может себе позволить уклоняться и отклоняться. Вождь!

Фронтовой литературный поезд имени Ленина с Всеволодом Вишневским и Демьяном Бедным прибыл на тамбовский вокзал ранним утром. Роса, высыхая, блестела на чёрных жирных шпалах. К личному бронепоезду создателя Красной армии, председателя Реввоенсовета Льва Давыдовича Бронштейна была прицеплена платформа, укрытая брезентом. Из-под него торчали растопыренные пальцы, хватающие пустоту. Красноармейцы из личной охраны Троцкого на перроне раздавали газету «Правда» с антирелигиозной поэмой «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», написанной в глумливо-издевательской манере, прославляющей Иуду Искариота. По случаю открытия ему памятника состоялся парад двух полков Красной армии, Красной гвардии порохового завода «Красный боевик» и команды бронепоезда. Команда выделялась добротностью обмундирования, чёрными кожаными куртками и фуражками, жёлтыми портупьями свиной кожи, стальным блеском английских винчестеров. Зарыдал Интернационал. С фигуры христородавца, через две тысячи лет ставшего пролетарским борцом, упал брезент. Уродец, запрокинув к небу злобное лицо, одной рукой грозил кому-то, видимо, Богу, другая судорожно срывала с шеи обрывки верёвки. Толпа ахнула. Многие закрестились. Васильев

предоставил слово Троцкому. Тот не говорил, а кричал, что мы открываем сегодня первый в мире памятник человеку, понявшему, что христианство – это лжерелигия, нашедшему силы сбросить с себя её цепи. По всему миру будут воздвигнуты памятники этому «человеку». Иуда был первым, кто понял вредоносную сущность христианства. Большевики – враги клерикального мракобесия. Иуда – первый истинный пророк большевистской революции. Сегодня в Тамбове, где попы и эксплуататоры веками морочили головы трудовому народу, мы открываем памятник первому в истории бунтарю, первому революционному протестанту – Иуде Искарриоту. Пусть вас не смущает фигура этого библейского персонажа, поскольку революционный протест был и в древности... Да здравствует мировая революция!»

Долли Михайловна, сестра-хозяйка и медсестра бронепоезда, бывшая шансонетка с гнедой гривой волос и рыжей кобурой на крутом боку, в чулках в рыболовную сетку, зевала, не выспавшись по вине Троцкого. Нестройно шевелился камыш примкнутых зачем-то штыков красноармейцев. В этот день служба во всех городских храмах не состоялась. Но памятник простоял недолго, ночью его разбили вдребезги горожане. Часовые не препятствовали, а один из них добивал прикладом.

Председатель ГубЧК Якимчик

Ровно год, с декабря 1918-го, Тамбовскую губернскую ЧК возглавлял Иосиф Якимчик. Он родился 27 лет назад в деревне Ступалы Ормянской волости Виленской губернии. Окончил учительскую семинарию. Сейчас он при полосатом свете керосинки писал отчет в ВЧК. Чернила, уже дважды разбавленные самогоном, едва проступали на громахающей китайской бумаге, конфискованной в бывшей жандармерии на Большой. Рядом стоял хрустальный бокал с самогоном, кусок ржаного сухаря и луковица. Иосиф залюбовался переливами цветов на стекле...

«За прошедший 1918 год в Тамбовской губернии замечено шесть крестьянских восстаний». Вот именно, что «замечено», а на самом деле произошло чёт знает сколько, но уж никак не меньше сотни, «...в ходе которых погибло 29 человек и 112 расстреляно за соучастие»... нет, лучше «за участие» – так увесистее. «Так, например, в Спасской ЧК было проведено 30 расстрелов ярых участников, которые жгли мосты, убивали сельсоветчиков, продотрядчиков и комбедовцев. Казни совершались на Базарной площади при стечении народа в целях предотвращения. В Шацке уездная ЧК в каждой волости расстреляла по 4–50 человек. Всего в губернии во время беспорядков расстреляно более 500 крестьян. С мая по июль Губчека арестовало 123 человека. 36 из них приговорено к расстрелу».

Якимчик положил ручку на промокашку и перенёсся мыслями к текущим тяготам. По его соображению, следовало бы закрыть губернскую и уездные ДОПРЫ. Арестованных кормить нечем, охранять некем. Легче и проще сразу после задержания и допроса явных врагов расстреливать, а мелких нарушителей отпускать под расписку о признании советской власти. За повторное участие расстрел.

Вошёл телеграфист. По бумажной ленте прыгали буквы: «Вами из рук вон плохо выполняется указание о военно-революционных трибуналах как карательных органах революции. Предлагаю в течение трёх дней арестовать и подвергнуть

высшей мере социальной защиты минимум 5 крестьян Бондарской волости в ответ за убийство продотряда. По исполнению доложить незамедлительно. Кроме того, в селе Бокино взять в заложники и расстрелять, если не выдадут виновных в зверском убийстве большевика Семилетова, разрубленного на куски с вырезанной на груди звездой. Красный террор должен быть сильнее белого. Шиллер».

Якимчик скривился. Всё это мёртвому припарки. Расстреливать мало, надо всё имущество кулаков изымать. Безжалостно и подчистую. Правильно Гольдин вчера на исполкоме предложил. Выселять в Сибирь. Крестьяне страшатся, потому что семьи обрекаются на голодную и холодную смерть. За саботаж в сдаче хлеба брать в заложники всех, старше 18, невзирая на пол, а взирая, сколько утаил. В сёлах Якимчик кожей чувствовал глухую, густую, как чернозёмная грязь, молчаливую ненависть. В глазах читалась готовность убить.

Работал много, ещё больше пил. Сегодня служебные занятия по сбору сведений о контрреволюционерах и агентурной работе. Учиться надо у великого русского поэта Лермонтова. Молодой был, да мудрый. В своей «Тамбовской казначейше» писал: «Стремясь о редкостях Тамбова он у трактирщика узнать, узнал он много и такого, о чём и надо бы узнать...»

– Вот ты, товарищ Малкин, старший «упал намоченный», ха-ха, где и среди кого собираешь сведения о врагах пролетариата?

– Ну, среди наиболее сознательных рабочих вагоноремонтных мастерских...

– Дурак ты, а не чекист. Рабочий дальше тисков и молотка ничего не знает и не видит. Половые, то бишь подавальщики по-новому, трактирщики, содержатели постоянных и доходных домов, дворники и почтальоны, а также всякая пьянь и рвань подзаборная, воры. Они всё видят и всех знают. Вот наши глаза и уши, наши агенты. Одним словом, пролетариат на службе революции. Поднять руки, у кого на связи хоть один вор! Ни одного. Вот и вся вам цена. Нам честные люди не нужны. Groш им цена. Только всякая сволочь и подлец полезны революции...

Председатель ГубЧК подошёл к сейфу в стене, открыл дверцу с двуглавым царским орлом, набулькал самогона в хрустальный фиолетовый бокал князя, тайного советника, гофмейстера двора Нарышкина, махнул громадным глотком. Фыркнул, скрипнул лаковыми сапогами, снятыми с расстрелянного полковника, и поймал ловкой собакой кусок сала. Дверь отворилась. Вошли трое. Громадный секретарь губкома партии Бельков и двое красноармейцев, меньше, чем винтовки в их руках. Они грозно стукнули прикладами о пол.

– Товарищ Якимчик, по решению губкома ВКП(б) вы арестованы. Прошу сдать оружие, печать и ключ от сейфа.

– Ты что, Пётр, ополоумел? Меня коллегия ВЧК назначила, и вам не подчиняюсь. Сажин, Тришкин, обезоружить их. Арестовать – и в подвал.

Но чекисты не тронулись с места.

– Партийная власть превыше. Ей подчиняются все, в том числе и ЧК. Ты в том числе. Ты не должности лишаешься, а свободы, а может, и жизни. Не дури, сдай маузер. Не утяжеляй.

– В чём меня обвиняют?

– В саботаже борьбы с самогоноварением и служебном пьянстве. От тебя и сейчас разит, как в кабаке.

Якимчик снял через плечо маузер и вытащил из кобуры наган.

– Оружие вернёшь лично ты и в ближайшие дни. Ты ещё попляшешь у меня в подвале краковяк с подыграсом. Хлюст банный.

Вскоре Коллегия ВЧК телеграфировала о его освобождении и возвращении на службу в Губернскую ЧК. Долго на Тамбовщине он не задержится. Им оставлен вещественный след в виде лично расстрелянных людей в некоторых местах города. Скелеты их до сих пор лежат не отпетые. Убивал людей не из револьвера Нагана, а из маузера. Наган всем хорош, особенно тем, что осечек не даёт, но в нём всего шесть патронов, а в маузере двенадцать и посильнее – двух насквозь пробивает, если в затылок поставить.

Помощник принёс новый перечень продпайка оперативного сотрудника, утверждённый Коллегией ВЧК. Якимчик выругался смачно, но бесполезно. Сколько ни тверди масляно, жирнее не станет! Разве можно не умереть с голода от этих жалких крох? А если семья? А где брать силы на борьбу с контрреволюцией? Вот с народом Якимчик воевал лихо. В Шацком уезде в деревне Вершки свирепствовала испанка. Крестьяне устроили молебствие и крестный ход с почитаемой народом Вышенской иконой Божией Матери, за что местной ЧК были арестованы священники и сама икона. Крестьяне, узнав о глумлении в ЧК над иконой: «плевали, шваркали по полу», пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. ЧК открыла огонь. Пулемёт косит по рядам, а они идут, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: «Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем».

Якимчик наставлял подчинённых:

– Ты коммунист, должен убить любого провокатора и саботажника, если он в бою мешает тебе пройти по трупам к победе. Нам не нужно ни доказательств, ни допросов. Нужно расстреливать, значит, расстреливай. Попы говорят, что дорога в ад благими намерениями устлана, а к победе мировой революции трупами врагов.

Сегодня осведомитель сообщил о совершеннейших безобразиях в военном госпитале. Самое красивое здание в городе – дворец купцов Асеевых на Набережной – встретило запустелостью. На голову рушились куски красивой лепнины. По сведениям агента, в лечебнице дикий холод, голод и беспорядок по уходу за ранеными и выздоравливающими красноармейцами. Якимчик взял с собой комиссара Фридмана и, не мешкая, приступил к следствию. Госпиталь затаился в ужасе перед «Губчекой».

– Должность?

– Кастелянша. По-нынешнему старшая медсестра, ну завхоз...

– Ты знаешь, что бывает за покушение на имущество Красной армии и обкрадывание бойцов? Наказание – мародёров расстреливать на месте. Приказ Троцкого.

– Да я что, я ничего. Это всё повар Фёдор Фомич, трое фельдшеров и сиделки.

– Почему раненые помирают массаами? Вон в саду беседка трупами забита доверху, как дровами. Хороша картина. Смотрите, бойцы, что вас здесь ждёт! Тащут все и всё. Бельё, свечи, мыло, портянки, подушки, матрацы. Кто больше всех ворует? Ты?

– Да я что, я как все. Все несут, и я несу. Время голодное. А тут что возьмёшь, продашь, семью накормишь. У меня их семеро по лавкам.

– А этих сто по кроватям. Они что, жрать не хотят? Продукты воровала?
 – Нет. Это всё повар с фельдшерами. Он мясо или масло, что раненому положено, разделят на семь кусков, два куска себе, по одному фельдшерам и один сиделке. Остаётся с гулькин хрен. Бабы ихние с утра уже на базаре мясом и маслом торгуют.

– С лекарствами что?

– Самые дорогие и нужные фельдшера себе и на продажу. А всякие настойки копеечные и пилюли – больным.

– Доктора тоже воруют?

– Нет, что вы. Фарнберг, Цейтлина, Ромазанович – честнейшие люди. Лекари хорошие. Запуганы красными фельдшерами-большевиками донельзя. Они свои полпайки тяжёлым отдают.

– Кто главный вор?

– Старший фельдшер Федулов первой руки закопёрщик в разбойных делах. Хуже любого чекиста... извиняйте... антихриста. У него не жизнь, а малина.

На следующий день рано утром, когда тени у деревьев ещё длиннее их, Якимчик прибыл в лазарет с расстрельной командой. Пятеро латышей лопотали, хохотали.

– Построить всех ходячих и прислугу в полном составе у беседки с замороженными бойцами в парке.

Привычная процедура его не трогала. Погибшие от ран и голода должны быть отмщены. Привели повара и трёх фельдшеров.

– За саботаж, кражу продуктов и лекарств приговариваются к высшей мере социальной защиты – расстрелу – повар Иванов, фельдшеры Федулов, Акимушкин и Сус.

Доктора Фарнберг и Цейтлина бросились к Якимчику:

– Помилуйте, сударь! Помилуйте фельдшеров. Потеряв их, вы погубите ещё больше бойцов Красной армии. В госпитале некому будет лечить. Одни доктора не справятся и с десятой долей. Расстрел медицинского персонала не меньшее зло, чем то, которое они совершили!

Якимчик отреагировал мгновенно.

– Повара и Федулова отправить к Духонину, остальные пусть живут.

Кроме революции и себя, он любил громадного мраморного дога, доставшегося после расстрела полковника Шипилова, бывшего прокурора военного полевоего суда, отправившего на тот свет десятки дезертиров. Пса звали Сократом. Якимчик даже его миску называл цекубой. Когда хозяин к нему обращался, дог, свернув голову набок, внимательно слушал. В отличие от своего однофамильца, тихого философа, дог имел бешеный нрав. На прогулках вдруг с неудержимой силой бросался на прохожих. Якимчик сбивался с шага, вытягивал руки, упираясь ногами, едва удерживал равновесие. Сократ подох внезапно. Якимчик был уверен, что его, как и знаменитого тёзку, отравили. Он гладил густой бобриск собаки и моргал повлажневшими глазами. Лишившись единственного близкого существа, усмехнулся:

– Вот и я стал лишенцем.

Назавтра утром рано он зашёл в аптеку Альфреда Лана на Гимназической. Его встретил грустный дверной колокольчик, так нравившийся ему, что иногда он приходил сюда безо всякой надобности.

- У вас имеется формалин?
- В каком объёме?
- С большую бочку.
- Есть только бутыль.
- В каком ещё веществе можно забальзамировать тело?
- Конечно, спирт.
- Пришлите мне две бутылки в Чека.

Сохранить тело друга Якимчик не сумел, пустив спирт на его поминки.

Мамонтов

Исполняющий обязанности командующего Донской армией барон Врангель не имел ни врагов, ни друзей. В верхушке казацких начальников дружба не прививалась. Каждый из генералов обладал самолюбивым честолюбием, большим, чем служебные симпатии. Достигнув лампасов, каждый почитал себя самодостаточным крупным деятелем. «Чёрный барон», прозванный так за неизменную чёрную черкеску с серебряными газырями, отличался высоким ростом и высокомерной жёсткой манерой общения. Не только с подчинёнными, но и с равными и теми, кто повыше, хотя таковых почти не было, вёл себя свысока, неизменно вызывая затаённую неприязнь и мстительное раздражение. Судачили, что газыри у него заполнены бриллиантами, это громадное богатство он всегда носил с собой. Другие уверяли, что в одном из них сильный яд, дабы не сдаваться красным живым.

– Я не доставлю удовольствия жиду Троцкому пытать меня, расстрелять или повесить.

Мамонтова он не любил за то, что тот внешне и мышлением походил на него, и за любовь казаков, которую не испытывал к себе. «Хоть и генерал, а всё одно немчура». Как командира он ценил его не выше начальника дивизии, и то с натягом, вот командир полка в самый раз. Корпус ему не по плечу. В атаку скачут не генералы, а сотники и есаулы. Вот уже неделю он собирал следственную комиссию по итогам рейда Мамонтова, но всё не удавалось заполучить в одно время и место всех войсковых атаманов, а без них отстранить от должности Мамонтова Врангель не решился. Колебался, кому дороже – себе или Мамонтову? Накануне он встретился с Деникиным, дабы утвердиться в его поддержке. Антон Иванович определился в своей двоякой манере:

- Замена генерала Мамонтова другим лицом может обидеть донцов.

Командующий усмехнулся:

– Мне председатель Терского круга доложил, что выдавать донцам обмундирование всё одно, что выбрасывать. Глупо. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода, нагруженный так, что лошадь еле тащит. А в другой поход в одной рваной черкеске... А эта телеграмма: «Посылаю привет. Везём родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение

церквей, дорогие иконы и церковную утварь...». Весь Дон в восторге. Он кто? Запорожский казак, в рейд за зипунами сходявший?

– Военные трофеи – старинный обычай и доход казаков. Не нам его отменять.

– Считаю этот рейд грабительским и вредным. Казаки Мамонтова разбрелись по станицам с награбленным добром и разложились, как солдаты. Четвертого корпуса нет. Я невысоко ценю Мамонтова как военачальника. Дайте мне возможность выбрать во главе конницы хорошего кавалерийского начальника. Пока Мамонтов, от конницы проку нету.

– А на кого заменить?

– Генералом Улагаем. Вы же передаёте из Кавказской армии конную дивизию. Кубанцев станет почти половина, а им Мамонтов чужак.

Длинный резной дубовый стол под ковровой скатертью с бахромой видал яства и побогаче. На блюдах распластаный тамбовский окорок со слезой, казацкий хлеб-каравай, солёные огурцы, чудом возникшая из царских времён «Смирновская». Глаз ласкали хрустальные фужеры фиолетового стекла. Верхушка казачьих войск в полном составе собралась в 1919 году впервые. В зависимости от характера и должности, сдержанно или дружески обнимая, приветствовали друг друга люди, в подчинении которых находились десятки тысяч солдат.

Расселись в соответствии с должностями и званиями. Вдоль стен стояли адъютанты и три секретаря с журналами. Первый этаж заполонила охрана. Им выставили бутерброды с бужениной и анисовую. Рядом с бароном самый старший по чину и по должности генерал от кавалерии Краснов Петр Николаевич, донской войсковой атаман. Год назад он провозгласил суверенное государство под названием Всевеликое войско Донское и добивался его признания. А ещё вся Россия знала его как писателя, и сейчас он не терял времени даром. Не считая повестку важной, сочинял в уме новый рассказ под названием «Часы остановились в тринадцать». Через двадцать восемь лет его повесят во внутренней тюрьме Лубянки. Генерал-лейтенант Вдовенко Герасим Андреевич Терский, войсковой атаман, недовольно топорчил седые усы. Судьбу Мамонтова могли решить Деникин с Врангелем и без этого сборища. Он со дня на день ждал посланцев от адмирала Колчака, собираясь соединить с ним борьбу. Генерал-лейтенант Филиппов, кубанский войсковой атаман, употребивший ранее в дороге, находясь в радужном расположении духа, пошутил:

– Константин Константинович, хе-хе. Тамбовский окорок – весь ваш трофей при захвате Тамбова? Хотя недурён, и весьма. Под «Смирновскую» голубем летит.

Стройный, как есаул, командующий Кавказской добровольческой армией и ио атамана всех казачьих войск России стремительно вошёл и начал заседание. Врангель приложил ладонь к груди:

– Рад вас видеть, господа войсковые атаманы. Сегодня я вас собрал не для того, чтобы судить генерала Мамонтова Константина Константиновича, а провести разбор войсковой операции рейда по тылам Красной армии, которую он совершил. Прошу высказываться кратко, по существу.

Вдовенко: Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы,

сохранить от развала свой корпус. Искать надо было не добычи, уничтожать живую силу противника, в основном пешую.

Краснов: Я считаю рейд успешным. Он производился в достаточной связи с основными операциями фронта, имевшими задачей сорвать готовящееся наступление красных и облегчить успех наступления казаков. За время рейда генерал Мамонтов отвлёк на себя с фронта и тыла пять стрелковых дивизий, одну стрелковую бригаду, конный корпус Будённого, пять полков коммунаров, Тамбовские пехотные курсы, многочисленные местные формирования и отряды, бронепоезда и летучки. Этого что, мало? Рейд Мамонтова коренным образом нарушил управление Южным фронтом, заставил метаться штаб между Козловом и Орлом. Основательно разрушил железнодорожную сеть; уничтожил склады и базы Южного фронта, нанеся тяжкий удар всему его снабжению.

Филиппов: Успешным? Не надо. Пётр Николаевич, успешным он стал только для вас, одарённых «мамонтовскими подарками». Если бы не настоятельное требование генерала Деникина о возвращении корпуса Мамонтова, он бы до сих пор там грабил. Вместо того, чтобы раздавать захваченное крестьянству, как ему было действительно вменено, он искал добычи исключительно для себя. Мамонтов, хорошо начав, не добился основного: крестьянство не восстало, а лишь более ожесточилось. Казаки пошли грабить, а серьезно воевать с красными оказались неспособны. Поэтому народ не поддержал нас.

Врангель: Я считаю действия генерала Мамонтова не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения, но явно избегал боя, всё время уклоняясь от столкновений. Полки генерала Мамонтова вернулись обременённые огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамонтов передал по радио привет «родному Дону» и сообщил, что везёт «родным и знакомым ... богатые подарки». Дальше идёт перечень «подарков», включительно до церковной утвари и риз. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главнокомандующего. Однако генерал Мамонтов не только не был отрешён от должности и предан суду, но ставка его явно покрывает. И последнее. Я много раз говорил и повторяю. Если твои приказы не выполняются, то ты не офицер и можешь сорвать с себя погоны. К генералам это относится в первую голову. В таком положении оказался Мамонтов. Нынче его конный корпус таковым называться не может. Казаки разбрелись по станицам. Корпус деморализован и потерял всякое подобие воинской дисциплины. Стараниями его командующего корпус превратился в сборище мародёров, грабителей и разбойников.

Комиссия войсковых казачьих атаманов большинством голосов против одного Краснова потребовала у Деникина отстранения Мамонтова от командования корпусом. Мамонтов молча встал, кивнул, прощаясь, и вышел.

Командование Красной армии отдавало должное рейду, вопреки мнению руководства белогвардейцев. Для борьбы с ним был создан Внутренний фронт под

командованием М. М. Лашевича. Двадцать три тысячи бойцов, авиация, бронепоезда. Командующий Южным фронтом РККА, бывший полковник А. И. Егоров, высоко оценил рейд. «Своим движением на север, вместо района Лисок, Мамонтов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, в расчёте, очевидно, на восстание крестьянства и городской буржуазии против советской власти. Это, конечно, авантюра, но Мамонтов, имея более сильные средства для достижения менее обширных задач, был здесь в меньшей степени авантюристом, чем сам Деникин. К тому же, в отличие от Деникина, сам осуществлял свои идеи и – надо быть откровенным – имел с первых же дней рейда много ярких доказательств правильности своих расчётов. Мамонтов не добился основного: крестьянство не восстало».

Врангель отобрал командование группой у генерала Мамонтова, оставив его командиром 4-го конного корпуса. Подчинил младшему по службе генералу Улагаю. Приказ сквозил личной неприязнью Врангеля. 9 декабря генерал Мамонтов телеграфировал: «Командарму Донской, Донскому атаману, Председателю Войскового Круга, копии генералу Деникину и ген. Врангелю. Доколе ген. Романовский и ген. Врангель будут распоряжаться Донцами как пешками, я не считаю возможным занимать ответственные должности под их командованием. Полагаю, что насильное принуждение меня остаться в должности командира корпуса при создавшихся взаимоотношениях не принесёт пользы, а посему, дабы не вредить делу, прошу меня и моего начальника штаба, разделяющего мой взгляд, освободить от должностей и назначить на любую должность, начиная с рядового Казака. 9. 12. 19 № 01373».

Донской атаман А. П. Богаевский и командующий Донской армией генерал-лейтенант Сидорин В. И. его поддержали, Деникин вынужденно уступил. Донские части, входившие в Добровольческую армию, возвратились под команду генерала, который в скорости нанёс ряд поражений коннице Будённого. В начале января 1920 г. генерал Мамонтов выехал в Екатеринодар для участия в заседаниях Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Там его встретили восторженно. В это время он заболел тифом и должен был оставаться в госпитале.

Первая февральская ночь бесилась метелью. Под её порывами стонали окна. Пули-снежинки осыпали стёкла. Тень от канделябра металась по стенам. Наступивший двадцатый год не щадил никого: ни генералов, ни нижних чинов. Тиф убивал исправнее, чем «Максим». К генералу начали возвращаться силы. Консилиум врачей решил, что через два-три дня он мог бы выехать в батумское имение жены. Выкарабкался. Болезнь отступила перед могучим ещё организмом. Через стенку генерал-майор Курепин не сдюжил, преставился ночью. Завернули в его же одеяло и унесли под завывание пурги неизвестно куда. Хотя мёртвым небесная канцелярия подорожную правит в одну сторону, в могилу. Кашлял, кашлял, а к утру затих. Навечно.

Мамонтов с аппетитом ел куриную лапшу: казаки принесли пару петухов. Не забывают донцы командира. Супруга налила душистого мятного чаю из оловянного чайника, давнего походного друга. В коридоре стукнула прикладами смена караула. Госпиталь охраняла сотня есаула Настоящего, его адъютанта со времён Степного похода. В смутные времена окна мутнеют. Их не моют. Метель вдруг стихла, комнату залил мертвенный лунный свет. Супруга генерала урождённая столбовая дворянка

Сысоева Екатерина Васильевна смотрела на мужа и улыбалась. Сквозь тифозную мертвенность на щеках проступил румянец. Из недр памяти явился новогодний вечер, бал в офицерском собрании. Они фланируют в мазурке. Он гвардейский штаб-ротмистр. Она в белом платье «а ля Ксешинская». Оба высокие, с рюмочными талиями. Невыносимо красивые и изящные. Великий князь Николай Николаевич подошёл и протянул золотой брегет Константину: «Вы воплощение величия русской нации. Благодарю за удовольствие вас лицезреть».

Скрипнула старуха-дверь. Вошёл незнакомый фельдшер в белом халате, но в сапогах. В руках кипятильница со шприцем. Объяло беспокойство.

– Вы кто?

– Фельдшер Поляков. Генералу прописан успокаивающий укол. Доктор Петербургский приказал.

Яд был вспрыснут в её присутствии фельдшером, тотчас же скрывшимся из госпиталя.

Во время борьбы против большевиков генерал Мамонтов считался одним из лучших вождей Донской армии. Подобной славой и уважением в среде казачьих масс пользовались лишь немногие генералы.

Генерал Мамонтов умер в полдень 1 февраля 1920 года.

Валил пушистый снег. Снежинки летали белыми пчёлками, не желая ложиться на землю. Кто-то всесильный и всемогущий желал почившему: «пусть земля будет пухом». Снежные бабочки садились на лицо Мамонтова, такое же правильное, как при жизни, и не таяли, продолжали жить. По распоряжению Деникина гроб несли только георгиевские кавалеры, как и сам почивший. Тысячная толпа казаков обнажила чубатые головы и перекрестилась. Мамонтова несли на руках от госпиталя до усыпальницы собора Святой Екатерины. Скорбь была сильнее февральского мороза. Полковник Фролов нёс гроб и вспоминал человека, лежащего в гробу. Его черты правильной греческой формы, особенный разрез больших глаз под дугами бровей. Орлиный нос соответствовал стальному непреклонному характеру. Бобрчик коротких густых с проседью волос. Поражали огромной длины усы и подусники невиданной длины. Во время еды Мамонтов закладывал их за уши, чтобы не мочить в супе. Есаул Борхевский держал гроб позади полковника. Его большой рост принимал основную тяжесть. У него был свой Мамонтов. Богатырское сложение контрастировало с дворянскими манерами и культурной речью. Генерал Калинин шёл последним, хотя при жизни был первым, кому доверял покойный. Будучи не последним военачальником, он высоко оценивал Мамонтова, считая истинным военным тружеником, серьёзным и вдумчивым. Не переносил табачного дыма, выговаривал, если тот курил в вагоне. Ложился в десять, вставал в шесть, обтирался снегом и жёстким полотенцем. Неукоснительно, где бы ни был, занимался шведской гимнастикой.

Генерал-лейтенанту Мамонтову Константину Константиновичу было пятьдесят лет.

Источники текстов и информации

1. Аузский С. Казаки. Особое состояние. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н. Красные конкистадоры. «Соратник», 1999.
3. Грищенко А. Н., Лазарев А. В. Константин Мамонтов.
4. Грищенко А. Н., Лазарев А. В. Неизвестные страницы архивов. Рейд генерала Мамонтова глазами его участников. Военная мысль, 2013.
5. Посадский А. В. Ещё раз о рейде Мамонтова. Донские казаки в борьбе с большевиками.
6. Записки белого партизана / А. Г. Шкуро. – «ВЕЧЕ», 2013 (Путь русского офицера).
7. Венков А. В. К. К. Мамонтов – легенда движения. Человек второго плана в истории. 2007. Вып. 4.
8. Книга погромов. 1918–1922. М. Институт славяноведения. ГАРФ. РОССПЭН, 2007.
9. Тамбовское восстание 17–19 июня 1919 года как проявление Гражданской войны. Канищев Владимир Валерьевич.
10. Калинин И. Русская Вандея. М.-Л. Госиздат, 1926.
11. Рымшан М. Рейд Мамонтова: август–сентябрь 1919 года. М. ГВИЗ, 1926.
12. Калинин Николай Петрович // Проект «Русская армия в Великой войне».
13. Мамонтов С. И. Не судимы будем. Походы и кони. М. Военное издательство.
14. Хеллинг Келлер. «Красный сад».
15. Статья Е. В. Мамонтовой. Журнал «Родимый Край» № 52 (май–июнь 1964 г.).

Юрий БЕРИДЗЕ

Не проси у Бога много...

Стихи

* * *

Вот так сидишь
в покое и истоме,
великая река в тумане тонет,
послышится,
как где-то иль нигде
плеснут лениво вёсла по воде -
и снова тишь
над Волгою-рекою...
Туман и берег через миг накроет,
но вдруг как рыкнет
баржа-самоход -
и ткань тумана в клочья разорвёт,
и Волга
явится во всей своей красе.
Очнись,
вставай,
во все глаза глазей!
Хуссейн ли,
Одиссей ли,
Моисей,
не устрашись,
не медли – обрусей!
У Волги на виду
не оробей -
поймёшь,
как много русского в тебе.

* * *

Над степью гремит канонада,
и северный ветер колюч,
и душу царапают взгляды
дождями наполненных туч,

и я, по натуре не робкий,
но в предгрозовой полумгле
спешу-поспешаю по тропке,
запутавшейся в ковыле.

Упрямо напряживши шею,
до дома, подать же рукой,
спешу, но, боюсь, не успею -
вон гром раскатился какой!

И молнией степь полоснуло,
как шашкой в атаке казак,
и степь содрогнулась от гула
и взвыла, как стая собак -

и ливень плетями, с оттягом,
ударил по телу земли,
почти что иссохшей без влаги,
бессильно лежавшей в пыли

под огненным взглядом светила.
И только гроза – ну, держись! -
всю степь ужаснув, пробудила
почти что сомлевшую жизнь...

* * *

Махну рукой: прощай, январь! –
и над сугробом пегим
ответно мне мигнёт фонарь,
ссутулившись под снегом.

Замельтешит в его лучах
снежинок рой январский,
за мной метнётся сгоряча,
чтоб проводить по-царски

и мехом лечь на воротник,
бесценным белым мехом.
И я вскричу: вот это шик! –
и мне ответит эхо.

И попрощается со мной
фонарь, и в белой бездне,
в пучине, прорве снеговой
мы оба с ним исчезнем...

* * *

Кто я? Времени заложник...
Нарисуй меня, художник,
вот как есть – лицом к стене,
пусть останется мой образ,
как мне ствол упёрся в рёбра
примирительно вполне.

Ну, не ствол, так значит ножик...
Нарисуй, как время может
примирять с собой. Давай,
напиши картину маслом,
как во времени увяз я
ненароком, невзначай.

Напиши картину в стиле
реализма или... Или
намазюкай кое-как,
наплевать – рисуй, как можешь:
время, я, его заложник,
в окружении зевак...

* * *

Я промотал так много... Хоть сочти –
пиши, а хочешь, пальцы загибай.
Причём, успел ещё до тридцати,
а всё, что после, – даже не считай.

А нынче я и крохи берегу:
вот этот вид на улицу в снегу,
кусочек торта (принесли друзья,
а я не ем – мне сладкого нельзя),

возможность помолчать с женой наедине,
мохнатый шарф, что дочь связала мне...
Не говори, что я скупец, –
я просто понял, наконец,

хотя, увы, и поздновато,
что значит жить
поистине
богато.

* * *

По обменному курсу войны «баш на баш»
конвертируют нас мой «калаш», твой «калаш»,
но, похоже, срывается сделка.
Сухо клацнут затворы в твоём и в моём...
Что, выходит, ещё поживём? Поживём,
раз бесплодно прошла перестрелка –

мы в цене не сошлись, закадычный мой враг,
возвращайся в блиндаж и на нары приляг,
покемарь чуть до нового боя.
Впрочем, лучше помайся, без сна полежи,
сколько правды в тебе, подсчитай, сколько лжи,
по какому тут курсу меняется жизнь,
если жизнь здесь чего-нибудь стоит...

* * *

Как солнечно, ребята, как прозрачно,
как благодушно пение цикад...
Браток, ну, что ты мнёшь без толку пачку –
ты закури, пыхни дымком в закат.

Хороший вечер. Правда, без натяжки...
Как остро всё я чувствую сейчас,
я даже слышу ручеёк в овражке,
а я его совсем не замечал,

когда тем самым узеньким оврагом
к «опорнику» пробрался стороной...
Прощайте, парни, помните Салагу!
Хороший ведь, ей-богу, позывной...

* * *

Не проси у Бога много,
дай Ему остаться Богом,
Он не щедрый, не скупой.
Он в немногом даст немало:
даст надежду для начала,
чтоб тебя вела тропой
через годы и невзгоды
на спасительные броды,
тёмной скрытые водой.

Не проси у Бога боле,
чем в Его пребудет воле,
Сам Он ведаёт, что дать:
солнца поутру в окошко,
сына мягкую ладошку,
тихий вечер у пруда,
может, труд, а может, схиму,
смертный бой за край любимый
и забвеньё навсегда.

Не проси у Бога вдосталь,
сколько надо даст.
По росту.
По размаху.
По размеру.
Сколько вынесешь, даст –
в меру.

* * *

Вот я лежу на поле Куликовом,
на Прохоровском – это тоже я,
и здесь я лягу – в поле васильковом,
луганском поле, прямо у ручья.

В полях времён и близких и далёких –
один лишь я, хотя и многолик.
Вороний грай, орлиный хищный клёкот,
что надо мной, и человеческий крик

звучат то плачем вдовьим, то проклятьем,
а то сливаются в надрывный вой,
и все невесты в подвенечных платьях
стоят, объаты мёртвой тишиной.

Во всех веках, на рубежах разломных,
в горах, болотах, посреди равнин,
во всех полях моей страны огромной –
один лишь я, её любимый сын...

* * *

Война сужает кругозор
до сектора обстрела,
до простоты: приклад, затвор
и линия прицела.

А кругозор – пустяк в бою,
задвинь его поглубже,
иначе быстро отпуют,
а может, даже хуже –

не отпуют, не до тебя,
дела есть неотложней,
вон танки башнями горбят,
пыля по бездорожью.

Им наплевать на твой IQ,
талант, ума палату...
Ты будь, братишка, начеку
и приготовь гранату.

Всему свой час, своя пора –
и кругозору тоже:
сейчас мы держим сектора
и не держать не можем.

Держать – всему наперекор,
и нет другого дела!
Война сужает кругозор
до сектора обстрела...

* * *

Слышу, слышу, как клекочет
медный голос над селом,
вижу, вижу – раскурочен
мир под ангельским крылом.

Слишком мягкая защита
это хрупкое крыло,
пулями насквозь пробито
и осколком рассекло.

По уму бы, ангел, впору
отходить – да в медсанбат.
Слышишь, клацает затвором
снова вражеский солдат,

вот сейчас швырнёт гранату,
прострочит опять свинцом...
Плачет колокол набатом,
ангел держится бойцом,

защищает он, как может,
тех, к кому пришла беда.
Видно, ангел русский тоже –
не сдаётся никогда...

* * *

Что за вздор, недалёкая муза,
про охапку цветов на лугу?
Я обжёгся о Дом профсоюзов
и ожог залечить не могу.

Не зови меня в пущи и кущи,
я запомнил и жду каждый миг,
что мне битую пальцы расплющат
и на шее затянут рушник.

Не сули мне полёт в поднебесье,
ни за что не отпустят меня.
Я кричу им: «Одесса, Одесса!»,
а они подбавляют огня.

* * *

Когда меня тащили в тыл
на жёстком полотне носилок,
так пахли травы и цветы,
что душу в небо уносило.

И с нею говорил старик,
как будто бы давно знакомый,
и через сад вёл напрямик
к стоящему поодаль дому,

а по дороге угощал
иссиня-чёрной шелковицей.
И словно сон меня смущал –
тот сон, что напоследок снится,

но старец пальцем погрозил:
не торопись, покуда рано...
И пробудился я, в грязи,
в бинтах, наложенных на раны,

и понял, что всему свой срок,
я здесь, видать, пока нужнее.
И разгорается восток
всё золотее, золотее...

**Елена
АДИНЦОВА**

**Виктория
СЕМИБРАТСКАЯ**

Возвращение

Рассказ

Катя всматривалась в горизонт. Над бескрайней морской гладью творилось таинство рождения нового дня. Ночь отступала под аккомпанемент работающей ПВО. В последнее время смерть всё чаще приходила с неба. Её несли неживые птицы, начинённые минами-лепестками. Вдалеке ухнул «хаймерс». Катя безошибочно на слух определила калибр снаряда. Местные давно научились многому, о чём живущие всего в ста километрах на мирной территории даже не догадывались.

Она была совсем ребёнком, когда привычную жизнь разметал первый залп «Града». Тогда она совсем не испугалась. Бояться научилась позднее, когда непонятное слово «война» прочно вошло в обиход взрослых.

Девушка тряхнула головой, отгоняя тревожные мысли. Копна рыжих волос рассыпалась по плечам, дерзкий морской ветер игриво тронул пряди. Катя прикрыла глаза, подставляя лицо первым лучам восходящего солнца. Хорошо-то как! На миг ей показалось, что три стихии соединились в ней: море, ветер и земля. Её земля.

Время на созерцание природы находилось нечасто. Минуты отдыха стали роскошью, сейчас не до праздности. Работу в заповеднике Катя воспринимала как службу. Отсюда ушли воевать отец и брат, а значит, она и за них тоже несёт вахту хранильницы древней Меотиды. Вечерами девушка торопилась в старый сельский клуб и плела с женщинами маскировочные сети, необходимые бойцам на фронте. Ничего героического в своих трудах она не видела, так живут многие её земляки. Но сегодня особенный день. Ей захотелось почувствовать дыхание моря, шёпот степи и пение птиц так, как она умела делать это в детстве.

Семилетней малышкой Катя с родителями впервые приехала в эти места и полюбила их навсегда. А разве могло быть иначе? Отец рассказывал захватывающие истории.

* * *

– Древние называли наше Азовское море Меотским озером, и даже болотом, – как бы невзначай упоминает папа. Катя стоит по пояс в тёплой воде Азовского моря, ей неохота выбираться на сушу.

– Бо-ло-о-о-том, – недоверчиво тянет девочка и опускает взгляд.

Сквозь прозрачную воду видит пальцы своих ног, шевелит ими и заразительно хохочет.

– Не верю! Болото не такое! – сложив ладошки лодочкой, ныряет на мелководье, сверкнув пятками.

Отец смеётся. Ловко перехватывает Катю и кружит её в согретой солнцем воде.

– Ещё, – требует она, заметив, как отец направляется к берегу, – я люблю море, как рыба, – заявляет она.

– Да? – отец останавливается и, склонив голову набок, делает вид, что разглядывает дочь. – Местность наша получила название «мео», от южно-азиатского «рыба». Может, ты и есть рыба?

– Нет! Я девочка! Твоя дочь! Я знаю, это место назвали Меотидой, потому что море кормило людей, которые здесь поселились. Ты уже рассказывал. И 150 племён, или больше, получили историческое имя – меоты.

– Уже рассказывал? – папин голос повышается, а брови картинно ползут вверх, демонстрируя удивление. Но он тут же меняет тон. – А ты молодец, запомнила. Человек непременно должен знать историю родной земли.

* * *

То было счастливое время мирного детства. Катя вынырнула из толщи воспоминаний, открыла глаза. Бледное небо наполнилось розовыми и оранжевыми полутонами. Водная гладь заискрилась тысячей зеркал, отражая лучи. Катя поправила лямки увесистого рюкзака и свернула на узкую тропу. По обочинам дорожки теснился ветвящийся колючий кустарник с бурой корой – дикий терновник.

Девушка вздохнула. Она сама похожа на этот терновник, сплошные колючки, разница только в том, что он скоро принарядится белоснежной пеной цветов, оживёт, разбуженный ровным гулом насекомых, а она так и останется окаменевшей изнутри, с душой, закованной в панцирь ожидания. Под ногами хрустнула сухая ветка. Катя вздрогнула от резкого звука – условный рефлекс, выработанный за годы обстрелов. Война навязывает свои привычки. Ватники, колорады, прилёты – новые слова ножом вспарывали полотно мирной жизни.

* * *

– Мама, почему укры хотят нас убить? – маленькая Катя заглядывает в глаза матери, ждёт ответа.

Женщина замирает, подбирает слова. Перед мысленным взором проносятся сводки, в которых сообщается о бесчинствах озверевших националистов,

жаждущих установить новый порядок. Она вздыхает и молча целует дочку в макушку.

– Уроды они, фашисты недобитые, – сквозь зубы отвечает старший брат Максим.

– Я тоже пойду на похороны Сергея, – твёрдо говорит Катя, а сама сжимается от страха, что её не возьмут.

Серёжка, её одноклассник и друг детства, два дня назад был убит осколком мины на школьном футбольном поле.

– Нет, будь дома, – отрывисто произносит мать. – И во двор ни ногой.

– Нина, – тихо говорит отец, – пусть попросаается, они же с детского сада вместе.

* * *

Переживания захлёстывают. Катя замедляет шаг. Перед глазами такой же тёплый солнечный день, как тогда. И Серёжка в сколоченном наспех гробу. Вечный непоседа, мечтающий стать великим футболистом, непривычно неподвижен. Груз 200, 300 – за безмолвными цифрами страшная математика войны.

Катя смахивает с лица невидимую паутину воспоминаний. Апрель. Ещё один немирный апрель. Холода отступили, почва впитала благодатную влагу талых снегов, чуть подсохла. Выдохнула нежными первоцветами. Земля не признаёт войны. Она противостоит ей жизнью и многоцветьем. Фиалки, лютиковые, гиацинты, тюльпаны и пионы – её многочисленное войско. Пространство откликнулось звонким щебетом. Это птицы, жильцы заповедной Меотиды, каждая на свой манер свидетельствовали: «Мы здесь, мы встречаем весну!»

Девушка с благодарностью вслушивалась в разноголосье. Птицы вернулись, запели, создавая невидимый ореол мира. Божьи создания связаны между собой теснее, чем представляют себе многие. Прошлым летом к ним приезжала погостить их соседка из Донецка.

– До сих пор не могу забыть, – переводя взгляд с лица матери на Катю, шёпотом говорила женщина, – снаряд прилетел прямо к нам во двор. Вынесло стёкла высоток по периметру, а осколками посеколо всех голубей. Их окровавленные тельца лежали повсюду. Ни один человек не пострадал, даже не поцарапало. Прикрыли они нас собой. – Соседка нервно сглотнула. – Чудо. Настоящее чудо. Иначе случившееся и не назвать.

В сознании слились звуки природы и голос памяти. В мире всё неразрывно: прошлое и настоящее; слова и поступки.

* * *

– Ты сам не видишь, что аппарат никуда не годится? – интересуется отец, рассматривая дрон.

Максим соглашается кивком головы.

– Это пока пробный вариант, пап, очень хочется виртуально «полетать» вместе со стаей. У Жака Перрена получилось снять документальный фильм о птицах, и у меня выйдет. Завтра попробую, а потом переделаю, – скороговоркой отвечает брат.

– Вместе попробуем, – улыбается папа.

* * *

Катя запомнила первое немирное лето по дням. Все события легли в памяти вечным оттиском. Тупые ножницы войны кромсали всё – время, территорию, даже людей. Жизнь разделилась на «до» и «сейчас». В довоенном остались и захватывающие воображение беседы с родителями.

* * *

– Папа, расскажи ещё про кудрявых пеликанов! – Катя выжидательно смотрит и добавляет волшебное слово: – Пожалуйста.

– Почему именно про пеликанов, дочка? – отца радует её любознательность.

Биолог не только по профессии, но и по призванию, он много лет отдал развитию орнитологического заповедника Бакаи Кривой косы. Со знанием дела мог бы давать лекции и часами рассказывать о любой из 250 видов птиц, в том числе занесённых в Красную книгу. Чайка-хохотунья и черноголовая чайка; ушастая сова, кукушка, удод; рыжая и серая цапли. Но пеликанов он выделял среди всех. Катя, тогда ещё неосознанно, почувствовала его особенное отношение к этим птицам.

– Расскажи ей, что пеликан давным-давно был драконом, – в проёме двери появилась долговязая фигура старшего брата.

Максим не меньше Кати любил крылатых обитателей неба.

– Это сказка? – не скрывает разочарования девочка.

– Не сказка, дочь, сущая правда. Пеликан – прямой потомок летающих ящеров. Видишь, как удивительно преобразует природа живой мир под изменяющийся климат, ландшафт, да и мы, люди, немало способствуем переменам. Пеликан крайне чувствителен к человеческому присутствию. Не любит, чтобы в его жизнь вмешивались. Из Средневековья дошла до нас легенда о пеликане. Однажды весной прилетела стая птиц на небольшой островок, намытый морем. В высоких камышах повстречал молодой пеликан свою возлюбленную, и когда пришла пора, вылупились у них два птенца. Семья увеличилась, и требовалось всех прокормить. Птица хоть небольшая, а рыбы потребляет до трёх килограммов в день. Но пеликан отличный добытчик. И себя, и подругу свою накормит, и птенцов. Да только пришёл человек и отнял у пеликана весь его улов. Человеку радость, птицам – неминуемая смерть. Нахмурилось небо, потемнели волны. Неужели погибнет потомство из-за алчности человека? И тогда расклевал пеликан себе мощным клювом рану, и потекла кровь. И стал он кормить тёплой кровью своих голодных птенцов.

* * *

Кровь во все времена. Всегда одна плата – кровь. За любовь, за жизнь, за свободу. Катя остановилась. Запрокинула голову. С детства умела распознавать среди плывущих облаков спрятанные фигуры людей, зверей, воздушные замки. Вот два рваных облака слились в одно, преображаясь в огромную белую птицу с гигантским размахом крыльев. Девушке казалось, птица-облако парит, подобно живому существу.

Катя вздохнула. В тот же год, когда отец ушёл в ополчение, пеликаны покинули ставшие беспокойными земли. Катя, мама и брат остались втроём. Многие

знакомые перелётными птицами снимались с родных мест и уезжали, спасаясь от войны. А осенью вражеский снаряд попал в их дом. Артиллерия небратьев яростно утюжила Донецк, целенаправленно била по жилым кварталам.

* * *

– Летом всегда жили в Седово, и сейчас там обустроимся, – стремительно повзрослевший брат смотрел на маму и сестру спокойно и уверенно.

– Сынок, – растерянный взгляд матери блуждал по комнате, скоро в школу, у тебя выпускной, да и у Кати родной ученический коллектив, друзья-подружки. К тому же нелегко вам, городским, будет в селе.

– Седово – не село, а посёлок городского типа. – Максим нахмурился и ещё больше стал похож на отца. Такой же высокий лоб, большие серые глаза, русые волнистые волосы. – К тому же я определился с профессией, буду, как отец, орнитологом, изучать и спасать птиц. А лучшего места для учёного, чем наша Кривая коса, не найти – самое большое на всём Европейском континенте колониальное поселение околородных птиц.

* * *

Катя сняла рюкзак, присела на корточки и аккуратно вынула дрон. Не тот, что смастерил брат. Первый удачный «птицелёт», сделанный своими руками, Максим отдал папе, защитникам Донбасса он был нужнее.

– Камера у него хорошая, для разведки самое то, – пояснил парень отцу.

Ах, если бы только знал Максим, если бы видел сейчас результат работы младшей сестры. Сколько пришлось всего изучить! Да и найти нужную начинку тоже было непростой задачей. На новую цифровую камеру для точной съёмки девушка откладывала деньги почти год, но без помощи друзей точно не успела бы к новому сезону. Папа не раз говорил, что главное – не навредить, быть деликатным в своих действиях, изучать птиц ради помощи им. Не напрасно в Красной книге кудрявые пеликаны отмечены статусом «уязвимый».

Катя вспомнила свою первую встречу с пеликаном. Ей, Кате, повезло, в мирной жизни отец нередко брал их с братом на выходные с собой в заповедник.

* * *

– Папочка, почему у пеликана мешок во рту? – сидя на плечах отца и рассматривая колонию птиц в отцовский рабочий бинокль, удивилась девочка.

– Да потому что рук у него нет, а в крыльях не очень удобно держать удочку. А эти красавцы ох какие заядлые рыбаки. Ловят клювом рыбу и тут же в свой мешок отправляют.

– А почему они только на лето к нам прилетают? Жили бы с курочками и уточками у бабушек.

– В Древнем Египте, дочь, пеликаны и жили вместе с людьми, как у нас сейчас гуси или индюки в подсобных хозяйствах сельчан. А магометане почитали пеликана как священную птицу, которая помогала построить Каабу.

* * *

Катя поднялась и зашагала в сторону двадцатиметровой смотровой вышки. Там лучший обзор. Здесь удобно подождать нужного момента. Коллеги отца, да и сама Катя, сделали всё, чтобы пеликаны вернулись. Даже в военное время работа по сохранению флоры и фауны не прекращалась, заповедная зона строго охранялась. Заросли камышей аккуратно почистили. На Кривой косе установили муляж пеликана – не просто уловку, но знак птицам: ваше место готово, приводняйтесь, стройте гнёзда, растите потомство, эта территория ваша.

Взгляд девушки остановился на золотой головке тюльпана Биберштейна. Катя на ходу склонилась, коснулась пальцами солнечного колокольца. Вместо звона раздалось рассерженное бурчание шмеля, потревоженного за завтраком.

* * *

– Ну, теперь ты королева пеликанов, – Максим наклонился, шуточно чмокнул сестру в щёку. А мы с батей ещё немного повоюем и вернёмся. Ждите нас с мамой.

Мать молча смотрела на сына. А что сказать? «Береги себя» – нет на войне глупее фразы. Отец был уже дважды ранен и каждый раз раньше срока возвращался в строй.

* * *

Мирный дрон ожил в Катиных руках, плавно взмыл и лёг на курс. Пара мгновений, и на экране появилась картинка – на берегу и в небе тысячи птиц. Девушка не отрывала взгляд от монитора. Тонкие пальцы легко двигались по панели управления. Крупный план. Ёкнуло сердце.

Он выделялся среди остальных. Белый красавец со светло-серой спиной и хохлом на затылке возвращался из полёта. Катя замерла. Не может быть! Крепко зажмурила глаза и досчитала до десяти. Снова уставилась в дисплей. Птица приводнилась на перепончатые тёмно-серые лапы, складывая мощные крылья размахом, точно, все три с половиной метра. Массивное туловище мягко заскользило по глади. И тут же голова исчезла под толщей воды. Значит, проголодался. Ещё мгновение, он вскинул голову, изгибая длинную шею, подбросил добычу, ловко поймал клювом и отправил рыбу в раскрывшийся красновато-жёлтый кожаный мешок.

Губы девушки растянулись в непроизвольной улыбке, а в правый глаз, кажется, попала соринка. Катя заморгала. Нет, она не собиралась плакать. Она совсем не тонкослёзая тепличная барышня. Но понимание: зов родной земли пересилил все обстоятельства войны – отозвалось непривычными ощущениями в груди. Волна тепла, набирая силу, растекалась по всему телу. Катя не выдержала, широко раскинув руки, она закричала пронзительно и громко, как чайка, подающая голос птенцам, когда они улетели далеко и могут заблудиться.

Пеликаны вернулись домой. Время гнездования началось. С Победой и в наши дома вернётся мир. И всё будет как раньше: папа, мама, брат, Катя и их пеликаны. Нет! Всё будет лучше, всё обязательно будет лучше.

Николай ШМЫРЁВ

Мы прорастём могильными крестами...

Стихи

Забытая тетрадь

Забытая тетрадь лежала
В старинном письменном столе,
И чёткий почерк генерала
Залит был красным «Божоле».
Давно лежит он на погосте
Под сенью елей вековых,
К нему никто не ходит в гости –
Нет никого уже в живых
Из тех, с кем вместе он сражался,
Кутил всю ночь по кабакам,
С кем умирал и возрождался
В кругу пленительнейших дам.
Он вёл дневник о жизни светской,
Но вот пришёл всему конец:
Флаг заменили на советский,
Коня забрали и дворец.
И он не стал ждать приговора
Расстрельной тройки ВЧКа:
Без лишних слов, без разговоров
Спустил курок он у виска.
Его уж нет – тетрадь осталась,
Она как память о войне.
А время, как в испуге, сжалось,
Когда горело всё в огне.

* * *

Лихолетье промчалось грозою,
Искалечив и судьбы, и души.
Умывался горючей слезою
И страдал: как бы не было хуже.
Как бурлак, впрягся в лямку, горбатясь,
Ни минуты покоя не зная.
Шёл вперёд, не боясь и не птясь,
Твёрдо знал: жизнь наступит иная.
Отремела гроза, пыль осела,
Воздух пряный, и солнце смеётся.
Вновь Россия проснулась, запела,
Только нашим врагам всё неймётся.
Никому не разрушить Россию!
Схороните надежду, небратья,
Приглушите свою эйфорию –
Не отмоесть вы от проклятий!

* * *

Мы прорастём могильными крестами,
Упрёмся в небо, протаранив синь.
И ангелы помашут нам крылами,
А поп прошепчет скорбное «Аминь!..»

Мы не ушли – мы будем вечно с вами,
Мы тенью растворились среди звёзд.
Нас вспоминайте добрыми словами,
Когда придёте в горе на погост.

Жива Россия, мать моя родная.
Мы помним всех, погибших за неё.
Враги о нашей гибели мечтали,
Кружило над страной вороньё.

Придёт весна победным шумным гамом,
Сквозь слёзы будем радоваться мы.
И звон колоколов над Божьим храмом
Нам возвестит, что больше нет чумы.

Ангел-спаситель

Я тебе, любимая, клянусь,
Положа на сердце свою руку,
Что назло врагам к тебе вернусь,
Разорву тягучую разлуку.

Пусть сейчас я от тебя вдали,
И ты слёзы льёшь, меня жалея,
Но ещё цветы не отцвели –
Ждёт меня на клумбе орхидея.

Ты не плачь, приду к тебе живой,
Встретишь ты меня на полустанке.
Пусть без орденов и не герой,
Но горел не раз в подбитом танке.

Может, не узнаешь ты меня:
На лице – лишь шрамы от ожога.
Но я выбрался из-под огня
И теперь стал свято верить в Бога.

С милой мы продолжим жизни путь.
Ангел, мой спаситель, будет рядом.
Нам с дороги этой не свернуть,
А любовь послужит нам наградой.

* * *

Сегодня мы, как в сорок первом,
С врагами встретились в бою.
Наш мирный труд нацистом прерван,
Но наш солдат всегда в строю.

Мы победим, тут нет сомнений,
Российский флаг взметнётся ввысь.
Не примем ваших извинений!
Зачем вы на Донбасс рвались?

Вы восемь лет Донецк бомбили,
На мировую вы не шли.
А сколько вы детей убили!
А сколько вы домов сожгли!

Не заслужили вы прощенья,
Гореть вы будете в аду.
Не будет прежнего общенья –
Мы разобьём вас, как Орду.

Болит душа, ребята гибнут
За мир, за Родину свою.
Придёт Победа, взрывы стихнут,
И я ваш подвиг воспою.

Мы будем чтить своих героев,
Что жизни отдали за нас.
Огромный памятник построим
Тем, кто Россию нашу спас.

* * *

Небо заалело яркою полоской,
Воздух пропитался запахом войны.
Степь вокруг без края, ни одной берёзки,
Замерли в окопе Родины сыны.
Ждут сигнала к бою, нервы на пределе,
Политрук в пилотке достаёт наган.
Он мужик геройский, был проверен в деле.
Перед ним стою я, словно мальчуган.
Красная ракета брызнула цветами,
Ротный влез на бруствер, прокричав «Вперёд!»
На нейтралке взрывы, в глаз шибает пламя,
Но готов к атаке наш стрелковый взвод.
Мы с «Ура» шагнули в вечность из окопа.
Улетали души, таяли вдали.
Нас не досчиталась после боя рота,
И прощались, плача, в небе журавли.
Нет, мы не погибли, мы в гостях у Бога.
Принял нас Всевышний, как родной отец.
Да, мы победили, только жжёт тревога,
Новой страшной битве скоро ли конец?
Вот опять нацисты свастику рисуют,
Губят наших внуков, губят матерей.
На костях безвинных изверги танцуют.
Кто же эти гады, и каких кровей?
Матушка Россия, Бог наш предводитель!
Ты не покорялась на полях войны.
А народ российский был всегда воитель.
Разобьём потомков мерзкой сатаны.

Сергей ДОРОВСКИХ

Рождественские истории

Рассказы

Илюша-богатырь

В конце декабря наконец-то пришли крепкие морозы. Рабочие в больших рукавицах развернули длинные шланги и долго лили воду, готовя лёд. И вот теперь с наступлением сумерек зажигались ярко-жёлтые фонари над дворовой хоккейной коробкой, и местные мальчишки начинали очередной свой горячий матч. Они радовались, кричали, слышались удары шайбы и постукивание клюшек.

Илюша, грустно вздыхая, отодвигал в сторону большой надоедливый кактус, который будто не любил его и всё время хотел больно уколоть. С трудом дотягивался и протирал со скрипом запотелое стекло. Ухватившись крепко за подоконник, он неотрывно и грустно смотрел, как ребята с покрасневшими лицами гоняют шайбу. Долго удержаться в таком неудобном положении он не мог, но и подняться выше тоже не удавалось...

Ему нестерпимо хотелось к ним, но мальчик лишь кусал губы. Он знал, что плакать нельзя – завидев слёзы, мама тоже начнёт, притом так, что долго не получится остановить. Поэтому при ней он старался только улыбаться, даже если подкатывали слёзы и всё сжималось в груди. Илюша знал: мама плачет из-за него. Всё, что пришлось пережить, сделало её очень ранимой. Сейчас ему девять лет, и он почти не помнит день, когда всё для него, вернее, для всей его семьи так резко изменилось.

Илюше тогда не было и трёх годиков. Жарким летним утром папа ушёл на дежурство, бабушка ещё не вернулась из церкви, и они остались вдвоём с мамой. Она гладила одежду и ушла за бельём на кухню, где у них была стиральная машина... Совсем теперь уже не вспомнить: может быть, прилетела птичка, или во дворе начали играть в футбол, но что-то подтолкнуло тогда маленького Илюшу оставить игрушки и влезть на подоконник. Он надавил всем тельцем на москитную сетку и выпал с третьего этажа...

С тех пор он передвигается только в инвалидной коляске и смотрит каждый день в то самое окно... Представляет себя то на месте нападающего, то – вратарём в белой хоккейной маске. А потом, когда руки устанут от напряжения, откидывается на коляску и закрывает усталые глаза. Переживает – и за себя, и особенно за маму. Он знает, что та винит себя за ту одну-единственную минуту, на которую оставила его одного в тот далёкий летний день. Как бы он хотел всё исправить! Но ведь Илюша... почти ничего не помнил, будто это не он, а кто-то другой был тогда на его месте.

Родители относились к нему с любовью, всё прощали и жалели. Но далеко не всё разрешали. Они не хотели, чтобы мальчик уходил в мир телефонных игр. Чтобы не портить глаза, мультфильмы он смотрел только по большому телевизору, а смартфоном пользовался вместе с папой. В его маленьком мире особое место заняли книги. Больше всего он любил русские народные былины. Он научился читать, когда ему не было и шести лет.

Конечно, любимым героем сразу стал тёзка – Илья Муромец. Нравилась история про Илью и Святогора, Соловья-разбойника и бой с Дунаем, но только одна былина заставляла сердце стучать особенно часто. Самая первая об Илье – крестьянском сыне, о том, как он обрёл силу. Эту историю Илюша перечитал много раз и помнил наизусть, ведь была та очень близкая, своя. Он подолгу любил смотреть на яркую картинку, где калики перехожие вместе с мальчиком-поводырем молятся Богу, и будущий герой получает исцеление. Илюша закрывал глаза и представлял, что вот-вот позвонят в дверь, мама или бабушка откроют, а на пороге будут стоять вот такие же слепые дедушки в вышитых рубахах с длинными бородами, и белокурый паренёк войдёт первым, протянет к нему тёплые ладони.

Несколько раз, замечтавшись, Илюша и правда пытался встать и пойти, как былинный Илья, но каждый раз падал из коляски и звал на помощь... Прибегала мама, а ему хотелось, чтобы его поднял и пожалел большой, ростом до потолка русский богатырь. Он верил, что и сам станет таким же. Что сможет ходить, будет сильным, чтобы делать людям добро.

Он стал старше, у него появилось много других книг, но былины Илюша всё равно любил. Новый год начался для него с важнейшего открытия. Первого января бабушка повесила в своей комнате отрывной православный календарь. Ярко горела красным цифра один, а чуть ниже шли имена святых, которых церковь и народ поминают в самый первый день года. И был среди них... преподобный Илья Муромец!

Он тут же спросил бабушку, но та ничего не смогла ответить: тот ли это самый Илья Муромец, герой из былин, или другой? С нетерпением мальчик ждал, когда папа вернётся после дежурства, – он служил в военной части. Тот очень устал, но всё же сказал:

– Что ж, попробуем разобраться! – и указал на смартфон. – Эта штука, если уметь правильно пользоваться, может быть очень даже полезной!

Папа поднял Илюшу из коляски, уложил рядом с собой на подушки, накрыв пледом, и они нашли видео. Иеромонах Ефрем подбрасывал дрова, сидя рядом с уютно потрескивающей печью, отвечал на вопрос – как раз про Илью Муромца! С волнением мальчик слушал, что мощи преподобного находятся в ближних пещерах Киево-Печерского монастыря, и они нетленны. Не так давно учёным дали изу-

чить их, и они установили, что преподобный жил в двенадцатом веке, был небывало сильным, высоким и крупным для своего времени человеком. Но, самое главное, у него нашли признаки болезни позвоночника.

– Он же не мог ходить тридцать лет и три года! Это он! – уверенно вскрикнул Илюша. – Всё сходится! Илья – святой, не сказочный, настоящий! Ему можно молиться!

А игумен Ефрем тем временем рассказывал о чудесных случаях: много православных верующих обращались к преподобному Илье-воину в молитвах и по милости Божией исцелялись от недугов.

– Ну что, папа? – спросил Илюша.

– Думаю, богатырь и монах – это один и тот же человек, почему бы и нет? Илья уехал из родного Мурома, чтобы служить, сражался с врагами, о нём сложилось доброе имя в народе, былин сочинили вон сколько! – он помолчал. – А потом, уже с возрастом, ушёл в монастырь и служил Богу.

– Получается, бывают воины, которые ещё и святые?

– Конечно, сынок, и немало таких. Александр Невский, Дмитрий Донской. Были и такие монахи – Александр Пересвет и Андрей Ослябя, их преподобный Сергей Радонежский благословил биться на Куликовом поле, я тебе о них завтра расскажу, ты только напомни, хорошо? Был ещё святой Фёдор Ушаков – великий флотоводец, ни одного морского сражения не проиграл. Он потом жил скромно недалеко с монастырём, все деньги раздавал бедным. Напомни мне, я тебе о нём тоже... – и папа, заговариваясь, устало опустил подбородок и уснул.

Илюша вскоре уснул вместе с ним и увидел широкую жёлтую степь, по которой разгуливает вольный ветер, играет с ковыльными травами. Он сидит в инвалидной коляске посреди, и мчится издалека ему навстречу сам Илья Муромец! Под богатырём – конь могучий, вороной, а второго коня – белого – для него ведёт, сжав сильной рукой поводья. Борода богатырская развеивается, а над острым шлемом искрится лазурными огоньками светлый нимб.

– Иди, Илюша! Вставай и иди! – слышится эхом во сне. И он встаёт и идёт – ничто не мешает, коляска падает за ненадобностью. Он идёт, идёт! Вот они поравнялись, мальчик крестится и легко запрыгивает в седло. Над ними – яркий столб света, он опускается с синего небушка, и порхает в незримой высоте, нагоняя тепло, большое голубиное крыло.

...А вскоре наступило Рождество! Илюша подъехал быстро, налегая на колёса инвалидной коляски, к окну, улыбнулся кактусу – даже этот зелёный нахохленный злюка в это светлое утро, когда в мир пришёл Спаситель, показался мальчику добрым, и он осторожно погладил его колючки. Те были совсем мягкими, словно шерсть у зверька. Илюша ловко развернулся на месте, вспоминая свой новогодний сон, и показалось, будто под ним не коляска, а добрый белый конь! Он подъехал к ёлке, весело закрутил разноцветный шарик, а потом поднял глаза и долго с надеждой всматривался в большую Вифлеемскую звезду на самой макушке.

За праздничным столом он узнал, что скоро нужно будет надолго уехать. В большом городе ему сделают операцию.

– Смогу ходить? Я, правда, смогу ходить! – восклицал мальчик.

– Ты только не волнуйся, не переживай, я тоже поеду с тобой! – сказала мама. – Мы будем рядом всё время, ничего не бойся!

– Это ты ничего не бойся со мной! – сказал он уверенно, по-взрослому, представляя, что Илья Муромец рядом и слышит каждое его слово. – И пообещай, что не будешь плакать! А я тебя защищу!

– Конечно, не буду плакать, мой Илюша-богатырь, – и, хотя она только-только обещала, глаза её сделались влажными. – Знаешь, какой я приготовила тебе подарок? И она протянула ему большую иллюстрированную книгу русских былин.

– Будет что почитать в палате! Тут все-все собраны! И ещё!

Перекрестившись, она протянула ему икону преподобного Ильи Муромца. Мальчик взял святой образ и бережно положил на колени. Всмотрелся в спокойное, доброе лицо святого воина-богатыря. Правая рука молитвенно прижата к груди, левую руку он положил на рукоятку меча.

«Иди, Илюша! Вставай и иди!» – послышался отголосок сна.

– Встану и пойду! – твёрдо сказал он и перекрестился. Затем погладил и сжал тёплую ладонь мамы. – Помоги, святой преподобный Илья Муромец! Помоги всем нам!

Сзади подошли бабушка и папа.

– Смотри, какой бабушка тёплый свитер связала, чтобы в палате тебе было тепло. И у меня тоже есть подарок для тебя, сынок! Он тебе обязательно пригодится! – и папа протянул ему хоккейную клюшку.

Рождественский гость

Катю уже третий раз звали к праздничному столу, а она почему-то не спешила идти. Не отходила от окна, будто ждала кого-то. Их дом стоял на выезде из небольшого уютного городка, возвышаясь над тихой извилистой речкой. Она не замерзала даже в такие сильные рождественские морозы, а лишь покрывалась по берегам рыхлым, похожим на подмоченный сахар ледком. От тёмной воды шёл пар, и берёзовая рощица за речкой казалась таинственной, словно там, среди тонких стволов, бегали и готовились к празднику сказочные зверьки.

У Кати была своя комната с таким красивым видом из окна, она любила его. Но сегодня девочка грустила, сама не понимая почему. Словно ждала, что вот-вот там, за рекой, появится кто-то, помашет ей радостно рукой.

– Доченька! Мы зовём тебя, зовём, все давно собрались, тебя ждём! – вошла мама, посмотрела взволновано и взяла её за косички. – Что такое? Ты не заболела? – и коснулась губами её носика.

У Кати не было от мамы секретов, и она сама честно не понимала, что с ней, а только чувствовала: чего-то не хватает! Вернее, кого-то! И сердцем, конечно, точно знала, кого ждёт... Просто он, скорее всего, сейчас очень далеко и вряд ли может прийти.

Они были в храме на праздничной службе – в Троицком соборе, большом и тёплом. Он так же, как и их дом, возвышался над речкой с тихим именем Цна. Девочка очень любила бывать там. Своды были высокими. Такими, что поднимешь глаза – и кажется, что над тобой – бескрайнее лазурное небо, и с него льются золотые лучи. Но и в храме ей сегодня почему-то было тревожно...

– Нет, ты всё-таки заболела! – то ли спросила, то ли сказала утверждающе мама.

К ним на праздник приехала бабушка. Она жила в селе Серповом на улице, носящей смешное название – переулоч Гусят. Вот и сегодня она привезла к праздничному столу запечённого в печи большого гуся, так что всю их небольшую квартиру наполнил запах хрустящей тёмно-медовой корочки.

«Аппетит пропал? В прошлое Рождество первая прискакала за стол! Точно заболела!» – думала мама, задумчиво глядя дочкины косички. Но всё же понимала: нет, что-то иное тревожило девочку. Какое-то ожидание!

Катя вздохнула и вновь посмотрела вдаль из окна – ветерок промчался по голой опустелой рощице, берёзки вздрогнули, качнулись, озябло прижавшись друг к дружке бархатными снежными шубками. Не было там никого. Лишь ранние январские сумерки плавно надвигались, темня догорающие краски дня.

...И вот они за столом, звучат поздравления, вручают подарки. Катя получает то, что так долго ждала, но не радуется. Она хочет улыбнуться – не улыбается. Хочет смеяться – и ей не смеётся.

И вдруг – звонок в дверь! Катино сердце вздрогнуло и забилось быстро-быстро. Папа настороженно замер с подарочной коробочкой в руке.

– Оля, мы кого-то ждём?

– Нет, – ответила мама Кати. – Пойду, открою.

– Я сам, – ответил он.

– Да это же славить Христа! – засмеялась бабушка. – Что ж вы, в городах своих, все такие напряжённые стали, того гляди лопните! Да я у себя пока гусика жарила, так ко мне ребятишки раз до пяти стучались, славили Христа, я им все конфеточки-прянички раздавала!

– Катя! – позвал папа.

– Ну вот, иди, дитятко, послушай, как Христа славят! – бабушка перекрестилась.

– Катя, к тебе... пришли! – в зал вошёл растерянный папа, а за ним – молодой мужчина лет двадцати пяти в камуфляжной форме, на плечах искрились льдинки. Крепкий, широкоплечий и высокий – он даже нагнулся, чтобы пройти в проём.

– Катя Ломакина здесь живёт? – спросил незнакомец, обвёл серьёзными, чуть усталыми глазами сидящих за столом и замер, увидев девочку. Их взгляды сошлись, и Катя сразу поняла, что это – он! Из-за него ей было так грустно! Конечно же, это его она так ждала, просто не могла поверить, что рождественские чудеса бывают! Она даже не знала, как он выглядит и как его зовут, но о нём Катя думала и молилась так много!

Взрослые взволнованно молчали, а девочка и гость всё не отрывали глаз друг от друга. Мама робко сделала шаг к военному, посмотрела на нашивку с изображением Спаса Нерукотворного, на блестящие золотом три медали, которые в тепле покрылись инеем. Ей послышались далёкие тревожные взрывы, запахи пороха, мёрзлой земли, крепкого нагара окопных свечей.

Все поняли, что гость – прямо с передовой, но почему пришёл к ним и откуда может знать их десятилетнюю дочь? В вопрошающей тишине послышался негромкий лай, но его слышала только Катя, и то – едва.

– Ломакина Катя, ученица третьего «Б» класса, это ты? – спросил он вновь.

Конечно, это была она! Классный руководитель предложила ребятам написать письма солдатам, которые выполняли боевой долг, защищая мирных жителей Донбасса. И Катя, конечно же, откликнулась с радостью! Тогда она исписала чуть ли не целую тетрадку, а когда остановилась, поняла, что надо её просто взять и выбросить! Ей стало стыдно. Она написала какую-то ерунду, и всё только про себя, про свои увлечения, а разве так можно?! Да и нужно ли это всё читать... ему? И, расстроенная, Катя легла спать, но долго не могла уснуть.

И тогда, крепко сжав веки, она вдруг почувствовала его, будто солдат был совсем рядом! Она увидела, как он, пригнувшись и крепко сжимая автомат, заходит в серый пустой подъезд дома с выбитыми окнами и выводит оттуда озябших детей с тёмными от сажи личиками. Среди них и мальчики, и девочки. Он прикрывает их мощной спиной, и они вместе идут туда, где тепло и безопасно, а над ними поднимается радуга! И тогда Катя вскочила с постели, включила лампу и нарисовала всё это! А внизу написала много-много пожеланий ему: победить и вернуться домой! О себе в письме так ничего и не сказала, разве что только как зовут и в каком классе учится. И на конверте указала домашний адрес, пригласив в их уютный маленький городок с именем Моршанск.

И вот теперь он стоит перед ней! Точно такой, как и представлялся – большой, сильный! Бережно, будто маленькую птичку, достал он из-за пазухи то самое её письмо:

– Катя, как же я рад, что нашёл тебя! Мне было очень плохо, даже не знаю, стоит ли рассказывать. В тот день на передовой я узнал, что дома умерла моя мама, она долго болела... И в самую трудную для меня минуту, когда было так невыносимо плохо, мне передали вот этот конверт и сказали, что пришло письмо... для меня. И я развернул, увидел твой рисунок с радугой, много раз прочёл все-все твои слова. Это так помогло, я поверил, что нужно собраться и жить, бороться дальше. Ведь всё это ты написала именно для меня, правда? – она закивала и слушала, а глаза наполнились тёплыми слезами. – С того дня я всё время ношу это твоё письмо только здесь, у сердца! И дал себе слово: если выживу и смогу, первое что сделаю, это разыщу тебя! Приеду, чтобы сказать спасибо за это письмо! Оно греет душу и бережёт меня! Раньше за меня горячо молилась мама... Ты написала, что будешь молиться за меня! Я это чувствую! Да что там, меня это не раз спасало! Катя!..

Девочка бросилась к нему и обняла.

– А я знала, что ты приедешь! Мне даже кажется, я тебя сегодня видела в храме!

Взрослые молчали. Мама отошла к окну: плечи вздрагивали, папа держался с трудом, почёсывая подбородок, бабушка не скрывала слёз, и белый вышитый платочек у её глаз давно намок. Она шептала молитвы и крестилась.

Потом они все немного успокоились и ещё долго не могли наговориться. Гость рассказал, что его зовут Вадим, родом он из Пензы и его на побывку ждёт отец. Больше на свете у него никого не осталось. Но, прежде чем поехать к нему, он заглянул в их городок.

– Никогда не бывал в Моршанске, хотя ведь не так далеко от нас! Какой же у вас красивый большой собор! А ещё мне понравилось...

– Так, ешь! Ты ведь голодный! Посмотри, какой гусь к нам пожаловал! – Катя уже говорила с ним по-свойски, как со старшим братом. Она крутила, пытаясь оторвать до хруста запечённое крылышко, брызгая на скатерть.

– Надо же, какой гусище!

– Пробовал такого?

– Да ты что, я даже курицу жареную не помню когда ел! Из мясного одна тушёнка в основном у нас... в боевом меню.

И вновь за дверью раздался лай, а затем удар лапами по мягкой обивке.

– Значит, не послышалось! – радостно вскрикнула Катя. – Что это там за пёс такой?

Вадим засмеялся:

– Да, у меня там товарищ мой боевой... заждался, наверное.

И все пошли на лестничную клетку.

– Ай да боец! – засмеялся папа.

Вислоухий щенок-дворняга бросился сначала к Вадиму, но потом к девочке, радостно облизывая ей ладони.

– Вот, прибился к нам, – рассказывал тем временем Вадим. – Мы на позиции стояли, жили в блиндаже, вот он и прибежал к нам за помощью. Хиленький совсем был, доходяга, думали – не выживет. Но ничего, мы его тушёнкой откормили. Окреп, стал охранять блиндаж, лаять. Так-то он парень растёт надёжный, сторожевой.

– А как его зовут? – спросила Катя, продолжая гладить.

– А никак не зовут, свистом подзывали. И решили, что хватит с него воевать – пусть со мной едет. Надо мне его пристроить, как говорят, в добрые руки. У отца есть собака, ему без надобности. Может, у себя в городе найду, кому отдать. Или?..

Катя посмотрела на Вадима, потом на родителей – умоляюще.

– Можно? – спросила она. – Можно-можно? Можно! – и залилась смехом, не ожидая ответа, всё поняв по добрым родительским глазам.

– Вот и отлично! В следующий раз как отпуск мне дадут, всем скажу, что еду проверить четвероногого боевого товарища, – он нагнулся к девочке. – И доброго ангела-хранителя моего... с семьёй.

Он крепко пожал руку отцу Кати, обнял маму и бабушку, а потом вновь подошёл к Кате. Их глаза оказались совсем рядом.

– Вот, чуть не забыл, с Рождеством тебя, Катька! – и Вадим протянул блестящего перламутром фарфорового ангелочка. Катя видела эту чудесную фигурку сегодня в церковной лавке, и ангелочек так ей понравился! С крылышками, будто покрытыми блёстками выпавшего ранним утром снега, с золотой дудочкой и с такими добрыми глазами! Но она не решилась попросить родителей купить. А Вадим, оказывается, тоже был там, в храме, на праздничной службе! Такой близкий, но ещё незнакомый. Был рядом и помнил о рождественском подарке для неё!

– Вадим, ты ведь ещё приедешь?

– Обязательно!

– Я буду за тебя молиться!

– И я за тебя! Ну всё, только не реви! Мне уже пора, скоро мой автобус!

...За окном совсем стемнело. Катя взяла щенка на руки.

– Смотри! Нет, не туда, а вон туда, за речку! Не видно ничего, но ладно! Я тебе расскажу! Там у нас берёзки растут! И туда ушёл наш Вадим, но он обязательно вернётся! Он сильный, он всех врагов победит! – щенок повис и устало помахивал тонким хвостиком. – А теперь беги вон туда, там теперь твоё место, на коврике. Закрывай глаза и спи!.. Завтра утром мы придумаем тебе имя!

Виктор Иванович Герасин – «Здравствуй, это я!»

Воспоминание о большом писателе

Уходит человек... ты оборачиваешься на него сквозь время и видишь его не ввысь – наследие, книги, талант, сколько успел, что оставил... А будто бы – вширь, каким он был именно для тебя. Хочется обнять. Я не осмелилась сделать это при жизни. Ну как обнимешь гору? Даже подойти страшно.

Несколько дней я перечитываю рассказы и стихи Виктора Ивановича, а вижу его глаза с прищуром, со смешинками в самых уголках, взбитые кудри, крупные ладони. Слышу его голос – негромкий, каждое слово сначала взвешивается, а лишь потом произносится. Он смотрит прямо в тебя и видит то, что сам ты о себе ещё не знаешь. Кажешься себе маленькой, глупой, а он подмигнёт: «Давай!» – и начинаешь верить, что можешь всё, и делаешь. Оглядываешься, а он стоит за твоей спиной, и от этого так спокойно и весело. Если гора в меня верит, значит, я – есть! Кажется, вспыхнешь сейчас сверхновой от этого света внутри! А он ласково: «Тише-тише...». И вот ты – не взрыв, а солнце.

В 2016 году незадолго до Рождества Виктор Иванович позвонил мне попрощаться. Я говорила какую-то ерунду: «Всё ещё наладится! Ну как мы без Вас?!». А он перебил: «Это, Татьяна, дело решённое. Да я не за тем звоню. Сказать тебе хотел...». Эти слова – мой тайный источник, черпаю их и пью. И знаю, если оглянусь, он – там же, за моей спиной. Мне стыдно не оправдать этот взгляд: и радостно, и обидно, и руки опускаются от бессилия, от неумения, что ли, от неверия, что напишу не так, как во мне живёт. Так, как он во мне видел.

В Рождество...

И птицы летели,
и падал снег,
и не было смерти...
Не ты изменился,
а мы не те –
из плоти и сплетен.

Дыхание сбито
и губ не разжать:
что скажешь – всё мелко.
С бумажного венчика
смотрит Мать,
я рядом – подделка.
Душа моя лжива,
дела горьки.
Что я Ей отвечу?
Ты голубя кормишь с пустой руки.
Ты – светел.
Ты – вечен.
А я у приступка
смотрю на свет –
запомнить пытаюсь:
Как птицы летели,
и падал снег –
неспешно... не тая...

Татьяна МАЛИКОВА,
член Союза писателей России

Виктор ГЕРАСИН

Лошадь

Рассказ

1.

У приятеля в гараже сидели хорошо. В железной печке жарко горели берёзовые дрова, совсем лёгкий дегтярный дух действовал успокаивающе, позывал ко сну. И чтобы совсем не сомлеть, Семёныч засобирился домой. Приятель отговаривал:

– Ну и куда ты, время-то всего нет ничего, только за полдень перевалило, посидим ещё часок-другой, пображничаем.

Но Семёныч решительно поднялся и стал одеваться:

– Костя, пойду я. Тут у тебя уснуть недолго.

– И что ж такого, ну и поспи часок, не на работу же, а дома всегда будешь.

Константину явно не хотелось одному время коротать в гараже. Он изрядно поднимал температуру в помещении, так как сын попросил его об этом: вернётся с работы – машину надо поставить на смотровую яму, поглядеть, что-то подстукивает внизу, в тёплом-то куда как хорошо и сподручно лазить под машиной.

Семёнычу и не хотелось бы вроде уходить от друга, но что-то повлекло его на воздух, будто кто-то звал его, ждал его, просил, чтобы пришёл.

Семёныч и Костя дружили давно. Вместе в одной бригаде работали в кислотном производстве, заработали вредность и в пятьдесят лет ушли на пенсию. Годы ещё не большие, в пятьдесят лет мужик – ещё мужик. И здоровья вроде бы хватало, не жаловались, по больницам не ходили, а – пенсионеры. Даже признаваться людям вроде бы неудобно как-то было. Пенсионеры – это согбенные, шаркающие ногами старички да старушки, а эти орёлики, от морд хоть прикуривай, а тоже пенсионеры. Можно сказать, что Семёныч и Костя как-то даже тяготились своими статусами, сами себе не любили признаваться, кто они. Вот и ходили друг к другу, посиживали то за чайком, то за чаркой, обсуждали, куда бы на работу податься. А куда подашься? Предприятия еле-еле дух переводят, сокращение за сокращением рабочих. Молодых сокращают, а пенсионеров тем более – получили своё и помалкивайте. Хоть сторожами куда взяли бы, а то ведь учиться надо теперь на сторожа, экзамены сдавать, и станешь

уже называться не сторожем, а охранником, чоповцем. К тому же зима надвигается. Обдумывали Семёныч и Костя, куда весной им податься, может, в какую строительную бригаду возьмут подсобниками. Стенку они не сложат, по дереву тоже не горазды, а раствор месить и подавать – почему бы и нет, наука невеликая. С этим они справятся.

2.

Ноябрьское предзимье обдало Семёныча холодом. Морозный ветер гонял по земле серый сухой снежок. Неприветливо было вокруг.

«Вот уж снег ляжет, и кончится это...». Что «это» – Семёныч не стал додумывать, подбирать слово, не хотелось.

Напротив скотобойного пункта с машины сводили лошадь. Она осторожно сошла по трапу на деревянный помост, с помоста, опять по трапу, сошла и ступила на землю.

Семёныч остановился возле знакомого мужчины, хозяина скотобойни, который вместе с водителем грузовика сводил на землю лошадь, спросил:

– На колбасу?

– Куда ж ещё, – ответил мужчина, повязывая на шею лошади обороть.

Лошадь повернула голову в сторону Семёныча и продолжительное время посмотрела на него. Она будто пыталась узнать в нём кого-то своего, привычного, который возьмёт вот её и отведёт в родную конюшню. В Семёныче вдруг стало проявляться какое-то ещё неосознанное тепло, что-то в нём зашелестело, как луговая трава на ветру, вроде бы кто-то стал на него глядеть со всех сторон одновременно, невидимый за воздухом, а глядит. Выжидательно глядит. Будто подталкивает к действию. Молча. Нехорошо даже сделалось на душе у Семёныча. И не ожидая от себя, спросил:

– Сколько же стоит лошадь?

– А тебе не всё равно, сколько она стоит? – ответил мужчина, помедлил, достал из кармана бумажку. – Вот, по накладной... Да не особо дорого. За что платить-то, погляди на неё, кожа да кости. В цене – мясо. А это...

Мужчина махнул рукой и потянул за повод:

– Пошли, убогая.

– Подожди, – остановил Семёныч, – что, ныне и забьёте?

– Нет, пусть на базу ночь постоит, опорожнится, а уж утром тогда на забой.

– Стой. А если я тебе заплачу за неё? Ну, сколько по накладной есть – столько и заплачу. К тому ж на магар подкину, на литровку. Как?

Мужчина остановился, внимательно стал вглядываться в Семёныча, сказал:

– Чудно что-то. Тебе-то зачем она нужна, эта шкетина?

– Это мои проблемы! Ну что, уступишь лошадь?

Мужик оценивающе ещё раз осмотрел лошадь, Наверное, прикинул, сколько возни с её забоем, да сколько вдруг можно недобрать при продаже на колбасную, там тоже мужики ушлые, пытаются цену сбить.

– Да отдавай, отдавай, Пётр Васильевич. С ней ведь завтра весь день потратишь, а нам вон куда ещё ехать, в Степное. Помнишь? – подталкивал водитель своего начальника.

– А что ж, можно и отдать за её цену-то. Мне её за долги всучили. Откажешься, лошадь не возьмёшь – ничего не получишь. Вот и... Да бери! Бери! Деньги чтобы ныне были. Завтра – поздно. Понял? Ныне.

3.

Семёныч чуть не рысью побежал назад, к Косте. И про холод забыл. Костя домой ещё не ушёл, дотапливал печь. Удивлённо посмотрел на друга:

– Ты чего? Раздумал домой идти?

– Понимаешь, Константин, как это тебе сказать, даже не знаю, лошадь хочу купить. Лошадь.

Константин отступил на шаг и ещё удивлённей уставился на Семёныча.

– Ну, не смотри на меня так, не сбрендил я. Лошадь там. Завтра забудут её. Такая тощая лошадка. А посмотрела на меня, и мне показалось, что из неё, из глаз её все родственники мои близкие и далёкие смотрят, все мои деды и прадеды испытующе глядят, вроде того что вопрошают – ну и что же ты, отступишься от лошади, от кормилицы нашей древней? Веришь, так и смотрели, так и спрашивали молчаливо, с укором даже. Ну, вот я к тебе и направился. Давай купим эту лошадь. А? Давай. Не согласишься – я один её куплю. Побегу деньги искать. Займу у одного, у другого, с пенсии отдам. Давай, помогай мне.

– Так, лошадь купим, и чего же будем с ней делать?

– Чего-нибудь будем. Ездить на ней будем.

– Это где же, по городу? Чудак человек, да во всём нашем городе уже ни одной лошади нет. Где на ней ездить, когда машины вплотную друг за другом идут! Не понимаю тебя. Как ты представляешь это?

– А я по-другому представляю. Зачем нам город? У нас лес рядом. Речки в лесу. Ягоды. Грибы. Орехи. Да мы лошадку-то запряжём, сядем, и покатили на рыбалку. Не на рыбалку, так за ягодами, за орехами. А грибы? То мы пешком неподалёку ходим, а на лошадке-то мы с тобой куда уедем? Далеко уедем. Да куда захотим – туда и укатим. Грибов-то сколько нарежем в нехоженном месте? Возом будем возить домой. Вот тебе и заработок. Всех своих обеспечим на зиму, а к магазину станем с ведрами – грибы за милую душу пойдут. То же – ягоды, орехи. Да мало ли! Травы всякие набирать станем. Вон, один мужик веники банные летом вяжет, а зимой у него нарасхват они идут. Ныне любителей баньки сколько развелось, что мужики, что бабы в баню дуром лезут. И каждому веничек дай. Кому берёзовый, кому дубовый. А мужик тот – он особые веники вяжет, травинки между веток пропускает: зверобойчик, душичку и другие прочие. Его веники спросом пользуются немалым. А мы что, хуже того мужика? Ты поразмысли, Костя. В общем, так, считай, лошадь наша. Деньги нужны. Ты как?

– Да как я? Есть немного. На всю лошадь не хватит, а третью часть возьму на себя. Очень уж ты заманчивую картину нарисовал – машины не нужно.

– Да что машина! – воскликнул ободрённый поддержкой друга Семёныч. – Машина. На запчасти давай, на бензин давай, на всякие там техосмотры давай. А чуть грязь – и куда ты на ней? А лошадь есть лошадь. Ей в любую погоду дорога доступна. Кормочку только подкидывай. А мы за лето что ж, не навозим сена, что

ли? Сам говорил в прошлом году: сколько же травы пропадает в лесу и в лугах! Косить её некому стало. А мы с тобой в две косы-то... Нет, что ни говори, а лошадь нам с тобой нужна. Так, говоришь, на треть у тебя есть? Надёжно?

– Да хоть сейчас. До квартиры вот только дойдём. Приготовил на ремонт квартиры, но раз такое дело неотложное к тебе привалило, то, что ж, пойдём. Остальные вот только где брать?

4.

Семёныч жил в своём домике на окраине города. Улица – в один ряд дома – окнами глядела на лес. Машины сюда заходили редко, потому перед оградой росла трава. У самых деревьев напротив каждого дома имелись скамеечки, а у некоторых даже беседки. На скамеечках и в беседках обычно летом перед сумерками собирались соседи, обсуждали свое житьё-бытьё.

Семёныч представлял лето, соседей на скамеечках, и тут же ходит, щиплет травку его лошадь. Красота, да и только.

Он шёл домой, к жене, соображая на ходу, как с ней повести разговор о покупке лошади. Знал: разговор простым не будет, и готовился к нему, обдумывал, что да как скажет. Попутно зашёл на скотобойню. Лошадь стояла в углу загонки, схоронясь за стеной от злого ветра. Хозяина нигде не было видно, не иначе как в доме, в тепле сидит. Подойдя к лошади, Семёныч потрепал её за холку, погладил по выпирающим рёбрам, приговаривая:

– Ничего, ничего, потерпи, я или завтра рано утром приду за тобой, а если повезёт, то и вечером заберу тебя. У меня сарай хороший. Поразберу там немного и поставлю тебя. Там ветра нет. Тебе хорошо у меня будет. Потерпи.

Жена стряпалась в кухне. От газа, от парящих кастрюль было жарко и влажно. Семёныч разделся, зашёл в кухню:

– Хлопочешь всё?

– Как всегда, – ответила Оля, кушая из ковша варёво. – Как Константин там?

– Да как всегда. В гараже сидит, печку топит. Пока сын на работе. А вернётся, машину поставит – и Константин долой, пошёл домой. Я, Оля, это... Даже не знаю, как сказать.

– Говори, как есть. Чего мнёшься?

– Лошадь хочу купить, – выдохнул Семёныч.

И Ольга захлебнулась варёвом, прокашлялась:

– Охренел, что ль! Какую лошадь? Да ты по жизни рядом с ней не стоял. Причём тут лошадь?

– Да погоди ты, погоди, – загорячился Семёныч. И рассказал, как увидел лошадь, как она глядела на него глазами всех его предков, как ему не по себе сделалось.

Ольга пристально поглядела на мужа, выключила газ под кастрюлями.

– Ты, это... Ты никому ни гу-гу про это, только мне?

– Тебе. Да ещё Косте.

– И всё, зашей рот, больше никому.

– Да почему ж, что в этом такого? Я вот когда ребёнка плачущего увижу, то мне так и кажется, что на меня через его глаза все предки глядят с упрёком –

почему это ребёнок плачет, успокой его. Я же это не придумываю, я натурально это вижу.

– А я говорю, не рассказывай больше никому. Понимаешь? Сумасшедшим хочешь предстать? Так и в дурке оказаться можно запросто.

– Да причём тут дурка? Дело же говорю, лошадь хочу купить. Ты как, спонсируешь меня?

– Чем, ковшом вот этим горячим?

– Ладно тебе, ковшом... Сколько денег мне можешь дать?

– Ни копейки.

– Оль, ну хочешь – на колени встану. Никогда не вставал, а теперь вот встану. Семёныч и впрямь встал перед женой на колени.

– Ну не выкуплю я лошадь, то мне и жить-то незачем станет. Понимаешь? Вот что-то случилось со мной, что всё, что до нынешнего дня было, – это куда-то в глубину ушло, а лошадь так и стоит передо мной, так и смотрит на меня выжидательно. Не понимаю сам, будто заболел я. Одно знаю, не выкуплю лошадь – жить мне незачем станет. Всё, от всех своих предков я оторванный человек. А этого делать никак нельзя, оторванности никак нельзя допускать, она в нас должна из поколения в поколение вестись, связь эта потомственная, родовая. Держать её надо. Мне Константин третью часть даёт. На ремонт готовил. Но подождёт ремонт. А мы, Оль, лошадушку свою в тележку или в санки заложим, сядем с тобой рядышком на разостланный ковёр и покатаем по лесным дорожкам. А? И опять станем молодыми. Что машина? Мертвечина! А лошадушка наша... Ты только представь, Оль. А?

Долго они проговорили, смеркаться уже стало. Насчёт того, что из глаз животного на человека смотрит всё прошлое, с этим Оля согласилась, добавила даже, что собака посмотрит ей в глаза – и будто в самую глубину души проникнет, теплом душа обольётся.

Перешли на ровный разговор, вдумчивый. Наконец Ольга сказала:

– Ты у Константина не бери, пусть он квартиру ремонтирует. У меня есть запасец, да пойду к маме, попрошу у неё. Про лошадь говорить не буду, скажу, что шубу приглядела. И нечего Константина припрягать, у нас чтоб своя, только наша лошадь была.

– Да ведь обидеться может, Костя-то. Друг, скажет, а в долю не взял.

– Обидится он. Обрадуется твой Костя. И пусть приходит к лошади, отгонять мы его не станем же.

5.

За лошадью они пошли вместе. Оля прихватила с собой буханку хлеба, солечки и покрывало. Пока шли, она всё допытывалась:

– Цветом какая она?

– Да чёрная вроде бы. Точно, чёрная.

– Вороная, значит. Чёрными бывают собаки да кошки, а лошадь – вороная.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Оттуда, из деревни. Я где родилась-то? В Марьевке, в колхозе. Это вы, городские, ничего этого не знаете, а мы, деревенские, знаем. Матка или меринок?

– Тоже спросила. Сама же говоришь, что мы, городские, ничего не знаем. Откуда мне знать, кто она.

– Эх, Господи, Господи! Всё-то ты видишь, но ничего не говоришь.

Постучали в дверь, вызвали хозяина наружу. Тот удивился:

– Что, до утра не могли подождать?

– Деньги здесь отдать или в дом зайдём? – спросила Оля.

– Чего ж впотьмах-то, в доме рассчитаемся.

Рассчитались, на магарыч дали, как обещал Семёныч.

– У вас поди и зернеца-то ей нет? – спросил хозяин.

– Если у тебя есть, то одолжи, – ответила Оля.

– Ведёрко насыплю. Овёс. Лошадь без овса не лошадь. Подставляй сумку.

Семёныч подставил сумку, хозяин из мешка аккуратно ссыпал в неё овёс.

– Завтра овса добудем, – говорила Оля. – К дядьке своему схожу, у него овёс должен быть. Он коз пуховых держит, а прежде чем пух с них драть – им зерна дают недельки две, пух шелковистой делается. Попрошу, не откажет.

Лошадь всё так же стояла понуро, прячась за стенкой от ветра.

– Ну, как тебя, Вороной, что ли? – подошла Оля к лошади. – Покушай хлебушка нашего.

Она отламывала от буханки, посыпала солью и давала лошади. Сначала Вороной брал робко, но скоро раскушал хлеб, потянулся к нему.

– Ну вот, так-то оно лучше. Семёныч, накинь на него покрывало. Оно в сумке у меня было. Пойдём домой, Вороной.

И они, теперь уже втроём, пошли по тёмным городским улицам в свой пригород. Оля вела лошадь за обороть, Семёныч шёл следом за ними. И всё удивлялся на жену:

«Гляди ты, её как подменили. То зашумела, закричала – копейки не дам, к дому не подпущу, а то сама теперь ведёт лошадушку нашу. Чудной народ эти бабы, пойдя вот, разберись в них».

В груди у Семёныча всё теплее делалось от мыслей об Оле. Знал ведь, не сомневался – самостоятельная баба, надёжная, а вот такую, хозяйку, ведущую в поводу лошадь, даже представить не мог. Скажи кто ему ещё в полдень об этом – не поверил бы.

6.

В ужин выпили водочки, обмыли приобретение. Оля, как всегда, стопочку, чтобы поддержать мужа, Семёныч же накатил по полной три раза. И успокоился. С любовью поглядывал на жену. И как всегда в такие минуты их домашнего застолья, жалел её:

«Что в жизни она видела? Деревню свою? Колхоз? Да и в городе-то не легче. Работа. Восемь тонн продукции перетаскай, загрузи на втором этаже в смеситель, да эти же восемь тонн выгрузи уже на первом этаже. И всё на горбу своём, иначе нельзя, взрывоопасно. И всё за одну смену. Детей двоих вырастила. Внуки вон уже скачут. Мне прошлым летом как ловко за воротник воды холодной кружку вылили, думал, кипятком сварили, а это ледяная вода. Озорники».

Ещё Семёныч подумал о том, что внуки лошадь живую не видели, а теперь пусть смотрят на неё сколько угодно.

И потянуло Семёныча в сон. Начал поглядывать на кровать. Вскоре захрапел под одеялом. Всё, управился. Этим он отличался от жены: сделал то, что можно сегодня сделать, и успокоился, а что будет завтра – то будет завтра, чего о нём ему думать сегодня?

Оля долго глядела в темноту, говорила сама с собой:

«Ничего, как-нибудь с Божьей помощью настроимся, не всё враз, ныне хомут приобрели, завтра вожжи, дугу... Месяц, ну, от силы два, и я его откормлю и отпою. Сказать надо Семёнычу, когда меня дома не будет, пусть не вздумает давать ему холодной воды, подогревает пусть. К ним, как и к людям, простуда липнет, зубы рассыпаются от холодной воды. В сарае наспех зубы у него проверила – он не старый, лет пяти-шести, не больше. Плечи и спина потёрты. Нерадивый хозяин был у него, сбрую не по нему одевал. Вот и потёрли».

В доме было тепло, уютно. Это располагало к добрым мыслям, надеждам на будущее.

Оля любила порассуждать рядом со спящим мужем, в одиночестве, чтобы не мешал он ходу её мыслей и представлений.

«Весна придёт, мы и пчёлку заведём. Врач, который у мамы был, – он пчеловод. У него пасека большая, хороший приработок к его невеликой зарплате. Говорит, что на нашем месте пчёл водить – благодать. Лес рядом, луг, река за лесом. Не много, а десяток ульев можно смело поставить, цветов всяких пчёлкам хватит. Помочь с обустройством пасеки обещал. И нечего думать – ах, без работы остались. Они все там, начальники наши, без работы останутся, а мы пока не инвалиды, мы ещё ой-ой. Как это без работы при полном здравии можно оставаться? Земля есть, лес есть, здоровье есть – чего ещё надо? Теперь вот лошадь ещё есть. Работай – и всё у тебя будет».

Она поднялась, оделась потеплее и пошла в сарай к лошади. Ей не терпелось пообщаться с ней, погладить её.

Валерий ШИШКИН

Всё начинается с мечты...

Стихи

* * *

Всё начинается с Мечты...
И с абриса, когда нет карты.
С билетов. Верхнего плацкарта.
С костра. С берёзы бересты.

И с песни, что поёт река.
Её изгиб, как у гитары.
Твой друг – небритый, добрый, старый.
Его плечо. Твоя рука.

Всё начинается с Надежд...
Что доползёшь ты до привала.
Что там, за этим перевалом
вдруг в рюкзаке носок найдёшь.

Что не возьмёт тебя медведь,
когда пойдёшь в лес за брусничкой.
Эй, косолапый, догони-ка!
Турист на вкус сплошная бредь.

Всё начинается с Любви.
Ходить до ветра утром в лыжах,
И чтоб тебя никто не слышал...
Романтика – как ни крути!

Чтоб мордой в снег – как в первый раз!
Вновь – восхищённый взгляд на горы.
Вершины. Севера просторы,
что сшиты ниткой снежных трасс!

Всё начинаешь с Верой в то,
что ты сюда ещё вернёшься.
В метель в палатку завернёшься,
как будто в тёплое пальто.

От счастья будешь глуп и нем,
без дна, без края и начала!
А электричка прокричала,
чтоб уезжал не насовсем.

И вот с Любовью за мечтой
приехал ты сюда, как прежде –
на перевале вновь хмельной
стоишь в обнимку с ветром снежным!..
Всё начинается с Мечты.

После боя

*Светлой памяти дедушки
Михаила Семёновича Шишкина*

Здоров, славяне! Как вы тут?
Опять обмотка размоталась...
И сколько наших там осталось?
А дома всех живыми ждут...
И взводный здесь, и комиссар...
Уже без званий – все равны мы.
Теперь навек мы все родные,
Господь сюда нас прописал.

Да, здесь, в раю, не закурить...
А так охота после боя!
Но что-то я не чую боли...
А был я вроде как убит?!
Обувку жалко – не сносил.
Босые все, в одеждах белых...
Глянь – сколько птиц и яблок спелых!!!
Вон – сам Архангел Михаил!

Ну вот... Опять к нам пополнение...
Егор, а где ж твой пулемёт?!
Который час уж бой идёт...
А помнишь, в финской, на оленях
мы в штаб припёрли «языка»?
Да затерялись где-то в списках –
награда не нашла пока –
наградой было – бить фашистов.

Кому тут сдать свою винтовку?
Да никому – клади вон там.
У нас там вроде как кладовка
вещей, не нужных боле нам.
А Тимофея не встречали –
друга, который баламут?
Перед атакой с ним видались
в окопе несколько минут.

Записка в смертный медальон –
по всем приметам – не про нас.
Мы доживём, пробьёт тот час,
он победит – наш батальон!
Победа полетит истомой
по всей Руси – что, брат, держись!
Врёшь, не убьёшь – дойдём до дома,
заговорёны мы на жизнь!..

Вот только как в одежде белой?
Вдруг не признает меня мать?..
И буду я стоять несмелый,
не зная, что и как сказать?!
Что, мол, встречай героя, мам!
Твой сын, теперь он вот такой...
Не плачь... А слёзы по щекам
текут солёною рекой...

К тебе я буду приходить
огнём лампадки, что в углу.
Неподалёку стану жить,
прости, но дома не могу.
А там... Ты знаешь – хорошо...
Лишь в детстве только так бывает.
Как время быстро убывает...
Ну, не печалься... Я пошёл...

Вчера письмо вот написал
на треугольном на конверте.
А извещениям не верьте,
я не убит и не пропал...
Обувку жалко – не сносил.
Босые все, в одеждах белых...
А сколько птиц и яблок спелых!!!
Со мной – Архангел Михаил!

День пионерии

Родителям посвящается

Мама гладит белую рубашку
со звездой на левом рукаве!
Это значит – май! И нараспашку
раскрываю душу я весне!

Пахнут кеды новою резиной,
утром, счастьем, солнцем и травой!
Обгоняю – «Здрасьте» – тётю Зину,
в школу мчусь – красивый, молодой!

Кумачом мне галстук шею лижет,
«Зорьку» напеваю про себя...
Побегу задами – там поближе –
нужно раньше всех прийти ребят!

Отдышусь, во двор влетая школьный,
песни репродуктором звенят!
Два банта и нос курносый Олькин,
вроде нет ей дела до меня!

И пылит автобус с той линейки
в город, где шары и карусель,
где пломбир – какие-то копейки!
Газировка там и карамель!

Можно там на лавке на фигурной
поболтать и с другом, и ногой,
оценив весь стиль архитектурный,
в пионерский праздник в выходной!

Я почти что весь свой рубль истратил,
отдохнул так, что, кажись, устал...
Мне о том воспоминаний хватит
лет на пять, а может, лет до ста...

Возвратит счастливых нас автобус
в неказистый, деревенский быт,
выпал в жизни нам счастливый пропуск
в эту Сказку под названьем Быль!

Снова мама гладит мне рубашку,
но не ту – с звездой на рукаве...
И я вспомнил – прямо до мурашек –
как бежал я в детстве по траве...

По пути на перевал

По пути на перевал
на снегу я написал
семь слогов, всего три слова.
День искрился и сверкал.

Меж камней журчал ручей.
Звал прозрачностью речей.
Перечёл слова я снова
и унёс в душе своей.

Мне рюкзак тянул плечо.
Что устал – так то не в счёт.
Я всю дальнюю дорогу
что-то напевал ещё...

Может, быль, а может, ложь.
Верить, нет ли – хошь как хошь.
Да спроси ты ту сороку
и тогда слова найдёшь –
«Таня», «Ваня» и «Алёша».

* * *

А мне многого вовсе не надо...
Пить снега и на звёзды глядеть!
Жить в России – такая награда!
Да ещё – не проснулся б медведь...

Да чтоб лыжи скользили морозом,
да костёр в тишине – в неба высь!
Ненароком мне иней с берёзы
не стряхнуть бы... Живи и молись!

Благодарствуй! И помни – впервые
ты на свете на этом живёшь!..
А дремучие тропы лесные
ты такие нигде не найдёшь!

В целом мире *одна* лишь Россия!
Без конца и без края... Бог весть!..
Где ты встретишь снега вековые,
где ещё вот такая же есть?

Где цепляет тебя так за душу
колокольный святой перезвон?
Где ещё вот поют *так* «Катюшу»
и печальные лики икон?

От замшелости изб вроде б легче...
Жизнь отдать да за други своя!
И далёкая тройка всё лечит
сердце мне, бубенцами звеня!

А мне многого вовсе не надо...
Пить снега и на звёзды глядеть!
Жить в России – такая награда!
Жить в России и в ней умереть...

**Татьяна
ГРАЦ**

**Алла
КРАСНОВА**

Недописатели

Главы из романа

Глава 1

Мия Мур

Говорят, всегда сложно начинать что-то новое. Вроде как разумом овладевает страх чего-то неизведанного, и сознание старательно откладывает это событие до понедельника. Или до первого числа следующего месяца. Или до нового сезона. Ну, если уж совсем ужас обуял, то после Нового года точно пора... Но я не такая, я – другая (здоровствуй, клише), поэтому не стала ждать следующего сезона и уже четвертого сентября этого года оказалась стоящей перед воротами будущего. Моего будущего.

– База отдыха «Сморода», – вслух прочитала вывеску и поморщилась в очередной раз. Складывалось неприятное ощущение при произношении названия. Оно вызывало только одно желание: сесть на моцик и уехать обратно в Ярославль.

Но бегство – для слабаков. Я шагнула дальше к калитке и нажала на звонок. Менеджер, с которым переписывалась в соцсети, говорил, что меня должны встретить. А как иначе? Я ехала на моцике почти три часа. Мой тёмно-фиолетовый железный конь до сих пор стоял у ворот с поклажей и ждал, когда ему найдётся место

для парковки. Он поблёскивал под лучами солнца и как будто бы подмигивал мне фарой, уговаривая вернуться домой. Сентябрь продолжал радовать тёплыми денёчками, и я, одетая в кожаную куртку, изнемогала от жары. Меня нагрело, словно булочку в тостере, ещё немного – и я выскочу из одежды.

Интересно, в том прудике можно купаться? Через ограду я заприметила маленькую лужицу, похожую на озеро или пруд. Потом постояла ещё несколько минут и записывала:

– Где все?! Есть тут кто-нибудь живой?!

На мое счастье, в ту же секунду у ворот показался мужчина преклонного возраста в белой рубашке с бейджем и нашивкой «ЧОП». Он потребовал документы для удостоверения личности. Долго сравнивал меня с фотокарточкой в документе, и я его прекрасно понимала. Прошёл всего месяц с тех пор, как я оформила паспорт, и за это время я успела кардинально измениться: перекрасила волосы из каштанового в розовый цвет, подкачала немного губы, сделала татуаж бровей, прошла курсы по визажу... Да и в принципе на фото в паспорте я выглядела серой – всего лишь обычной девочкой, не имеющей права прославлять имя молодой писательницы – Мии Мур.

– Мария Алексеевна, добро пожаловать в «Смороду»! Ваш домик будет под номером три, сейчас зайдёте в ворота – и направо. Можете проходить и располагаться, в шесть вечера состоится мероприятие с фуршетом. Ваш мотоцикл я поставлю на закрытую парковку, – объявил мужчина.

– У меня будет ключ от парковки?

– Выезд в город ограничен. Чтобы получить доступ к гаражу, нужно обговорить это с администрацией базы отдыха.

– То есть с вами, – на мою лесть мужчина расплылся и разважничался, начал приглаживать всклокоченный остаток волос на макушке. Наверное, он хотел сказать, что такие вопросы не решает, но я не оставила ему для этого времени: взяла багаж с мотоцикла и прошла мимо в калитку. – До встречи, Леонид Петрович.

Специально растянула в улыбке его отчество, обыгрывая созвучность на языке. Разумеется, этот маленький трюк не поможет мне сбежать отсюда, когда захочу, но расположение от *главного хранителя ворот* получить уже удалось. Леонид Петрович ещё долго смотрел мне вслед, пока не опомнился и не занялся моим мотоциклом. Теперь пришла моя очередь дырявить мужчину взглядом: как он бережно вёл мой моцик на парковку. Я слёзно провожала своё сокровище и мечтательно представляла, как буду выезжать в город почти каждую ночь. И ограничение на выезд несколько меня не смущало.

Пройдя немного вправо, я действительно увидела домики. Маленькие одноэтажные коттеджи с покатыми крышами стояли в рядок на двухметровом расстоянии друг от друга. Деревянные порожки вели к стеклянным дверям, сбоку были пристроены беседки. Всё казалось настолько миниатюрным и экологичным, что меня начинало тошнить от наигранной идеальности. Как часто говорил мой папочка: «В душе я – панк», – вот и мне не хватало чуточку анархии в этом пространстве. Аккуратные окошки и декоративные уличные фонари на внешних стенах напоминали

кукольный мир, где всё ненастоящее и приторно-сладкое. Чуть тронешь – и кажется, всё развалится.

«Именно за этим я сюда и приехала, – важно кивнула я, – устрою им творческое умиротворение и гармонию!»

Дело в том, что я приехала сюда по приглашению, мой черновик книги вошёл в короткий список литературного конкурса. В этот раз организаторы решили вымудриться: пригласить всех участников шорт-листа в литературную резиденцию и в течение двадцати дней выбрать победителя офлайн, прямо здесь – на базе отдыха Тверской области «Сморода».

Я ни в коем случае не могла упустить такую хорошую возможность проявить себя. Подумать только! Я буду бороться за первое место наравне с опытными писателями, прослушаю курс лекций от заслуженных литераторов страны, а в случае победы получу пропуск в мир традиционных издательств. Моя книга увидит свет...

– Чего встала? – послышался грубоватый тон со стороны двери третьего домика.

Я обернулась на голос, но лучше бы этого не делала. Буквально подпрыгнув от представшего передо мной образа, еле сдержалась, чтобы не схватиться за сердце. Рядом стояла девушка в длинной розовой юбке и голубом оверсайз-свитере, с непонятным скворечником из волос на голове. Мне удалось разглядеть отголоски эклектики в этом безобразии, но, скорее всего, это были лишь пародия и неумелое сочетание всего подряд и сразу.

Немного по привыкнув к девице, я нашлась что ответить:

– А ты чего не даёшь пройти?! – самая лучшая защита от нападения – это переключение на другую проблему, желательно проблему собеседника.

– А-а, так мы сосе-е-еди, – протянула девушка, сунула руки в карманы юбки, развернулась и прошла в дом, постукивая сапогами цвета розового леопарда.

Я демонстративно поправила рукой волосы и уверенно прошла следом. Мне было нечего бояться, разве что слишком много розового цвета на квадратный метр. Но решила, что девушка со скворечником на голове как соседка намного лучше, чем если бы это была вдохновлённая романистка-жаворонок, из которой пышет позитив и жизнелюбие. Убила бы в первый же день!

Войдя внутрь, сразу же обратила внимание на светлый молочный ковёр в холле. Наспех стянула мотоботинки и носки, занырнула ступнями в его мягкий ворс. От восторга хотелось мурчать, но я только прикрыла глаза и подставила лицо солнцу, подсматривающему в окно. Помимо ковра в общей комнате стоял диван, больше похожий на пух, весь раздутый и разваленный в стороны. У противоположной стены ютилось подобие электрического камина с порталом, а на его выступе сверху были расположены ароматизированные свечи и палочки. Антураж разбавляли картины со знаменитостями, нарисованными в шаржевом стиле.

Я так и не села на диван, беспокоясь за его наполнитель и слабые швы, поэтому с огромным любопытством продолжила изучать помещение. Сотрудники базы отдыха реально потрудились над атмосферой в домике к приезду писателей:

повсюду можно было увидеть книги – на навесных полках, журнальном столике, прикроватных тумбочках и в шкафу, даже в ванной комнате рядом с туалетным постаментом я обнаружила парочку лёгких любовных романов. И книги не единственный атрибут, на стенах в коридоре от руки были выведены чёрной краской цитаты великих писателей. Мне первой попала на глаза фраза Оскара Уайльда:

«Будь собой. Прочие роли уже заняты».

Внезапное озарение настолько озадачило меня, что я едва заметила рядом всё ту же странную особу с чёрной ленточкой на шее. Соседка стояла у меня за спиной, по-прежнему держа руки в карманах.

– Здесь две спальных комнаты, четыре кровати. Если хочешь, можешь занять койку по соседству со мной, – нудно проговорила она, немного в нос, как если бы простыла.

Может быть, это хорошая идея, учитывая, что ещё двоих соседей я пока не видела. *Эта* хотя бы адекватная. Почти. Я подошла ближе к чудилке, сократив донельзя расстояние между нами, протянула руку. Соседка слегка отстранилась, но свою ладонь всё же неохотно подала вперёд.

«Ага, не выносит близкого контакта», – подметила я.

– Мия Мур, двадцать лет, пишу психологические триллеры, обожаю панков и байки, в частности – своего «Кавасаки», на нём и приехала сюда, – пришлось немного рассказать о себе, чтобы при рукопожатии получше рассмотреть позу соседки. И так, рука по большей части была приклеена к телу, что означало нежелание проявлять симпатию при знакомстве. Выходит, её доверие придётся ещё заслужить. – Ах да, предупреждаю: я абсолютная сова, рано не будить. И вообще лучше не будить, мне эта утренняя процессия с завтраком и зарядкой не интересна.

– Ясно, – ответила соседка, наклонила набок голову и присмотрелась. После отвела взгляд, как бы задумавшись, о чём мне следует знать. – Марго Шар, двадцать семь лет, пишу детективы и психологические повести, мне нравится эклектика и... честно говоря, я вообще не понимаю, как сюда попала. Написала что-то от балды, так меня сразу в шорт-лист включили. И вот я здесь, даже не старалась, – скептически хмыкнула она себе под нос.

– Мило.

Судя по знакомству, с ней будет сложно и легко одновременно. Плюс в том, что Марго свободно поддавалась моим трюкам, что, конечно же, осаживало её характерное недовольство. Минус был в её занудстве и закрытости. Но для начала информации о моей соседке, с которой мы проведём двадцать дней в одной комнате и потом больше не увидимся, – вполне достаточно. Я улыбнулась напоследок и ушла в спальню разбирать вещи. Было необходимо подготовиться к вечернему мероприятию, чтобы выглядеть во всеоружии. Уже сегодня я намеревалась выяснить, какой компании нужно придерживаться, дабы стать поближе к жюри конкурса. Меня не интересовали дружба и всего лишь участие, я хотела быть первой, лучшей и запомнившейся всем. И если для этого придётся кинуть всех участников в яму – я это сделаю. Такovy правила моей игры.

Марго Шар

И вот я в «Смороде»! База отдыха для писателей приветствовала меня сентябрьским зноем, я была почти счастлива! Полностью буду счастлива, только когда меня выберут победителем, но это не за горами. Главное, верить в победу, и победа будет моя. Я знала, что пройду в шорт-лист, знала, что меня пригласят. Ещё бы, с семнадцати лет, то есть уже десять лет подряд, пишу и пишу, пишу и пишу, как раб на галерах. Я ничего за это не получаю. Пока все мои ровесницы заводят романы, делают карьеру, выходят замуж и рожают детей, я пишу. И вот результат – меня пригласили. Эта победа должна быть моей, иначе никак. Я её заслужила.

Я уже просмотрела возраст всех участников, так как нашла их в соцсетях. А как же, врага надо знать в лицо и ещё иметь немного информации о нём, на всякий случай. Обнаружила, что среди них тут в основном *сопливые* двадцатилетки, и это меня немного расстроило. Что могли знать о жизни эти дети? Ничего. Они не были достойны победы. Над своей психоделической повестью «Фея на костылях» я работала несколько лет, вынашивала её, писала её, редактировала, и, наконец, мне улыбнулась удача. Пришлось выдать рукопись за черновик, но на самом деле это чистойшей воды сокровище. Конечно, я бы предпочла оказаться где-нибудь в Лос-Анджелесе и получить действительно стоящую награду из рук самой Джоан Роулинг, но на первый раз и «Сморода» сойдёт.

Среди этих малолеток в список затесался один мужчина, которому было сорок два года. Он практически ископаемое, звали его Степан Норвежский. Я решила для себя, что буду держаться поближе к нему, чтобы выглядеть моложе. Но сейчас чувствовала себя неловко, находясь здесь. Я сильно выделялась из всех, даже тот охранник – Леонид Петрович – как-то косо посмотрел на меня. Он отчётливо прочитал мое имя: «*Шурупова* Маргарита Викторовна». Я покраснела, услышав свою настоящую фамилию. Всю жизнь стеснялась её, а он ещё так тщательно проговаривал её, как будто специально хотел посмеяться надо мной. В этот момент я точно прочитала его мысли: «А, ты ещё одна как бы писательница, которая ездит по местечковым конкурсам в надежде на славу, чтобы встретить старость с котами, потому что только они будут читать всё то, что ты написала в стол!» Да, мне показалось, что именно эти слова пронесли по его потному лбу бегущей строкой.

«Ты тоже никто, – мысленно огрызнулась я. – Неудачник. Работаешь тут охранником за копейки, а твои сослуживцы сидят уже в высших чинах».

Ну ничего, скоро о моём паспортном имени никто и не вспомнит, и останется только одна Марго Шар, моя маленькая Вселенная, в которую я убегаю от этого злобного и притворного мира.

Впрочем, не всё так трагично. Когда я увидела маленькие деревянные домики, где должны были разместиться участники конкурса, моё сердце оттаяло. Это был настоящий крошечный городок, одноэтажная Америка в русском стиле. Настолько забавно и чудно, что умиление, образовавшееся в моей писательской груди, перекрыло все негативные эмоции. Всё-таки организаторы конкурса заморочились знатно, чтобы создать нам такие условия.

Мой домик был под номером три, но входить в него сразу же я побоялась. Вначале, чтобы перевести дыхание и настроиться на нужный лад, решила немного посидеть в беседке. Что я там делала? Молилась своему писательскому богу. Я придумала его сама, ибо так писать легче. Верила, что он мне поможет победить всех. А пока молилась, мой взгляд скользил по крышам этих крохотных домиков. К сожалению, помимо крыш я видела участников конкурса, прибывавших в «Смороду», и понимала, что они – мои конкуренты, тоже писатели. Всю жизнь я сторонилась людей, мне было страшно разговаривать с ними, так как они отнимали энергию для писательских дел.

Радовало то, что в доме будут жить всего четыре человека, хотя организаторы могли заселить сюда и побольше людей. Прежде чем войти в свою комнату, я познакомилась с соседкой, с которой мы встретились в холле. А ещё успела прочитать цитаты на стенах, особенно заострила своё внимание на фразе Оскара Уайльда. Посмеялась над ней и мысленно ответила автору: «Знаешь что, старина, если я буду собой, то меня вообще никто здесь не вынесет. Лучше уж я поприкидываюсь хорошей, коммуникабельной девочкой. Притворство спасает».

Эту же рабочую схему в общении я использовала и со своей соседкой – Мией Мур. Хотя... ну какая она Мия? Машка она, Мария Бронникова. Она написала чудаковатую книгу с названием «Поиграй в меня», которую выдавала за психологический триллер. Я её не читала, поэтому не осуждала. Хотя ладно, осуждала, ведь что хорошего может быть под таким нарочито надуманным названием? Ничего.

Моя комната была в аскетическом стиле: две кровати, две тумбочки, два шкафчика – всё поделено на два. Это немного напоминало пионерский лагерь, где я отдыхала летом. Когда раскладывала свои вещи по полочкам, краем глаза изучала поведение соседки. Честно говоря, я её побаивалась. Она приехала сюда на байке и с розовыми волосами. Сразу было видно, что хочет выпендриться. Ну зачем ей этой байк? Села бы лучше на обычный поезд, как делают все нормальные люди. Но этого я ей не сказала, потому что старалась быть душкой.

– У тебя отличные розовые волосы, – сказала ей я. – Сколько отдала за покраску? Ты сама или в салоне?

По-моему, её немного смутил этот вопрос. И я огорчилась тем, что пока не умею на все сто вписываться в образ душки. Моя окаянная натура лезла через него во все щели. Но Мия быстро ответила:

– Папа красил. А мама помогала.

– Ого! – я была искренне удивлена. Немного помедлила, затем спросила с самой милой улыбкой, которую только могла изобразить: – Как тебе здесь?

– Тоскливо немного, но надеюсь, что моё впечатление изменится вечером. Обожаю вечеринки!

Я поулыбалась её ответу и поставила себе жирный плюс за коммуникабельность и отвагу вступить в разговор с малознакомой девицей. Но было не смешно, ведь целых двадцать дней мне придётся держать этот образ хорошей девочки и стараться не ляпнуть ничего лишнего. Двадцать дней – это много. Мои последние отношения длились четырнадцать дней, и этого было вполне достаточно для того, чтобы ещё два года подряд о них думать и расстраиваться. Я считала, что «Сморо-

да» – это в каком-то смысле противоядие от моих внутренних терзаний и что она поможет мне забыть Его. Хотя давно пора забыть Его, ведь он не звонит мне уже полтора года!

Я подивилась, когда узнала, что моя соседка – сова. Меня тоже нельзя будить по утрам. По утрам у меня депрессия, и лучше это время переспать. Ну а творить лучше ночью. Почему? Потому что ночью не так сильно были видны ошибки и корявость текста, ночь сглаживала все углы, ночь благоволила писателям. Только ночью могло показаться, что ты – гений.

Но кто же знал, что именно в домик под номером три поделят ещё двух соседей, заявивших с порога о своем жаворонковом режиме?! Нет, даже в страшном сне такое мне не могло присниться! Одного нашего соседа звали Тимур Ледовских. Я успела перекинуться с ним всего парой слов. Молоденький такой, темноволосый парнишка. Он сказал, что пишет романы, поэтому особого значения я ему не придала. Какие романы в его двадцать лет? Меня заинтересовало больше то, что он с собой привёз какой-то загадочный коробок. Подметила, как он бережно держал его в руках. Неужели решил проводить тут магические ритуалы, и там у него лежит соответствующий инвентарь? Хотя вряд ли это поможет ему победить.

А вот второй сосед мне понравился. Им оказался тот самый Степан Норвежский, только он был не из Норвегии, а из Санкт-Петербурга. Тот самый, которому сорок два года и к которому я хотела держаться поближе. Мы сразу с ним поладили. Добродушный, простой дядька в давно вышедших из моды штанах. Я спросила у него, что он пишет, и он рассказал про автобиографическую повесть, оказавшуюся психологической. Она называлась «Отпусти меня, Клара». Я тут же добавила к его характеристике ещё одно слово – страдалец.

Вот с такими соседями мне предстояло провести двадцать дней в замкнутом пространстве под названием «Сморода». Как будто нас отправили в космос. Для меня обратный отсчёт пошёл. Двадцать дней ада, которые я должна была выдержать ради победы в конкурсе.

Глава 2

Мия Мур

Если бы у меня были чёрные волосы, я бы надела красное платье. Это выглядело бы очень эффектно и трендово. Но ещё дома, в Ярославле, когда собирала вещи, я поняла, что красное платье идет вразрез с моими розовыми волосами. Пришлось его оставить томиться в шкафу. Зато теперь я могла использовать в своих интересах чёрное платье-чулок с разрезом до бедра. Оно подчёркивало мою талию, делало особый акцент на груди, но что важнее: привлекало внимание. Этот момент я уже протестировала на соседях. Представители мужского пола пооткрывали рты, когда я выходила из спальни, чтобы повертеться у большого зеркала в коридоре. Я была почти готова к мероприятию, оставалось добавить несколько деталей: чёрную сумку из кожи на заклёпках, серьги с крестами и... очень хотелось дополнить этот

образ грубыми ботинками. Но в конце концов обула туфли на мощном каблуке. Искусственно образовавшийся высокий рост решал проблему за меня – он отвечал за психологическое давление. На каблуках я чувствовала себя увереннее и могла смотреть на *мелких пешек* свысока.

Выделив серые глаза с помощью подводки и добавив румян, я вышла из комнаты и предстала перед соседями во всей красе. Я так и не успела познакомиться с ними, поэтому чувствовала себя гостем зоопарка, когда двое мужчин сидели на диване и что-то бурно обсуждали. Единственное, что мне удалось отметить: с одним из них мы были ровесниками. В его глазах читалось столько наивности и ребячества, что можно было ожидать от этого соседства любых развязок. Другой мужчина выглядел солидно, чем-то напоминал моего папульку, только без денег. Мой папочка сейчас бы ни за что не вырядился в престарелый костюм и ни в коем случае не стал бы так открыто общаться с парнем, который вдвое младше него. А вообще – что-то душевное и приятное в этом мужчине было.

– А что, сегодня показ мод? – поинтересовался парень помладше, окончив балаган и обратив на меня внимание.

Я смерила его стойким и равнодушным взглядом, чтобы парнишка сумел осознать, с кем связался. Пока томила Тимура молчанием, успела рассмотреть его получше. Меня забавляло простое лицо юноши и его слегка топорщившиеся уши, бесила маленькая родинка над левой бровью. Каштановые волосы были цветом моих волос, тех, которые скрывались под розовой краской. Но больше всего меня удивила форма одежды – просто скейтерские джинсы и футболка с «уставшими» кедами в помеси. И в этом он собирался пойти на мероприятие?!

– Ты мог бы подготовиться получше, – хмыкнула я.

– Боюсь, что платье мне не поможет, – фыркнул он.

– Любое платье выглядело бы на тебе выигрышно по сравнению с этой футболкой.

– Маш...

– Мия. Прошу называть меня Мия Мур!

Тимур и Степан переглянулись. Спустя секунду они громко хохотали. На этот шум из спальни выскочила Марго, и мальчики засмеялись пуще прежнего. Моя соседка изрядно потрудилась над своим образом, надев на белую рубашку летний красный сарафан, а на ноги – разноцветные кроксы. Ребята почти плакали от смеха, не в силах остановиться. Я и Марго молча злились, иначе говоря, кипятились как чайники. Этому следовало положить конец.

– Сейчас же прекратите балаган! С этого момента здесь нет никакой Маши, только Мия Мур!

– Была такая актриса... – проговорил многозначительно Тимур.

– Она Миа, а я Мия! И если не перестанете смеяться, мы с Марго вам устроим! Да, Марго?

– Да, – робко отозвалась она.

Знакомство с соседями получилось провальным, снова всплыл момент созвучности моего имени с Миа Мур – актрисой *очень взрослых фильмов*. Ну не знала я об этом, когда брала себе псевдоним! Ещё Марго очень не вовремя появилась в своём

шутовском наряде. Хорошо хоть Степан смолчал, не пошёл на поводу у Тимура. Это делало мужчину выше в моих глазах.

Не дожидаясь соседей, я вышла из домика и направилась к большому залу, где через пятнадцать минут должно было начаться мероприятие. Всячески старалась отпустить ситуацию с несостоявшейся битвой, но фразы Тимура больно отзывались в сердце. Всё, что мне оставалось, это только фыркать себе под нос. Я даже не заметила, как приятный мужчина в смокинге придержал мне дверь. Оказавшись в зале, стала озираясь по сторонам, прошла лёгкой походкой от бедра к одному из многочисленных столиков. Организаторы не обманули, и к мероприятию гармонично пристроились круглые островки с угощениями на шпажках и тарелками с фруктами. Официанты расхаживали по залу с подносами, угощая гостей коктейлями, музыканты разогревали сцену, поддерживая атмосферу композициями из классики. Моё длинное аристократическое платье вписывалось сюда как нельзя лучше. Я продолжала метать взглядом из стороны в сторону, выискивая человека-портал, который подвёл бы меня поближе к жюри. Кстати, членов жюри я заприметила сразу же. Серьёзные тётеньки и дяденьки стояли как бы отстранённо ото всех, казалось, что и напитки у них подороже, и закуски им подают персональные. Я выпрямила спину и гордой ланью подошла к этой группке, удерживая в руках бокал.

– Прекрасный вечер, не так ли? – пожалуй, это было единственно верным решением: начать с чего-то нейтрального.

– Да, вайб то, что надо! – ответившая тётенька явно пыталась быть на молодёжной волне. Однако это резало слух, словно неумелый сёрфер, желавший покорить самую резвую волну. Но я подыграла ей:

– Как верно вы подметили! Отличный вайб! Столько участников, я поражена организаторскими способностями.

– Вы?..

– Мия Мур, автор черновика «Поиграй в меня», – подсказала я, не дожидаясь, когда тётя и все присутствовавшие доиграют в «Угадай, кто».

– Я вас читала! Хороший слог, – внезапно проговорила девушка, стоявшая слева от меня. Она протянула руку и представилась: – Василёк Кристина Эдуардовна, журналист, автор двадцати книг, литературный критик, блогер, член Союза писателей.

«Вот это Вася... всюду преуспела», – подумала я и ответила:

– Благодарю.

Я хотела было сказать что-то ещё, но в зале зазвучала чересчур громкая музыка, привлекая внимание всех собравшихся. Участники подобрались поближе к сцене, а члены жюри заняли свои места на специально подготовленных красных креслах-пародиях какой-нибудь американской передачи. В толпе я сумела разглядеть своих соседей по домику. Сама же держалась особняком. Собирая многочисленные скольльзящие взгляды, не спешила нырять в толпу. Я следила не за тем, что происходит на сцене, а за ситуацией в зале. Помимо официантов к красным креслам подходили юноши и девушки, я запомнила некоторых из них по одежде: парень в синем пиджаке, девушка в красных лодочках, очкарик в клетчатой жилетке...

Когда со сцены была произнесена вступительная речь и ведущий начал представлять членов жюри, я предприняла первую попытку познакомиться с «привилегированными». Подошла к девушке в красных лодочках.

– Потрясающе выглядишь! Это Гуччи? – указала на её модную сумочку.

И она затрещала про неё. Минуту, две, три... я потерялась во времени, так долго и невыносимо скучно девушка говорила про предмет гардероба. Но было необходимо заговорить с человеком о том, что ему интересно. Как известно, люди обожают болтать о себе. Поэтому я, не скрывая, пользовалась золотым правилом: задавай правильные вопросы, выслушивай скучные ответы, активно кивая головой, а после получай приятные бонусы. Эта девица повелась на хвалу и на лжезаинтересованность, трюк удался, и она мне стала не интересна.

Кое-как распрощавшись с обладательницей «умопомрачительной сумочки с фирменной фурнитурой, ручкой из бамбука и формой в виде полумесяца из коллекции 1947 года», я направилась к остальным жертвам моего психологического эксперимента. С парнем в синем пиджаке и очкариком в клетчатой жилетке также проблем не возникло. Они умели много говорить о себе, а я умела делать вид, что хорошо слушаю. Не лишним оказалось и сокращение дистанции, я завоёвывала новую территорию, случайно коснувшись чужого локтя и поправив мужской галстук. Парни растаяли меньше чем за тридцать секунд. Их завышенное чувство собственной важности не давало им усомниться в том, что они самые достойные из достойных. Ага, хоть сейчас созывай журналистов и бери интервью для первой полосы.

Всё шло довольно-таки неплохо. Я игриво хохотала над несмешными шутками парней, к нам даже присоединился один из членов жюри, внезапно заскучавший от сидения в красном кресле. Концерт на сцене лился фоном, отлично вуалируя тишину отвлечением на происходящее в программе. Наша группка из «привилегированных» участников становилась всё больше, вбирала в себя теперь ещё и опытных лекторов и известных редакторов, работавших в традиционных издательствах. Я пересеклась взглядом с одним значимым мужчиной, уже собиралась сказать ему приветственное слово и автоматически запустить себя в круг любимчиков этого конкурсного сезона, но... внезапно подошёл Тимур. И не просто подошёл, а на достаточно близкое расстояние, слегка зацепив своим кедом мою ногу в туфле.

– Извини за эту дурацкую ситуацию с именем, – проговорил Тимур, не сводя с меня глаз.

– Извинения приняты, – коротко ответила я, также не отводя взгляд.

– Я надеюсь, что мы подружимся. Всё-таки двадцать дней в одном доме.

– Верно, это должно быть очень забавно.

– Ты из Ярославля? Рита сказала, что ты приехала сюда на мотоцикле.

– Так и есть.

Я любезничала, сокращала расстояние и трогала его плечо. Тимур не смущался, не отступал и не переводил взгляд. Редко, кто так нахально игнорировал психологическое нападение. Он сглаживал мои выпады, как бы закругляя углы, и не боялся пораниться. Это означало только одно: он в игре. Тимур известен её правила, и он не хочет уступить мне. Такое поведение вызвало во мне шок и при-

ятный восторг. Теперь я была уверена – мне здесь не будет скучно, с удовольствием посмотрю на *Тимуровское поражение* в конце.

– А ты из какого города? – промурлыкала приятным тоном, притворившись поверженной, и, сделав глоток из бокала, показала зубки.

«Я тоже в игре», – мысленно произнесла я.

Марго Шар

Когда я уходила с мероприятия, в голове по-прежнему крутились эти картинки, с которыми мне предстояло жить. На самом деле я не смогла продержаться до конца, поэтому ушла раньше. Чувствовала себя белой вороной на этом чужом празднике жизни. Хотя нет, не вороной, ещё хуже – я чувствовала себя попугаем, пёстро обутым, которого только и научили, что повторять слова. Я была не в состоянии поддержать разговор ни с одним из участников. Мне хотелось прильнуть к Мие, всюду искала её глазами, но она только и делала, что показывала свою красоту в вызывающем платье и флиртowała с Тимуром.

Мой мозг взрывался карнавальным этикетом местечкового праздничка. С чего вдруг эти люди так вырядились, как в последний раз? Зачем платья и сумки, кого они хотели этим удивить? Я мечтала встать посреди зала и громко сказать: «У нас тут что? Литературный вечер или вечеринка у Гэтсби?!» Мое подсознание скомандовало: «Бежать!» И я ему поверила, только вначале побежала в туалет. О, эти туалетные встречи! Наверное, когда я прославолюсь, то в своих мемуарах уделю им особое место. Так и назову главу – «Туалетные встречи», потому что даже в этой малюсенькой «Сморode» меня настигла карма. Я мыла руки и смотрела в зеркало, чтобы немного поправить макияж. В этот момент ко мне подошла девушка. Она была очень маленького роста, почти Дюймовочка, но по морщинам на её лбу и шее я поняла, что ей где-то за тридцать, а может, и больше.

– Добрый день, – очень мило поздоровалась со мной Дюймовочка. – Мне кажется, вас я ещё не сфотографировала. Меня зовут Инна Карлсон, я фотограф на этом мероприятии.

Что-то внутри больно кольнуло. Ну почему, почему она нашла меня именно здесь? Почему ко мне нельзя было обратиться в зале? Я что, выгляжу хуже остальных и меня можно заметить только посреди унитазов? Тем не менее я изо всех сил старалась быть милой. Меня успокаивало только одно: после этого фотографирования я смогу спокойно уйти в свой домик.

– Очень приятно познакомиться, – сказала я, стараясь улыбаться. – Сейчас только немного поподрю носик.

Я быстро вытащила из своей пёстрой сумки пудреницу и заметила, как у меня нервно подрагивают руки. Не люблю, когда на меня смотрят. А она смотрела. Практически в упор. Я злилась на неё за это и улыбалась одновременно. Очень тяжело улыбаться, когда ты злишься, а ещё труднее – пудриться во время этих совмещённых эмоций.

Разумеется, она фотографировала меня в зале. Говорила, как мне встать, каким боком повернуться. Периодически подходила и показывала получившиеся кадры, но

я не обращала на них внимания. Была уверена, что получусь плохо. Что-то не припомню ни одной фотографии, на которой бы я получилась хорошо. Но себя утешала тем, что все мои мытарства окупятся победой в этом конкурсе.

Образ домика у меня теперь был чем-то вроде спасения. Наверное, я ушла с мероприятия первой. Хотела побыть одна. Не помню, как забежала в свою комнату и плюхнулась на пол, прислонившись спиной к кровати, вытянула измученные ноги в кроксах. Моё сердечко бешено стучало, как будто за мной гнались, хотя за мной никто не гнался, кроме моих воспоминаний. Я была рада, что Мия осталась там и ещё долго не придёт. Видела, как легко она влилась в эту компанию. Мия чувствовала себя там как рыба в воде, чего нельзя было сказать про меня. Я чувствовала себя как рыба, которую вынесло волной на песчаный берег.

Посидев немного на полу, я стала приходить в себя. «Ну что, уже почти один день прожит, осталось продержаться еще девятнадцать дней. До победы», – поразмыслила я. Сняв кроксы и аккуратно поставив их под кровать, потянулась к тумбочке, к её нижнему ящичку. Там в красной коробочке у меня лежали маленькие бусинки разных цветов. Я взяла её и осторожно высыпала содержимое на деревянный пол. Кому-то может показаться странным, но это был мой ритуал, моя гимнастика для мозга, которую я выполняла каждый день. Делала так уже почти год, и мне казалось, что был результат. Смысл заключался в том, чтобы разобрать эти бусинки по цветам: синие, красные, зелёные, жёлтые, оранжевые, фиолетовые и чёрные. Всего должно было получиться семь маленьких кучек. Таким способом я развивала мелкую моторику, запускала мозговую активность. Когда я доводила это упражнение до конца, то мне и вправду думалось, что мозги начинают шевелиться. Хотя иногда вместо них начинали дергаться нервы, всё-таки упражнение затылочное. Но только так, при помощи него, я развивала терпение и выносливость. Взяла эти бусинки сюда, в «Смороду», потому что не могла оставить свой мозг без тренировки даже на день.

Собрав пятую кучку из бусин оранжевого цвета, я услышала чьи-то шаги в доме. Неужели Мия вернулась? Замерла в ожидании того, что сейчас она войдёт сюда и увидит мою секретную тренировку. На всякий случай попыталась придумать, что ей соврать. Мне не хотелось, чтобы ещё кто-то знал, чем я тут занимаюсь. Так просидела где-то минуту, но никто не вошёл в комнату. Я быстро собрала бусинки в коробку и встала посмотреть, кто же там ходит. Медленными шагами подошла к кухне и увидела Степана. Он стоял ко мне спиной и наливал кипяток в белую большую чашку. Его спина выглядела расслабленной. Он был такой простой, равнодушный, как у себя дома. Я удивилась, что Степан покинул мероприятие, не дождавшись конца. Почувствовав мое присутствие, он обернулся.

– Будешь чай? – спросил он с доброй, чуть смешливой улыбкой. – Я привёз с собой алтайские травы, всегда их завариваю. Мне друзья их присылают с Алтая.

– Нет, спасибо, – чуть нервно сказала я. – Я пью только кофе.

– А, кофе. Я тоже раньше пил кофе, но чай лучше. С тех пор, как завязал с алкоголем, только его и пью, – очень просто произнёс Степан.

Забавно, что этот дед делился со мной такими подробностями, ведь я предполагала, что проблемы с алкоголем надо скрывать.

– Хотя ладно, налейте и мне, – произнесла я, вспомнив, что нужно быть душкой.

Решила, что от меня не убудет, если выпью эти вонючие травы, зато коммуникацию с соседом налажу.

– Это твоя кружка? – поднял он мою полупрозрачную чашку светло-кофейного цвета.

– Да, моя.

Я, когда собиралась на конкурс, долго продумывала не только свой гардероб, но и посуду, которую возьму с собой. Лучшим вариантом мне показалась эта чашка. По чашке можно было многое сказать о её владельце. Отдав предпочтение этой самой кружке, я хотела стать прозрачной для других. Или полупрозрачной.

Странно, но сама не заметила, как перешла со Степаном на «ты». Раньше никогда не умела так быстро сокращать дистанцию с человеком. А с ним всё было слишком легко. Он просто стоял и наливал мне кипяток в чашку, а потом сыпал туда травы из маленького бумажного пакетика.

– Не беспокойся, травы сейчас осядут, и чай будет чистый, – поставил он мою чашку на стол. – Ты, кстати, из какого города?

«Фигасе», – шокировалась я. Он как будто не от мира сего, даже не посмотрел, из какого я города. А я-то про него всё знаю, уже все соцсети обшарила. Не женат. Из Санкт-Петербурга. Работает слесарем.

– Из Москвы, – заулыбалась я.

– Эх, – махнул он легко рукой, – моя бывшая тоже была из Москвы. Про неё-то, голубушку, вся эта повесть и написана.

– «Отпусти меня, Клара»?

– Да-да. По-честному, я просто так написал, не знал, куда её деть. Для издательства мне не хватало количества знаков. Вот и отправил на конкурс. Только не думал, что он будет в Твери.

Я, от таких откровений, отхлебнула из своей чашки и обожгла язык.

– Ой! – вскрикнула я. – Обожглась.

– Ничего-ничего, – улыбнулся Степан. – Чай уже не сильно горячий. А я вот сильно, сильно обжётся на тех отношениях.

– Она что, была плохой? – я начала задавать идиотские вопросы.

– Нет, не плохой. Хорошей. Просто не сложилось, – ответил он, сделав глоток из чашки. – Мой уже заварился, ты тоже свой скоро сможешь пить.

– Замужем была? – не унималась я.

– Не-а, – махнул он головой. – Просто иногда так бывает: ну не складывается у людей, и всё. Понимаешь?

Я опустила взгляд в чашку. Я должна была ему сказать, что понимаю, потому что мой образ душки требовал того самого, но вместо этого тихо проговорила:

– Не понимаю.

Сказав это, испугалась и внутренне затаилась, словно если ты скажешь правду – тебя тут же рассекретят. Жить в образе другого человека – всегда безопасней, потому что он – панцирь.

– С годами поймёшь, – улыбнулся Степан.

И мы с удовольствием поболтали бы ещё, если бы вдруг я не услышала, как скрипнула дверь. В домик вошли Мия с Тимуром, разрушив наш междусобойчик со Стёпой. И, кстати, чай мне показался приятным на вкус.

Глава 3

Мия Мур

Всю ночь перед моим носом стоял запах этих грёбанных алтайских трав. Он пробирался далеко под корку головного мозга и повелевал моим подсознанием. Сначала всё было хорошо, и мне снилось мероприятие, мои руки, удерживающие бокал с напитком, приятные слова от членов жюри, каждый из которых мечтал познакомиться со мной лично. Потом они учуяли странный аромат, и я поняла, что несёт им от меня. Литераторы засмеялись, потом я внезапно оказалась голой, вместо человеческого голоса из моего рта послышались звуки сирены, а всего лишь запах превратился в едкий туман, как от дымовой шашки. Закончилось всё тем, что я в реальности рухнула с кровати под звон чудовищно громкого будильника.

– Что? Где? – в непонятках засуетилась по полу, пытаюсь продрать глаза.

Марго игнорировала будильник, спрятав уши с головой под подушку. Было видно только её недовольную моську и губы, сложенные в обиженную трубочку. Она, как и я, ненавидела ранние подъёмы, а на часах тем временем красовалась цифра шесть. Шесть утра. Я кое-как поднялась с пола, вслепую вытянула плюшевые штаны из шкафа, надела их и ещё серый свитер крупной вязки с дырками – тренд этой осени. В очереди в ванную комнату стоять не пришлось, так как Тимур и Степан давно проснулись (ещё задолго до будильника). Я проводила их убийственным взглядом из домика, а потом чуть не ушла в астрал, прислонившись к стене. Мне требовался сон. Но щётка, зажатая меж зубов, напомнила о себе, когда шмякнулась на пол пастой вниз. Наверное, решила поддержать закон Мёрфи: где бутерброд с маслом всегда падал маслом вниз. Марго чуть не наступила на неё, потому что шла с почти закрытыми глазами. Ей бы ещё руки вытянуть перед собой, и можно пародировать ходячих мертвецов. В общем-то, общий враг – раннее утро – нас объединил, и мы очень дружно почистили зубы.

– Спать хочется... – зомбированно проговорила я.

– Ага... – еле шевеля языком, ответила Марго.

Но временный дружеский союз был разрушен, как только мы вернулись в спальню и я прокатилась по какой-то маленькой цветной бусинке. Потеряв равновесие, чуть не упала. Марго тут же очнулась, её глаза широко распахнулись, движения стали более резкими. Она в момент подобрала злосчастную бусину и на мой вопрос «это твоё?» грубо кинула:

– Моё, а тебе-то что?

«Запущенный случай. Двадцатисемилетняя девица отвоёвывает разноцветную бусину», – поразмыслила я, насколько вообще могла размышлять в таком состоянии.

Выйдя из домика, я съёжилась от резкого перепада температур. На улице было ещё свежо, хотя к полудню уже обещалось плюс двадцать восемь. Очень скоро все участники резиденции собрались перед домиками. Они тоже задавались вопросом, зачем их подняли в такую рань. Но общее недоумение озвучил один парень, когда на поле показался мужчина в спортивном костюме. Он ответил:

– Открытие сезона, зарядка и завтрак.

Послышались недовольные возгласы, но тренер не думал их слушать. Мы гурьбой направились в сторону спортивной площадки. Я и Марго догнали соседей по домику, чтобы быть со *своими* среди *чужих*. По правде говоря, мы просто тор-мозили и боялись сделать что-то не так, в то время как Тимур и Степан сияли ярче всех. Ребята заряженно передвигали ногами, не шаркая ими по земле, они весело переговаривались и подтрунивали над совами, которые от недосыпа никак не могли ответить что-нибудь колкое в отместку обидчикам.

– Восхитительное утро! Какой свежий воздух! Удивительно красочные поля! Хочется петь! – громко, чуть ли не мне в ухо, проговорил Тимур.

– Не смей. Ещё слово, и...

– *Утренний рассвет, Солнце поднималось над землёй.*

Просьтался лес, Восхищаясь розовой зарёй, – поэтично произнёс он, игнорируя мои угрозы.

Его хотелось стукнуть чем-то тяжёлым. Ничто так не раздражает, как довольный жаворонок, пытающийся доказать, что утро – это самое прекрасное время суток. Я смолчала на этот раз, но пообещала отомстить Тимуру чуть позже, когда мозг окончательно проснётся и начнёт подкидывать умные идеи.

Спустя десять минут разминки мы стали бегать по кругу. Тренер подгонял нас свистком и ударными хлопками ладоней, задавая темп. Я заметила боль на лице Марго, как она еле переносит происходящее, и сочувствовала ей. Нам с трудом давались все упражнения, прыжки и круговерти руками. Когда дошла очередь до поднятия колен до пояса, показалось, что к ногам цепью прикованы неподъёмные глыбы, оттого стопы еле отрывались от земли и через секунду возвращались на место. Не хотела упоминать про берпи, иначе говоря – прыжки с планкой и отжиманиями. Вот тут большая часть участников конкретно подвыдохлась. На втором берпи я уже лежала на земле в позе «мёртвого супермена» и молила бога о том, чтобы этот кошмар быстрее закончился. Что-то мне подсказывало, что Марго лежала где-то рядом, но лень было поворачиваться и открывать глаза. В это «прекрасное» утро я чуть не умерла. И это был только второй день моего пребывания здесь. О вдохновении, наполнении творческой энергией и говорить нечего! Зарядка выжала из меня все соки.

В столовую мы шли дико уставшие и недовольные. Плелись как пострадавшие на поле боя. Каждый вымученно взял поднос и встал в очередь. К счастью, это надолго не затянулось, так как многие хотели есть после изнуряющей тренировки. Я заприметила, что к отвратно выглядящей овсянке прилагается аппетитное миндальное печенье. Даже улыбнулась на это открытие. Дождалась своей очереди, выхватила печенье, стиснула зубы от вида каши и уселась на свободное место. Ко мне тотчас присоединились соседи. Степан вполне себе с удовольствием увлёкся овсянкой, а Марго подозрительно

щурилась на угощение, рассматривая его, точно под лупой. Тимур пил кофе с молоком, на вкус будто из детства, ещё из садика, с пенкой. Я, не стесняясь, запихала в рот почти всё печенье и стала довольно пережёвывать его, как хомяк.

– М-м, фкуфно! Обоваю! – я наслаждалась единственной приятностью этого утра. Нисколько не переживая, что обо мне подумают. Собиралась вобрать из этого события для себя максимум ощущений.

– Да ладно? Тогда держи моё, – пожал плечами Тимур.

И тут я вспомнила, что собиралась ему отомстить. Тогда сначала, конечно же, отказалась от печенья, а после стала захватывать территорию. Невзначай отставила свою тарелку с нетронутой кашей на его сторону, как можно сильнее облокотилась на столешницу, опустошённый стакан крутила в руках, то и дело передвигая его на вражескую территорию. Находясь во власти моих манипуляций, Тимур должен был чувствовать себя паршиво и обделённо, как и другие люди, с которыми я проводила подобные трюки. Но вместо этого он в ответ поставил свой стакан на мою сторону и хитро заулыбался, приподняв подбородок.

«Убью!» – я злилась.

У меня было припасено ещё одно грозное оружие против таких заядлых игроков, как Тимур.

– Хорошо. Давайте, признавайтесь, у кого какой икигай? – спросила я, расслабленно откинувшись на спинку стула.

Как и ожидалось, все трое сморщили морщины. Я ликовала. Это ещё один способ сбить собеседника с толку – использовать иностранные слова в разговоре. Расправила плечи, важно вздёрнула подбородок, повесила интригу в воздухе и медленно начала объяснять недоумкам значение этого замечательного японского слова:

– Икигай – это понятие, которое отражает суть жизни, её смысл. Проще говоря, каково ваше предназначение? Что заставляет вас просыпаться каждый день? Вот у меня так совпало, что мой икигай – писательство. Ни дня не могу прожить без этого! То есть моя миссия: занятие творчеством и его последующая передача людям.

– Тогда моя миссия заключается в том, чтобы объяснить людям значение чувства «Я». У меня даже роман называется «ЧувствуюЯ», понимаете? То есть игра слов, вроде бы деепричастие «чувствую», но при этом «Я» написано с большой буквы, и тогда уже можно сказать, что книга посвящается чувству «Я», – начал рассказывать Тимур, увлечённо сверкая зрачками. Они даже расширились у него, с таким неистовым удовольствием он говорил о своём предназначении. – Сколько раз вы слышали, как человек рассказывает ситуацию из своей жизни, при этом говорит о своих же эмоциях и использует местоимение «ты»: «Ты ощущаешь, ты пережил, ты думал». Но ведь это он сам пережил или думал! Значит, человек пытается скрыть своё лицо. Здесь, наоборот, важно говорить именно «я»: «Я ощущал, я пережил, я думал». Это же подтверждает термин «я-посланий», который отражает нападение «ты-посланий». Вот как вчера, Мия на меня напала, а я сглаживал конфликт, описывая свои чувства с помощью «я-посланий».

За столом все притихли. Марго насупилась, Степан ушёл далеко в себя, рассуждая в закоулках своего разума о монологе Тимура, а я выдерживала молчание, чтобы проанализировать услышанное. Выходит, мне вчера не показалось, и Тимур

действительно пользовался психологическими трюками. Только у него они добрые, у меня – подлые. Наша борьба продолжалась и сейчас, когда мы невинно сидели за завтраком. Не хватало только подраться ногами под столом. До этого, возможно, и дошло бы, если бы в зал не вошёл важный дядя.

– Доброе утро! Дорогие писатели, после завтрака у вас будет полчаса свободного времени, после чего состоится лекция. За это время мы с коллегами проведём совещание и закрепим за каждым из вас кураторов, которые будут сопровождать вашу рукопись и работать с вами до оглашения победителей конкурса. Желаю хорошего дня! Проведите его с пользой!

Закончив свою отрепетированную речь, дяденька ретировался «за кулисы». Будто и не было его. После себя он оставил задумчивые взгляды и заговорщицкие перешёптывания между столиками.

– Вот вам и кикигай! – усмехнулся Степан, встал из-за стола и махнул рукой на дверь. – Пошли-пошли, нам ещё график уборки по дому нужно составить.

Марго Шар

Второй день пребывания в «Сморode» подарил мне физру и принёс понимание, что не только от себя не убежишь, но ещё и от тренера.

Физру я ненавидела со школьных времён, потому что всегда стояла последней, когда нас просили построиться в шеренгу. Мы строились по росту, и моего роста не хватало на то, чтобы стоять хотя бы предпоследней. Я это запомнила: мне не хватает роста. Причем если вначале не хватало роста физического, то теперь ещё и личностного, будь он неладен! Я пыталась вырасти, но не получалось, как будто и тут природа «зажала» для меня сантиметры.

Когда мы делали зарядку, я изо всех сил старалась скрыть недовольство, но похоже, что Мия всё равно его заметила. До сих пор удивляюсь этой двадцатилетней девчонке, которой всё нипочем. Мне хотелось подойти к ней и сказать: «Слушай, а у тебя вообще есть психотравмы? И если нет, то на фига ты пришла в писательство? Таким тут не место».

Потом была столовка. Не, ну я, конечно, всё понимаю, но зачем кормить нас, как на убой, если мы всего лишь хотим поучаствовать в конкурсе? Кому они тут своё усиленное питание предлагают? Или они хотят, чтобы Марго Шар превратилась действительно в шар? Может быть, молодому растущему организму с ускоренным метаболизмом и можно, а мне-то куда? Мне уже двадцать семь, и всё, что я съем, со мной останется навсегда! Я бы, наверное, ещё сильнее сокрушалась по поводу физры и питания, если бы не случилось кое-что пострашнее... Говорят же: беда не приходит одна. И имя этой беды – куратор.

Образ куратора сильно соседствовал в моем сознании с образом надсмотрщица, что вызывало у меня определённые опасения. Я и так чувствовала себя здесь как в тюрьме, а тут ещё и это. И что он будет делать? Неужели критиковать меня, то есть моё произведение?! Критиковать моё произведение – это то же самое, что критиковать меня. Даже больше. Я боялась, что кто-то прикоснётся к моему тексту своим грязным языком и кинет тень на моё – уже начинающее блистать в лучах славы – имя.

Со Степаном мы, можно сказать, сдружились, нашли общий язык. Я даже стала называть его Стёпой. Полагаю, я увидела в нём отца, которого у меня никогда не было. Но мы едва с ним не поссорились, и всё из-за одной мелочи.

Когда Стёпа сказал: «Ну, кто у нас будет первым по уборке?» – я тут же, не теряя ни секунды, горячо крикнула: «Я!» Потому что не знала, куда мне выплеснуть свой пар. Если бы я сейчас стала бешено ходить по комнатам и махать руками, то все бы сказали «больная», то есть вычислили бы меня. А так руки мои были бы при деле, и никто бы не понял, что я очень сильно волнуюсь. Я не фанат чистоты, но в данный момент уборка для меня была просто необходима. И я даже не предполагала, что Стёпа тоже захочет прибираться.

– Я тоже сегодня хотел подежурить, – сказал он с лёгкой улыбкой.

В кармане своих широких штанин я нашарила монетку в два рубля.

– А давай её подкинем? – тут же сообразила и посмотрела на Стёпу. – Если орёл, то дежурю я, если решка, то ты. Всё решают деньги, – дежурно пошутила я.

Стёпа согласился. Я подкинула монетку и накрыла результат левой ладонью, потом поднесла руку к лицу, чтобы посмотреть, и сказала:

– Орёл!

Он кивнул. На самом деле там была решка, но мне очень хотелось начать дежурить прямо сейчас. Моему нестабильному эмоциональному фону уже не терпелось заземлиться в этой неторопливой деятельности по наведению порядка.

Вскоре все ушли из дома, и я почувствовала облегчение, засучила рукава. Любой, кто знал меня лично (им так думалось), называли меня «ленивцем», но это было не так. Просто я очень много времени тратила на то, что пишу, поэтому не могла заниматься другими делами.

Надо отметить, организаторы неплохо подготовились к нашему приезду: швабр, чистящих средств и даже резиновых перчаток было в избытке. Драй не хочу! «Хоть какая-то польза от этих писателей», – точно услышала я их мысли, когда они снабжали домики швабрами.

Драя санузел, я совершенно случайно вспомнила про коробочку Тимура. Самое время узнать, что там за атрибуты для магических ритуалов. Любопытство разжигало меня, это был чудесный способ отвлечься от тревожных мыслей. А тут и повод зайти в спальню мальчиков представился замечательный – уборка. Старательно делая вид, что иду убираться, я зашла в комнату, которую Тимур делил со Стёпой.

– Вау! – воскликнула я. – Да тут идеальная чистота, не то что у нас в комнате!

Оно и понятно, у них никакого гардероба с собой не было: привезли только по двое штанов и по две кепки, даже мусорить нечем. Одно слово – мальчишки. Я стала искать коробку. Сначала решила посмотреть под кроватями. Под одной из них, стоявшей ближе к окну, ничего не было. А вот под второй я увидела жёлтый чемодан и потянулась к нему. Ну, конечно же, там должна быть коробка! И как только моя рука дотронулась до него, я услышала шаги, а потом дверь в комнату открылась. Возникла пауза. Это был Тимур. Спиной я почувствовала его удивление.

– Прибираюсь! – тут же сказала я, обернувшись, и встала с колен.

– А-а-а, – протянул он, – понятно. Я кепку забыл... – замялся он. – Слушай, тут не надо убирать. Мы сами со Степаном, ладно?

– Ладно, – улыбнулась я напряжённой улыбкой. – А ты ведь из Калуги, да?

– Да.

– И хорошо там, да? – снова спросила я, чтобы отвлечь его.

– Очень, – быстро добавил Тимур.

– Ладно, – снова улыбнулась я и быстро ретировалась.

Вот так всегда бывает. Когда я стараюсь выглядеть не подозрительной, то становлюсь ещё более подозрительной.

По пути на кухню я решила, что непременно расскажу Мии про эту коробочку, заодно и повод будет поговорить с соседкой. А в том, что она найдёт подход к Тимуру и к его коробке, я не сомневалась. Мне даже захотелось посмотреть, как она это делает.

Как только я закончила убираться на кухне, в дом как раз таки влетела Мия. В руках у неё было несколько листов формата А4, и один из них она вручила мне.

– Смотри, – весело сказала она, – это расписание занятий в «Сморода», а в конце листа карандашом подписано имя твоего куратора!

– Куратора? – с ужасом посмотрела я на неё, не понимая, почему она так легко может говорить об этом.

– Да, – улыбнулась она, – у каждого свой. У меня какой-то мужик, я ещё не смотрела.

– Кстати, – вставила я своё меткое словцо, – твой Тимур что-то скрывает в коробке. Я бы на твоём месте была с ним поосторожнее.

– Во-первых, он совсем не мой, а во-вторых, это ему нужно быть поосторожнее со мной! Подумаешь, калужский писака с завышенным чувством важности. «Чув-ству-Я», – хмыкнула Мия, спародировав в конце голос Тимура, и ушла в спальню.

Я долго не могла преодолеть себя и посмотреть на листок, но, собравшись с силами, всё-таки сделала это. «Спицына Надежда Аркадьевна», – было подписано внизу простым карандашом, а сверху располагалось расписание занятий. И – о ужас! – первое состоится уже сегодня в 15:00! Взглянув на часы, я осознала, что до знакомства с куратором у меня оставалось совсем ничего. А мне ещё нужно было найти всю информацию о ней в интернете. Нельзя пойти на встречу с человеком, которого не знаешь. Но по иронии судьбы я оказалась бессильной в этом вопросе из-за проблем с интернетом. Всегда думала, что он ловит даже у чёрта на куличках, но «Сморода» внесла в моё восприятие свои коррективы...

Все занятия с куратором должны были проходить в отдельном домике с указателями. Оно и понятно: писатели – народ впечатлительный, замечтаются и уйдут куда-нибудь не туда. До Казани пешком дойдут, так куратора искать будут, полагаясь на интуицию. Поэтому с указателями надёжнее, да. Мой куратор ждал меня в доме под номером шестнадцать и в кабинете под номером пять. Пока я шла туда, усиленно размышляла над магией чисел. Именно 16.05 у меня был день рождения.

Это походило на знак судьбы, но я никак не могла его разгадать. Единственное, что пришло на ум: «Да, я – Телец и горжусь этим».

– Надежда Спицына, очень приятно! – протянула она мне свою покрытую пигментными пятнами руку, на которой, помимо чёрного перстня, виднелись синие венки.

Это образ зла в чистом виде!

Она выглядела худощавой и какой-то сморщенной, как старушка, хотя на вид ей было не больше шестидесяти лет. У неё полуседые волосы, сильно зачёсанные на затылок, и красные тонкие губы. Именно так я представляла себе лжепсихолога, всюду совавшего свой нос. Что если прямо сейчас она мысленно ставит мне какой-нибудь диагноз?! Внутренне я приготовилась к таким, как «акцентуация личности» и «повышенная тревожность на фоне скрытой агрессии». В голове мелькнула фраза моего препода по вокалу: «С теми, кого мы не любим, мы должны быть особенно вежливы».

– Очень приятно, – сказала я с улыбкой и протянула ей руку. – Марго Шар, – как прирожденный Телец я мощно обозначила своё имя.

«Что ж, к очередной психотравме готова», – сказала я себе, понимая, что zapomню эту встречу надолго.

Глава 4

Мия Мур

– Кто. Съел. Мои. Печенья? – я орала, работала в этот момент бензопилой, которая надоедливо визжала на всю кухню. – Я вчера положила их в пакет, вот сюда. Где они? Где?

Когда я проснулась, время было далеко за полдень. Хвала богам, раннего подъёма и чересчур активной зарядки пока больше не предвиделось. Но произошло кое-что гораздо более серьёзное.

– В доме завелась *крыса!* И я её найду! – возмущённо лазила по шкафчикам, надеясь уверить себя в том, что ошибаюсь.

Степан, как всегда, сидел спокойно за столом и попивал свой очередной «грудной сбор», от которого у меня кипятились ноздри. Марго устроилась на диване с книгой в холле и делала вид, что читает, но на самом деле пялилась на мою истерику и ухмылялась. Да, предлог для разведения воплей оставлял желать лучшего. Но я же вчера положила целых три миндальных печенья на кухонный прилавок и сказала, что это моё. А сегодня от них остались лишь крошки, напоминающие о сочно пропитанных коржах и ореховом вкусе...

– Это я съел, – признался Тимур, выйдя из спальни и плотно прикрыв за собой дверь.

– Ах вот как! Ну, знаешь... – если честно, я растерялась.

– Тебе жалко, что ли, для друга? – кинул мне вслед Тимур, когда я выходила в беседку.

Не стала ему отвечать, уселась на деревянную скамью и подставила руки под голову, облокотившись на стол. То был неожиданный поступок, даже от такого замкнутого парня, как Тимур. Не сомневалась в том, что это очередной ход в игре с его стороны, на который я отреагировала слишком мощно.

Но мои печенья...

«Поплакали» и забыли. Я оглянулась во двор, обвела взглядом весь периметр «Смороды». Писательский городок давно проснулся и активно существовал. Несмотря на то что тематика конкурса – «Психокниги», я совершенно не подозревала, с кем окажусь здесь. База отдыха, где находилось так много разных творческих людей, напоминала психлечебницу. Хотя бы взять вон ту девицу, вскарабкавшуюся на дерево. Зачем? Ей там легче пишется. О ней я узнала вчера, на первой лекции. Да и об остальных участниках резиденции тоже: лектор решил поддержать контактную беседу, задавая слушателям каверзные вопросы.

Помимо *русалки на ветвях* я увидела парня, лежащего на траве. Видите ли, он медитировал в позе «Шавасаны», наполняясь вдохновением и энергией. Была группа людей, тусующихся у статуи овце (да, даже такая тут есть).

– Надо записать! – послышалось оттуда, и девушка побежала в свой домик.

Её тоже знаю: каждый раз, когда ей приходила в голову мысль, она мчалась за ноутбук и начинала неистово шуршать по клавишам. Это был её способ писать. Мой способ писать никак не хотел проявляться. Моё вдохновение стояло на закрытой парковке и «хныкало» от одиночества. Для поиска музыки мне не нужно было забираться на дерево, растягиваться в позах йоги и даже не требовалось читать книги, как это делала Марго.

«Шурупчик, миленькое прозвище. Теперь-то ясно, отчего она Шар», – вспомнила я вчерашний стенд с именами участников.

Шурупова Маргарита Викторовна. Да-а, в школе бы ей досталось за такую фамилию, но нам давно не по десять лет, поэтому Шурупчик звучало с моего языка по-дружески, с каким-то теплом. Другое дело – Василёк Кристина Эдуардовна. Та самая, которая везде преуспела. Кроме того, что она – умница, красавица, журналистка, писатель, блогер и т.д. и т.п., она теперь ещё и куратор Тимура. То, что они поладили, я поняла по тому, как они сейчас весело переговаривались у статуи всё той же овце. Меня разбирала злость. Несмотря на все заслуги и регалии Кристины, хотелось несколько принизить её в глазах соседа. Но меня отвлекли, причём сделали это намеренно.

– Мари, добрый день, а идёте погуляем по резиденции? – вежливо и красноречиво произнёс Алекс.

Вообще его звали Александр Рождественский, мой куратор, но мы условились обращаться друг к другу по имени. То, что он звал меня Мари, – раздражало, но пойти против известного редактора я не могла.

– Пойдёмте, – я пустила в ход всё своё очарование.

Алекс вознёсся на пьедестал почёта, когда я взяла его под руку. В его возрасте у него ещё должно быть много женщин, и он это всячески демонстрировал: подавал ладонь, манерничал, сыпал комплиментами, приглаживал свои волосы, пытался схватить меня за бедро. Я подыгрывала, но цену себе всё равно знала и продолжала

её набивать. Импровизированно спотыкалась, избавляясь от настойчивой ладони, забегала вперёд, чтобы встретиться лицом к лицу и заодно увеличить расстояние между нами, отвлекала его, указывая рукой на достопримечательности «Смороды».

– Думала, что нам проведут экскурсию по базе, а они сразу учить, – выразила я свою мысль вслух.

– Программа резиденции настолько насыщенная, что организаторы просто не сумели внести туда ещё и экскурсию. Но ничего, поговаривают, что из меня отличный гид, – пояснил Алекс и вдруг вспомнил: – Ты уже думала над окончательным вариантом названия и смысловой нагрузкой текста?

– А как же, конечно, думала. Название у меня давно уже есть. С точки зрения маркетинга, с ним всё замечательно. Авторы часто используют «Поиграй со мной», но «Поиграй в меня» относительно редко. А если ко всему этому добавить жанр психологического триллера, то здесь вырисовывается целая картина: битва персонажей с помощью трюков. Слышали про «угол»? Востребованная психологическая игра.

– Поиграем? – предложил он и, поправив горло кашлем, решил начать. – Мари, вы ужасный писатель, никудышный.

Это было похоже на детский сад. Обычно прием «угол» неосознанно, но верно используется родственниками или коллегами: когда они помещают человека в такую ситуацию, в которой всё, что бы он ни сделал, будет неправильным. Алекс хотел добиться того же результата со мной, но понарошку. Для установления более доверительного отношения с редактором я согласилась на игру.

– Но я стараюсь стать лучше, – вооружилась любимыми «я-посланиями» Тимура.

– Значит, плохо стараетесь.

– Зато я придумала аннотацию и написала синопсис.

– Видел. Первокласники, и те лучше пишут.

– А как же орфография? Уж в ней-то я сильна, – я продолжила искать положительное.

– Не заметил среди всех опечаток, – Алекс не сдавался.

– Но я уверена, у меня много других хороших качеств.

Алекс подтянул меня за плечо и тепло сжал его, как если бы погладил по голове. Мы расслабились и засмеялись. Игра игрой, но по-настоящему подобные фокусы и трюки отнимают у людей уверенность в себе, заставляют их замыкаться, доводят до депрессии и даже до самоубийства. Особенно если «угол» оказывает свое влияние на протяжении нескольких лет. Так что вполне себе серьёзная вещичка.

Когда мы закончили игру, перед нами предстал фонтан с вылепленными из бронзы ангелочками, а если быть точнее – амурчиками, всюду пускающими свои стрелы. Вода поднималась и шумела, охлаждая жаркий сентябрьский день. Бабье лето, не иначе. Я присела на бортик и опустила ладонь в фонтан, намочив пальцы, вскинула их вверх. Брызги попали ко мне на колени, слегка задели светлые джинсы Алекса. Он тоже не остался в стороне и через секунду-другую окропил моё лицо свежей водой.

– Та-а-ак! Я для чего красилась? – хохотнула я, но мой вопрос остался незамеченным, так как из-за другой части фонтана появилась Вася, которая Кристина.

– Сашенька? Вы идёте на обед? – поинтересовалась она.

Я подивилась на её ласковое обращение и на смущённое лицо «Сашеньки». Алекс залился краской. Наверное, не очень-то он и хотел, чтобы его застали за заигрыванием с двадцатилетней девчонкой. Зато Кристине – тридцатник, это было понятно по её послужному списку, но никак не заметно внешне. Вася была миниатюрной женщиной с русым длинным каре и карими глазами. Я не ошиблась, когда предположила, что Кристина выгуливает Тимура. Наш калужский парень тоже показался из-за фонтана, как бы стесняясь. Словно гость на празднике, потянувшийся через весь стол за солонкой. «И-ить», – обычно ведь своё стеснение ещё и озвучивают.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, – ну, я так и сказала, Тимур озвучил своё неловкое появление строчкой из песни.

Алекс пожал Тимуру руку, взглянул на Кристину, потом метнул свои зелёные глаза на меня:

– До скорого, Мари. Не забудьте, пожалуйста, про целевую аудиторию. Обсудим это чуть позже.

Кристина и «Сашенька» удалились. Медленно, изредка оглядываясь, но удалились. Они были лишними на этом поле. Мне предстояло выдержать ещё один бой с Тимуром.

– Почему ему можно тебя называть Мари, а мне нет? – канючил он.

– Он мой куратор.

– А я твой сосед.

– Да, ты мой сосед, который съел МОИ печенья!

Тимур, не ответив, набрал побольше воды в ладонь и окатил меня с головы до ног. И это было не похоже на наши невинные заигрывания с Алексом. Это уже целое контрнаступление! Трясаясь от гнева, я встала с бортика. С моего носа капала вода, на кофте виднелись мокрые отметины, я чувствовала, как растекалась тушь под правым глазом. Краем свитера утёрла влажность с лица, пригнулась и стала энергично работать руками, выплёскивая фонтан на Тимура. Он закричал и засмеялся, попытался закрыться от нападения, но не вышло. Кое-как подобрался к оружию нашего сражения и начал плескаться на меня в ответ.

– А-а-а-а-а!!! – я орала, потому что вода была далеко не тёплая и совсем не приятная.

– Ещё! – кричал Тимур, словно наслаждаясь моментом.

– Прекрати!

– Продолжай!

То, что случилось дальше, никак нельзя назвать поступком взрослого и разумного человека:

Тимур. Повалил. Меня. В фонтан.

Кроме того, ещё и сам навалился сверху. Вот идиот! Но смеялся он громко и весело, что даже я не выдержала и улыбнулась. Через некоторое время он всё же поднялся из воды, и уже хотел было выбраться на сушу.

– Тимурь! – оговорилась я, так как зубы стучали от холода, едва попадая друг на друга.

– Тимурю-Тимурю, – подал мне руку он и помог выбраться на бортик. Затем прищурился и серьёзно так спросил: – Мия, Мур-рь?

– Мурь, – кивнула я.

На выдуманном языке это означало, что у нас перемирие. После стольких сражений и противостояний нам было просто необходимо сделать передышку. В домик мы возвращались в обнимку, потому что по-другому не могли согреться. Когда-то казавшийся лёгким и даже жарким сентябрьский ветерок забирался ко мне под кофту и сковывал сквозняком тело. Я дрожала знатно, но рука Тимура не позволила замёрзнуть до конца. И эта ладонь резко отличалась от *бедрохватаний* Алекса, она была надёжной. Идти рядом с Тимуром вообще оказалось очень приятным мероприятием. К тому же из моей головы не выходила фраза:

«Держи своих друзей близко, а врага – ещё ближе».

Я не знала, кто для меня Тимур, но совет про «держаться ближе» работал в двух случаях: если Тимур – друг и если Тимур – враг. Поэтому приняла решение оставить его руку на своей талии.

– Налейте и нам чайку с травами, пожалуйста, – попросила я Степана, когда мы с Тимуром зашли в домик, мокрые насквозь.

Марго Шар

У меня не было в планах реветь всю ночь, но, как говорится, если хочешь рассмешить... В общем, всё случилось часа в два ночи, когда моя соседка-сова, сидя по-турецки, пилила ногти. Вначале на руках, потом переключилась на ноги. Я смотрела по сторонам, потом в потолок, потом подумала, что неплохо было бы заняться какой-то полезной деятельностью. Снова посмотрела на свою соседку и увидела, как она улыбнулась собственным мыслям. «Какого-то жениха вспомнила», – воспроизвела в памяти слова своей бабушки, глядя на её одухотворенно-отстранённое лицо. Я вздохнула, надеясь привлечь внимание Мии, но всё было тщетно. Она сидела, как в коконе, в своём мирке, а я опять оказалась отгороженной от мира. Вот тут-то мне надо было выкинуть такую штуку – лечь спать. Но почему-то я сказала:

– А у меня тоже был парень.

Я вдруг почувствовала, как задела тонкие струны своей души, и мои глаза стали наполняться слезами.

Мия в розовой шёлковой пижаме с чёрными кружавчиками на секунду остановилась и странно посмотрела на меня. Наши глаза встретились. «Ни за что, никогда не раскрою тебе свои секреты, можешь даже не просить», – хмыкнула я.

Возникла пауза, в которой мои слёзы начали переливаться через край, и я была больше не в силах их сдерживать. А чего Мия с Тимуром доводили меня целый день, ходили тут в обнимку, флиртовали. Ну кто такое выдержит? Вот и довели меня.

– У него была женщина, а он флиртовал со мной и даже не скрывал этого. Сердечки мне ставил, бесстыдно лайкал мои фотки. Три лайка за месяц! Целых три лайка! Мы стали встречаться...

– Встречаться? – с удивлением посмотрела на меня Мия.

– Да, встречаться. Он работал у нас закупщиком в колледже, а вообще по призванию он – музыкант и играет на гитаре, – продираясь сквозь слёзы и захлёбываясь в собственных соплях, продолжила я. – Я видела его всё чаще и чаще в колледже, мы встречались почти каждый день, и он даже иногда говорил мне «привет».

Честно, я не думала о том, откуда берутся слёзы. Но ещё большей загадкой для меня (помимо той, куда входит любовь) было: откуда берутся сопли. Я поймала себя на мысли, что не могу романтично плакать, у меня слёзы всегда идут «рука об руку» с соплями. Стоит мне только заплакать, так вот они, родимые, прямо из носа. Ручьём. Три вагона и маленькая тележка. Я ещё и давлюсь ими. Поэтому никогда при мужчинах не плачу, это не вариант. Их это не вдохновит на свершения, скорее, вызовет тошноту. Но бедняга Мия терпела. Я видела по её вздыбленным татуированным бровям, что ей меня жалко, и от этого мне было ещё жальче себя.

– Понятно, – кивнула она.

– Да-да, – выдала я тяжёлый женский вздох. – Думала, что у нас есть будущее. Я даже ходила на его чёртов концерт, где было всего три человека! Слушала его вонючие песни! Мой препод по вокалу проклял бы меня, узнав, что я слушаю это исчадь безвкусицы, этот бред. Но я слушала из любви к нему. Любовь не только слепа, но и глуха. Теперь я это точно знаю. Если он и попадал в ноты, то только случайно, и может, только в одну. Я всё сделала для него, но он предал меня...

– Каким образом?

– Он заблокировал меня в сети! Я не знаю почему. Я всего лишь несколько раз написала ему о своём чувстве.

– Несколько раз?

– Ну, раз тридцать. Когда любишь, то хочется говорить о любви постоянно, чтобы он не подумал, что я его разлюбила. Я была уверена, что тоже нравлюсь ему, только он стесняется своего чувства...

– И он ответил тебе? – снова спросила Мия.

– Один раз.

– Что написал?

– «Не пиши мне больше». Подлец! И это после того, что я для него сделала, – снова разревелась я.

Плюхнулась лицом в подушку, как во что-то такое знакомое, приятное. Подушка – моя единственная подружка. Если бы организаторы были поумнее, они бы выдали мне две подушки, для смены. Одна подушка должна быть запасной, ведь писатели – ранимые люди. Слёзы в подушку – это релакс и снятие напряжения. Там мягкая темнота: и ты плачешь, и плачешь, и плачешь. Наверное, плакать не комильфо, особенно на публику, но если хорошо идёт, то почему бы и не поплакать. Всё ж облегчает страдание, очищает организм от ненужной жидкости, выводит лишнюю соль. Плакать нужно в профилактических целях.

В общем, я уже собиралась сворачивать слезотечение, как вдруг случилось невероятное, просто невероятное! Я вдруг замолчала, потому что кто-то положил руку мне на плечо. Замерла и подняла голову с подушки, чтобы посмотреть: это была она. Так просто подошла и погладила меня по плечу.

– Да ладно тебе, успокойся, со всеми бывает, – негромко сказала Мия.

Это было почти как крушение основ моего мира. Кто? Мия? Эта байкерша с розовыми волосами подошла меня успокаивать? И ничего не сказала мне ни грубого, ни едкого, ни отвратительного? Как такое вообще возможно? Может, я сплю?

Всю ночь я напряжённо думала, что соседи мужского пола могли услышать мой вой. Мне почудилось, что я уловила шелест ушей за стенкой, как будто они слушали мой вой в четыре мужских уха. Тяжело было принять, что теперь соседи будут считать меня неудачницей.

Даже встреча с куратором не доставила столько внутренних проблем, сколько то, что меня могли услышать и подумать. Услышать, подумать и сделать выводы. Я снова окунулась в изгойничество по полной программе, которая была ярко выражена в расписании занятий «Смороды». По иронии судьбы у Стёпы оказался тот же куратор, что и у меня, видимо, Спицына Надежда Аркадьевна решила взять на себя повышенную нагрузку. Когда я узнала, что один и тот же человек будет «вести» нас, принялась расспрашивать Степана о ней: «Ну что она тебе сказала?», «А как ты думаешь, твоя рукопись понравилась ей или нет?» Я просто хотела сравнить, насколько она благосклонна ко мне и к нему. Но Стёпе всё было до лампочки, он ни на какие вопросы не отвечал. Точнее, отвечал настолько уклончиво, словно они там просто чаю попили, и всё. А что, возраста они почти одинакового: ей шестьдесят, ему за сорок... Короче, после сорока всё равно какой возраст, потому что ему одно имя – старость.

Ворочаться в кровати и гонять мысли в голове было тяжеловато. И что-то настойчиво твердило мне: «Посмотри правде в глаза». Поэтому я тут же встала и тихонечко, на цыпочках, чтобы не разбудить недавно уснувшую Мию, пошла на кухню. Наши жаворонки там обычно тусовались часов в пять утра, чай-кофеи гоняли. Как говорится, что для одного ночь, для другого уже ранее утро. Оно для Стёпы уже началось. Только Тимура не было, он, наверное, выбился из сил, флиртуя с Мией, поэтому спал как сурок. А вот Стёпа был на ногах. Он, обернувшись, увидел меня и кивнул. Я мысленно посмотрела на себя его же глазами и подивилась тому, как безобразно одета, но тут же отбросила ненужное смущение, ведь сосед тоже был одет не лучше. Так уж повелось, что на мне – трапезная пижама в синий горошек. Хлопковая, мякотькая (мама подарила на день рождения). Я её взяла, чтобы спать удобно было.

– Как прошла ночь? – начала я издали разговор со Стёпой.

– Неплохо, – ответил он.

– Угу, – хмыкнула я, обдумывая, что сказать дальше.

А мне-то всего нужно было спросить: «Слышал ли ты мой рёв про моего бывшего, или этот *смерч* прошёл мимо тебя?»

– А я там немного пошумела за стенкой, ты ничего не слышал? – спросила, прищурив глаза, будто бы говорю о чём-то малозначительном.

– Не-а. В такое время я сплю, пушкой не разбудишь.

– Эх, – махнула рукой. – Ладно.

Хотя, конечно, меня немного смутило, что он знает, о каком времени идёт речь. Но я решила не расстраиваться, так как мы были с ним в одной лодке, ведь его тоже бросила бывшая. Именно сейчас я захотела прочитать его текст «Отпусти меня, Клара». Это было логичное решение, продиктованное тем, что он слышал мой рассказ про бывшего. «Теперь я узнаю про Клару», – уверилась я. Баш на баш, как говорится. Баш на баш.

Глава 5

Мия Мур

Сегодня ночью я испугалась. У моей соседки сорвало крышу, и она чуть не затопила комнату слезами. Мне очень хотелось обнять её, чтобы поддержать, но я вовремя остановилась и всего лишь положила руку ей на плечо. С непривычки за обнимашки можно и по лбу получить! Марго оказалась такой ранимой... хотя, думаю, это не из-за проблемы с мужчиной, это нервы. Вон она как побелела от страха, когда узнала, что у нас сегодня лекция в зале. Для неё любой контакт с людьми – это нервы. И ладно бы лекцию вёл кто-то из уже знакомых нам литераторов, так ведь нет же – сам Захар Котов – известный редактор и писатель в одном лице. Он специально приехал в «Смороду» на один день, для нас и ради нас. Ну, возможно, ещё ради денег.

Я прыгала от счастья! Ещё бы! Увидеться с самим господином Котовым, узнать из его уст много полезного и обязательно засветиться на его канале в соцсетях! Он же всегда выкладывает все новости у себя на странице, а вездесущие СМИ подхватывают и распространяют.

– Я не пойду, – робко проговорила Марго, услышав мои комментарии по поводу предстоящего события.

– Да ты что?! Это реальный шанс! – я выпучила на неё глаза, дабы показать, какую чушь она несёт.

Но на Марго это не подействовало. Её упадническое настроение до сих пор не выветрилось спустя столько часов. Она медленно передвигалась по домику, депрессивно вздыхала и маялась. Иногда стеснительно улыбалась, когда встречалась взглядом со Степаном. Он – единственный, с кем она более-менее ладила.

После некоторых ночных откровений я чувствовала себя в долгу перед Марго. И сейчас как раз было самое время, чтобы наладить отношения. Ведь моя соседка действительно не собиралась идти на лекцию, а это приравнивалось к писательскому провалу или вылету из конкурса. Я должна была заслужить её доверие, а это удобнее сделать – только поделившись чем-то сокровенным. Однако, когда делишься своими проблемами с другими, есть риск, что этим воспользуются против тебя же. Но ради Марго я хотела рискнуть. Так или иначе: после конкурса почти никого из этих писак я не увижу, вряд ли кому-то взбредёт в голову слагать обо мне лживые легенды.

– Если честно, у меня тоже не клеится с мужчинами, да и с людьми в принципе, – после моих слов Шурупчик шокированно посмотрела на меня, а я молча

кивнула в подтверждение. Присела на стул рядом с диваном, на котором в углу жалела себя Марго. – Название моей книги идёт из детства. Дело в том, что со мной никто не хотел играть. Я была из богатой семьи, а соседские детишки объединились и создали какое-то сообщество против меня. Придумали гимн, правила и законы, чтобы только ни в коем случае не брать меня в команду. Но говорить, что со мной не играли, как-то слишком жалостливо, поэтому я всегда говорила: «В меня не играли». Этот вариант выставлял виноватыми других, но не меня.

Марго слушала, прикусив язык. В холле мой голос отзывался слышным эхом, так что я периодически вздрагивала от него, полагая, что говорит кто-то другой у меня за спиной. Мне хотелось прекратить разговор. Но если я действительно желала вытащить Марго из домика на лекцию, нужно было довести монолог до кондиции.

– Прошло много лет, но ничего не изменилось. Я продолжаю носить эти «маски», заныряваю в толпу с улыбкой, зная, что люди думают обо мне на самом деле. И плевать, слышишь? Я всё равно им не верю и привыкла нападать первой, даже если со стороны это кажется дружелюбием или флиртом. Я вижу подвох в каждом слове и действии собеседника, и прежде чем ответить ему, тысячи раз анализирую ситуацию со стороны. Порой это выматывает, но... по-другому меня сожрут.

Соседка загрузилась моими словами, а мне это было только на руку. Я взяла её под локоть и аккуратно приподняла с дивана. Пока она пыталась уложить в своей чудной головке новые знания обо мне, мы успели выйти на улицу и пройти в сторону здания, считавшегося основной территорией для лекций.

«Автобус?» – высветилось сообщение на экране от Тимура.

«Бутербродь», – подумав пару секунд, ответила я.

«Мур!»

«Ми*»

Со вчерашнего дня у нас с Тимуром завелась новая игра: преобразовывать существительные в глагол посредством мягкого знака. А «Мур-Ми» было чем-то вроде «конец связи». И каждый раз, когда Тимур отправлял эти сообщения, я лыбилась, как дурочка. Иначе говоря, поплыла, повелась на милые фразочки. Но я гнала от себя всякую симпатию и влюблённость, что угодно – только не это! Не хочу сопли и слёзы, как у Марго. Такое себе занятие: плакать в подушку по ночам...

– Что там? Анекдот? – Марго заметила мою широкую улыбку, которая не спадала с лица уже минуты три, пока я держала заблокированный телефон в руке.

– Да, но он не смешной. Смешной тот, кто его прислал, – ответила я и убрала гаджет в карман.

В помещении для лекций я старалась держаться рядом с Марго. Мы вместе ходили по залу и рассматривали картины. Было ясно, что экспонаты развешены на стенах бездумно и на скорую руку. Там, где висели портреты Льва Толстого и Достоевского, внезапно затесался товарищ Лабковский, а наш старина Уайльд разместился между Ахматовой и братьями Стругацкими. Ещё более «живописный» вид придавал автопортрет Лии Стеффи, писательницы из ватпада, вывешенный рядышком

с портретом Короля Ужасов – Кинга. Нет-нет, против Лии я ничего не имела, только мне казалось, что для каждого автора своё время, а в данном случае – своя стена или даже лучше комната. Сейчас же ситуация выглядела, как плохой фильм, где собрались самые лучшие актёры. Но всё это отошло на второй план, когда на сценические подмостки вышел сам Захар Котов. Постояльцы базы отдыха тут же заняли места в креслах. Я мечтала сесть в первом ряду, но вовремя вспомнила про Марго. Соседка почти убежала на конечный ряд. Я предложила ей компромисс: сесть по центру, на что она неохотно согласилась. Расположившись на сиденье, я оглянулась в поиске наших мальчишек. Степана обнаружила как раз таки на предпоследнем ряду. Кто знает, может быть, с ним Марго чувствовала бы себя намного комфортнее, чем со мной. Но было уже поздно что-то менять, в зале выключили освещение, подарив проходящий лучик света господину Котову. Это смотрелось выигрышно, и он приковывал к себе взгляды. На сцене стоял красивый мужчина в дорогом смокинге с блистательной улыбкой и стильной стрижкой с закосом под седину. Он внимательно рассматривал зал, иногда кивая гостям в знак приветствия. Я тоже хотела поймать его взгляд, чтобы поздороваться.

– Книжь, – шепотом донеслось до моего уха, после чего я покрылась мурашками.

Тимур сидел точно сзади меня и решил таким образом привлечь моё внимание. Я пересилила себя, чтобы не обернуться, однако щедро расплылась в улыбке. Было приятно осознавать, что он рядом...

«Стоп! Стоп! Стоп! Ничего подобного, я не поплыла, нет! Это всего лишь игра», – сознание забило тревогу.

– Всем привет! Этот час с вами проведу я, Захар Котов. Заслуженный журналист страны, редактор издательства «Письмо», а также блогер, критик, литературный коуч и наставник, – гул в зале мгновенно стих, как только Захар начал свою речь. – Сегодня поговорим о медийности. То, что вы попали в шорт-лист литературного конкурса, это уже очень хорошая реклама вас и вашего творчества. Это заявление о вас как об избранных, выделившихся из большого количества участников. Вы – избранные, ваш текст – избранный. Ну что? Почувствовали себя увереннее? – зал закивал. – Замечательно, видите, как просто. Многое зависит от внутреннего настроя и внешней поддержки. Однако настоящая медийность чуточку сложнее.

И тут Захар поведал о том, как важно для писателя в современном мире не только творить, но и уметь продавать своё творение. По его словам, тот, кто хотел добиться успеха на данном поприще, должен был работать сутками: вести соцсети, постоянно мелькать в СМИ, создавать о себе новости, сотрудничать с книжными блогерами, проводить встречи с читателями и коллегами по перу, писать тексты для конкурсов и рассылать сотни тысяч писем в издательства, вкладываться в продвижение авторской литературы и не скупиться на рекламу, обязательно снимать короткие видео, изготавливать мерч и так далее, так далее...

Я слушала и не могла поверить, что писательство может быть такой сложной штукой. Господин Котов раскрыл мне глаза на многие вещи, пока я сидела в зале и впитывала его мощную энергетику, как губка. Он вдохновлял и подбадривал, уве-

ренно жестикулировал и расставлял акценты. Я намного позже заметила, что сижу с приоткрытым ртом от восторга, настолько его профессионализм и самоотдача поглотили меня.

«Он чертовски прав...» – согласилась с ним.

Да что я вообще делала для того, чтобы стать известным писателем? Раз в неделю, конечно, выкладывала какую-нибудь запись у себя в сообществе, ещё реже проявлялась в литературных конкурсах. И в целом работа над рукописью не занимала огромное значение в моей жизни: кое-как написала, кое-как отредактировала – и в массы.

– Ваша книга должна выглядеть презентабельно, всё должно быть продумано – от и до. Форзац, нахзац, художественная вёрстка, название, аннотация, обложка, суперобложка, блерб, плейлист, арты и иллюстрации, ваш собственный «оживляш», ваша индивидуальность. Только тогда вы получите отклик. Повторяю: только усилием над собой, трудом, потом и кровью (ну, это я утрирую) вы добьётесь желаемого результата, – продолжал Захар. – Вы работаете на авторитет, а потом...

– Авторитет работает на нас, – закончил фразу зал.

– Верно, – поощрительно улыбнулся оратор.

На протяжении всего часа своего выступления господин Котов говорил не прекращая. И после лекции он продолжал говорить, передавая ценную информацию желающим. Какими-то нечеловеческими усилиями мне удалось подтащить Марго к Захару: мы получили автографы и совместное фото с ним. Я ещё долго не могла прийти в себя после этой встречи. Весь обед так и просидела в столовой, ни разу не притронувшись к супу.

Марго Шар

Захар Котов – мой кумир. Я была на него подписана во всех соцсетях. Об этом никто не знал, я никому не говорила. Не хотела идти к нему на лекцию, боялась опозориться. Он должен был воспринимать меня как равную, но он даже не понимал, кто я такая. Тяжело осознавать, что в свои двадцать семь лет я – никто и ничто для него. Эти фотографии с ним... лучше бы их не было! На них сразу ясно: где он, а где я. Это всё Мия, она заставила меня сфотографироваться вместе с ним. Было неудобно отказать.

Если я проиграю в этом конкурсе, то даже не знаю... Поэтому я должна выиграть, должна, иначе опять продолжу быть никем. А быть никем... Хватит с меня, я уже полжизни никто, теперь меня обязаны узнать как писателя, личность, женщину, на худой конец.

Когда многие, почти все, пошли в столовую, я осталась ждать Котова возле домика. Мне было просто необходимо поговорить с ним лично, обменяться взглядами на литературу. Я хотела, чтобы он выделил меня из толпы. Даже продумала диалог с ним и мысленно представила его во всех красках и интонациях. Я подойду к нему и представлюсь:

«Добрый день, я – Марго Шар. Вы читали мою „Фею на костылях?“»

Он скажет: «Нет, не читал. Но название многообещающее. Пришлите мне на почту, вот мой имейл и номер телефона».

А потом я пришлю ему свою «Фею...», он мне перезвонит и скажет, что это шедевр, станет меня опекать, замолвит словечко перед издательствами, ну и всё закрутится. Я уже размечталась, как даю интервью, и у меня спрашивают: «Кто стал вашим проводником в мир Большой Литературы?» И я скажу: «Захар Котов. Мы очень дружны. Он сразу разглядел мою гениальность».

Мне казалось, что это так логично и так правильно. Поэтому я просто стояла у домика и ждала, когда он выйдет. Я обязательно скажу ему, что нужно вкладывать в произведение душу. Знаю, он оценит. Потому что, если не вкладывать душу, то ничего не получится. О чём писатель должен говорить? О душе. Вот это я ему и скажу, а он мне ответит, что так долго хотел услышать эти слова хоть от кого-то из писателей. Ведь все, кто говорит о душе, – настоящие, а кто не говорит – не настоящие. Он выделит меня из толпы.

Я ждала долго, и вот мой звёздный час настал. Котов действительно шёл один к домику с надписью «Администрация», где обычно кучковались наши преподаватели, кураторы и «звёзды» издательского бизнеса. Я подходила к нему всё ближе и ближе, давая себе напутствие: «Вперёд, только вперёд, ты сможешь!» Ноги сами несли меня к нему, но я опасалась того, что начну заикаться, пыхтеть и краснеть... Я была уже в двух шагах от него... Котов расслышал моё сбившееся от волнения дыхание и обернулся. Он обернулся!

– Вы что-то хотели? – сразу осадил он меня своим замороженным голосом.

Я проглотила слюну. Наши глаза встретились.

– Я? – посмотрела с ужасом на него, чувствуя, что утопаю в наступившей на горло паузе. – Нет, – со страхом сказала я, ощутив, как внутренняя волна обиды и возмущения накрывает меня с головой.

«Бежать отсюда, бежать!» – крутилось в голове.

Я надеялась, что этого диалога никто не видел и не слышал. По пути думала лишь о том, что, когда прославлюсь, расскажу всем, как меня отшил этот чёртов Котов. Да что он о себе возомнил?! Кто он вообще такой? Маршируя на ватных ногах к своему домику, я всхлипывала от возмущения. Чтобы соседи не увидели меня такой, сразу влетела в ванную и умылась холодной водой. Однако решила посидеть там немного подольше.

– Эй, ты что там делаешь? – раздался вскоре голос Мии за дверью. Я замерла, а потом она постучала ещё три раза.

Случайно забыла, что я не дома и в общей ванной нельзя сидеть столько, сколько мне вздумается. Но звук льющейся из крана воды успокаивал.

– Сейчас, уже выхожу! – крикнула я.

За дверью я слышала, что Мия подняла шум, типа «ну вот сидит там два часа и не выходит», – и ребята всполошились.

– У тебя всё нормально? – постучал в дверь Стёпа.

– Да-а! – крикнула я.

– Ну тогда выходи, – сказал как-то невнятно Тимур.

– Бегу! – прорычала я, но осталась сидеть на месте.

Конечно, мне было обидно из-за слов Котова, но я не ожидала, что мои соседи станут так волноваться за меня. В какой-то степени это даже было приятно: они относились ко мне так, словно я существую. Как будто есть такой человек Маргарита Шурупова, она же Марго Шар. Когда я вышла из ванной, меня уже ждала вся эта команда во главе с Мией. Странно, но я чувствовала себя победителем, точно меня оценили, подтвердили факт моего существования, и мир начал крутиться вокруг меня.

– Спасибо, и привет коробке, – проходя мимо Тимура, сказала я. – Благодарю за сочувствие, – кивнула Стёпе. – Ты всегда была очень добра, – отвесила комплимент Мии, прежде чем гордо и без объяснений удалиться в свою комнату.

Вот теперь пусть думают обо мне всё, что хотят. Я не скажу причину, почему заперлась в ванной.

Моё состояние важности длилось недолго. Как только я уселась на свою кровать, чтобы в тишине почитать произведение Стёпы, мельком увидела, как Мия наводит марафет. С чего это вдруг? Сначала не придавала этому значения, но потом мне стало это не нравиться. Она поправляла волосы, наглаживала их расчёской, открывала шкаф и просматривала свой гардероб. Я не хотела быть навязчивой, поэтому не спрашивала, зачем ей это. Может быть, собралась на свидание с Тимуром? Так вот он, этот Тимур, в общей комнате, они уже виделись. Я периодически опускала взгляд в повесть, которую читала с телефона. Честно пыталась её читать, но у меня не получалось сосредоточиться. Опять появился страх, что я упускаю жизнь, что снова пишу или читаю, в то время как другие живут и радуются. Например, Мия. Она ходила, наряжалась и улыбалась собственным мыслям. А я? А что я? Я, как всегда, жила чужими мирами, искала их в книгах и боялась, что успех никогда не придёт. Моя нервная система не справлялась со стрессом, поэтому, собравшись с силами, я поинтересовалась:

– Ты куда-то собираешься?

– Через полчаса состоится фотосессия, сделаем общее фото с участниками конкурса. Если хочешь, присоединяйся.

Вот Мия-то умеет жить. Ест что хочет, говорит то, что думает, идёт, куда захочет. А я только сижу здесь и наблюдаю за тем, как это делают другие. Мне стало грустно, постепенно это желание сменилось желанием поесть. Я пропустила обед в столовой из-за Котова, поэтому встала и пошла на кухню заморить червячка. Открыла маленький холодильник, в котором, как говорят, мышь повесилась. Потом раскрыла створки шкафчика, где ничего не оказалось, морить червячка было нечем. Может быть, у парней что-то есть? С одной стороны, беспокоить людей было неправильно, а с другой – я хотела есть. Стала рассуждать, что бы на моём месте сделала Мия. Ну конечно! Она бы точно пошла к ребятам в комнату.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла. Передо мной распахнулось пространство идеально прибранной комнаты, где был один Стёпа. Он полулежал на кровати и читал книгу. Увидев меня, он привстал.

– Привет! – стеснительно начала я. – Я ищу что-нибудь съестное, может

быть, даже невкусное, но мне надо чем-то потешить своё голодное брюшко. Только не предлагай чай.

– У меня есть соломка, – сказал Стёпа.

– Эх, знала б, где упаду, подстелила бы соломку, – выдала я шутку за триста, над которой он сделал вид, что посмеялся, но только беззвучно.

Стёпа протянул руку к своей тумбочке и достал пачку солёной соломки, встал с кровати и отдал её мне.

– Вот, держи.

Я взяла соломку и напряглась. Неужели сейчас диалог закончится? Возникло ощущение, что меня снова отшивают.

– Я сегодня хотела поговорить с Захаром Котовым, – почему-то я решила устроить исповедь. – А он не захотел.

– Да? – удивился сосед. – Наверное, он спешил.

– Да, он сказал, что опаздывает на поезд, – соврала я, чтобы не выглядеть ярко выраженной неудачницей.

– Он мне дал свой номер телефона, – признался Стёпа, – и просил позвонить. Сказал, что читал мою работу, она ему понравилась. Думаю, что будем обсуждать публикацию в *толстом* журнале «Ева». Он вроде его издатель.

Я стояла, смотрела на Стёпу и не знала, что сказать. Мои слова про соломку оказались пророческими, только подстелить я её не успела. Стало горько, обидно и больно. Почему он, а не я?

Пора было уходить, только не на соплях, а на хорошей ноте, но я никак не могла найти слов. И тут Стёпа добавил:

– Там ещё были ребята, которым он предложил то же самое. Я, честно говоря, ещё всех не знаю. Парень, полный такой, не помню, как его зовут. Павел?

– Пётр Синельцев, – сказала я, так как знала своих конкурентов уже на зубок. – Спасибо за соломку!

Ну вот, зашла на свою голову! Так странно по жизни получалось: когда я пыталась развеять тоску, то находила приключения на свою голову, дабы впасть в ещё большую тоску.

Зайдя в свою комнату, я обнаружила Мию. Она по-прежнему крутилась возле зеркала.

– Соломку хочешь? – протянула я ей пачку.

– Нет, – быстро ответила Мия, даже не посмотрев в мою сторону.

– Я тоже, – сказала я и, положив пачку с сололкой на тумбочку, плюхнулась на кровать лицом вниз. Поза «меня не трогать» была моим вторым именем.

Глава 6

Мия Мур

– Не вернёшься до рассвета – вылетишь отсюда, – предупредил меня Леонид Петрович, передавая ключи от закрытой парковки и изредка косясь на Алекса, с которым я тоже договорилась о моём несанкционированном выходе.

Ура! Мне удалось выбить из этих мужчин одну вылазку из «Смороды»! А то, если честно, я уже начала сомневаться в своих писательских способностях: за всё время пребывания в резиденции так ни разу и не села за текст. Мой творческий ресурс расходовался на анализ и манипулирование, поэтому за забором базы я мечтала найти свободу, пусть всего на несколько часов, но именно там мне не нужно было притворяться.

Я дождалась, когда Марго окончательно уснёт. Сегодня она была, как назло, жутко внимательная и приставучая. Как будто специально оттягивала мою поездку. Я мысленно прокляла это ограничение про рассвет. Точно! Если не вернусь до пяти утра, мой «Кавасаки» превратится в тыкву или я превращусь в тыкву. Наверное, по такой глупости из резиденции ещё никто не вылетал. Так вот, когда моя соседка сладко засопела в подушку, по голову накрывшись одеялом, я сменила свою розовую пижамку на кофту с косухой и кожаные штаны. В мотоботинки решила обуться на выходе, чтобы не создавать лишнего шума, стуча ими по и без того предательски скрипучему полу. Вышла из комнаты и тихонечко начала двигаться в сторону двери. Очередной раз нащупала ключи от парковки в кармане, фух, они лежали на месте. Сердце чудовищно колотилось, адреналин завладел моим телом. А это я ещё не села на моцик, всего лишь пыталась беспалевно выйти из дома. Похоже, старею...

– Куда? – шёпотом спросил Тимур, но было ощущение, что его голос словно через рупор распространился по всему дому, отзываясь эхом ещё и на улице.

Я обернулась на эту сонную тетерю. Поглядите-ка на него! Половина второго ночи, а этот зяблик с полуприкрытыми глазами и с антенной волос на голове ото сна стоит в проходе между коридором и туалетом. Пошатываясь и позёвывая, он умудряется ещё и разговаривать.

– Я сваливаю, – мне не хотелось его втягивать в это.

– Погоди.

Тимур, всё так же покачиваясь, устремился в сторону спальни. Я надеялась, что как только он туда зайдёт – увидит свою прелестную кроватку и уснёт, забудет про меня. Ага, размечталась...

– Теперь валим, – через минуту Тимур появился в холле уже в свитере и джинсах, но по-прежнему с весёлой антенной на голове. Я смотрела на неё и хихикала каждый раз, когда она шевелилась в такт движениям своего хозяина.

– Всё-таки решил заделаться моим конфидентом? – обуваясь на пороге, поинтересовалась я. Хотя по большей части издевалась над и без того слегка тупившим Тимуром.

– Кем? – слышалось вполне ожидаемое недоумение.

– Конфидентом. Ну то есть помощником главного персонажа, которому доверяют секреты, с кем болтают просто так, строят всякие заговорщицкие планы и всё в том же духе.

Тимур задумался пуще прежнего, потёр глаза, зевнул. Прохладный ночной воздух слегка взбодрил его, и он шёл со мной почти в ногу к закрытой парковке. Вокруг было тихо и темно. Фонари «Смороды» не отличались особой яркостью, а все *совы* давно уже улеглись. Администрация базы разъехалась по своим поместьям и готовилась вернуться сюда только утром, как раз таки после рассвета. И лишь

Леонид Петрович дремал на своём посту. Меня удивляло, что у него нет коллеги по дежурствам, он так и бдел всеми ночами. Охранник решился на мою авантюру ради кроссворда, а то эти газетные странички быстро заканчивались. Со своей вылазки в город я пообещала привезти ему целый журнал отгадаек, только бы всё удалось.

Мы с Тимуром проникли на парковку, и я подалась на поиски своего железного товарища. Экстрасенсорные способности не потребовались, чтобы разглядеть очертания моего «Кавасаки», накрытого чёрным брезентом. Я сорвала настил и прильнула к моцику, одарив его крепкими обнимашками.

– Родной мой! Как я скучала!

После осталось только выкатить его к воротам, не заводите же прямо здесь, на парковке. От его рёва не только писатели повскакивают, но и жители с соседних улиц. Ведя моцик по газону, а затем по брусчатке, Тимур окончательно ожил, очнувшись, точно до этого его не существовало в реальности. Он окинул взглядом ночную «Смороду», вдохнул кислород через нос, подивился на мерцавшие звёзды и после уставился на меня. Я сморщилась: «Только не надо про...»

– Как романтично! Ночь, звёзды, мы с тобой на байке. И весь мир для нас, – сказал он.

Это нечестно! То, как Тимур играл на моих чувствах. Мой мозг был занят бившимся ключом изнутри адреналином, а он так бесстыдно пользовался ситуацией.

– На, надевай, – оперев «Кавасаки» на бедро, протянула ему шлем.

– Запасной шлем? – удивился Тимур.

– Папулька часто говорит: «Всегда бери с собой второй шлем, чтобы покатать красивую девушку», – сказав это, посмотрела на Тимура и усмехнулась. – Да-а, ты *слегка* не дотягиваешь до красивой девушки.

– И это хорошо, – засмеялся Тимур, борясь со шлемом, который с непривычки не желал надеваться.

Пришлось помочь, после чего я надела шлем с кошачьими ушками на свою голову и села на байк. Тимур окинул это дело оценивающим взглядом и кое-как забрался на моцик сзади. Когда он обхватил руками мой торс, я почувствовала дрожь в его теле. Его вибрация передалась мне, и я начала нервничать. Сердце вновь норовило выпрыгнуть наружу, в уши будто налили воды, воздух в лёгких куда-то резко испарился.

– Не обхватывай так крепко, – выдавила из себя я.

Тимур ослабил хватку, но едва мы тронулись с места, как он забыл наставление и сжал меня ещё сильнее. Теперь его сердце молотком отдавало мне в спину, его пальцы впивались в кожу и ребра, голос восторга и страха заливался мне в уши. Вскрики Тимура отражались звоном, но я заметила, что тащусь от этого. Развив скорость до двухсот километров, наконец-то ощутила свободу. Вот оно, счастье, совсем рядом. Как глоток свежего воздуха со шпарившим навстречу ветром и визгом мотора.

Мы неслись быстрой стрелой по дороге, иногда петля между уставшими тачками и большегрузами. Тимур пугался каждый раз, когда «Кавасаки» почти вплотную притирался к фурам, и тяжело выдыхал, когда я вводила моцик дальше. Но ему нравилось. Жаворонок летел вместе с совой в ночи и не помнил себя от восторга. Он визжал и смелся, боялся, но рисковал. И то было нетипичным случаем, когда

парень сидел сзади, а за рулем – девчонка. Я обожала эту непохожесть и чувствовала себя всемогущей. Будто сидела не на моцике, а на троне; управляла не всего лишь транспортным средством, а целым государством.

Спустя полчаса я притормозила. Выставила байк на подножку, стянула шлем с себя и Тимура и кивнула, мол, как оно? Тимур трясся, чуть ли не прыгал от шока на месте, его руки были такими холодными и дрожащими, что я стала переживать по поводу его адекватности.

– Это лучшее. Лучшее! – он никак не мог толком ничего сказать, его голос скользил от высоких до низких частот. После нескольких неудачных попыток объяснить свои ощущения Тимур махнул на это рукой. Он схватил мою ладонь и потянул в поле. – Нужно бежать!

Я поддалась его настроению и побежала за ним. Мы нырнули в поле пшеницы. Днём я бы сказала, что она жёлтая, но сейчас в темноте всё казалось серым и подозрительным. Тимур весело бежал, тянул меня за собой. Точно мы попали в другую Вселенную, где не было игр и притворств. Мы просто бежали и подпрыгивали в высокой траве. Кружились и падали, толкались и трепали друг друга за волосы. Когда ещё бы мой рот так болел от смеха?!

Вдоволь накатавшись колбасками по полю и измерив его ботинками вдоль и поперёк, мы снова оседлали байк. Во второй раз Тимур ощущал себя более уверенно, его руки больше не сковывали мои движения, а в его голосе перестали распознаваться нотки страха. Времени оставалось немного, только на то, чтобы добраться до Твери, купить журнал и вернуться в «Смороду». Но даже это маленькое приключение вдохновило меня на творчество. Я старалась запомнить это чувство внутри, чтобы потом поделиться им в рукописи. Представляла, как сяду за ноутбук и стану печатать не переставая, схлёстывая буквы в слова, а слова в целые главы. Мне не терпелось начать! Вдохновение охватило меня, пустив реальность на самотёк. И в какой-то момент я уже стояла посреди холла нашего домика. Здесь не было моего байка, визга мотора и шуршания шин автомобилей по асфальту, не было встречного ветра и холодных рук, сжимавших мою талию. Всё резко перебросилось в воспоминания, потому что передо мной стоял Тимур, такой же опьянённый случившимся, как и я. Мы уже были не мы, пережив путешествие и породнившись новыми эмоциями. Мы не видели себя прежних и прокручивали в сознании тот смех и забавные догонялки в поле. Тимур наверняка сам не осознавал, что делает. Его ладонь коснулась моей щеки, и это говорило только об одном. Я закрыла глаза и потянулась навстречу желанию. Его дыхание витало рядом, в нескольких сантиметрах от моих губ, мое дыхание выбивалось из ритма, приближая чересчур волнительный момент. Неужели я готова поцеловать его? Я влюбилась или это последствие нашей совместной вылазки? Что же на самом деле управляло мной: адреналин или реальные чувства?

Мысли табунами носились в голове, когда его губы почти прильнули к моим. Мы на секунду стали близки, приоткрыв для себя завесу нового мира, но внезапно что-то мерзкое и холодное прошлось по моим ногам. Такое, с длинным голым хвостом.

– Мамочки! А-а-а! Бог ты мой! – завизжала я на весь дом и отпрыгнула на диван, не боясь в этот раз его распотрошить на мелкие кусочки. – Свет! Включи свет!

Тимур в отличие от меня был спокойным. Он медленно включил свет в холле и умиротворённо уставился на нечто белое, подбежавшее к его ногам. Я была вне себя от ужаса.

– Тапь ее, тапь! Скорее! – кричала я, указывая на домашние тапочки, которые стояли у входа.

– Что тут происходит? – из комнаты выглянула Марго с щёлчками вместо глаз, как у крота.

– Что за шум, а драки нет? – показался из своей комнаты Степан.

– Мы-ы-ы-ышь! Мышь! Вон, у Тимура под ногами! – я продолжала истерить, активно переминаясь с ноги на ногу на диване.

Марго Шар

– Это не мышь, а моя домашняя крыска. Она не опасна. Боялся рассказать вам, потому что вы могли не понять и выдать меня администрации. А как же Анфиска без меня? Крыса – существо общительное, её как минимум раз в день нужно брать на руки, играть с ней, а иначе одичает. И да, это она съела печенье, – последовательно и нерасторопно объяснил Тимур.

– А ларчик-то просто открывался, точнее коробочка, – ухмыльнулась я. – Впрочем, так и знала. А она не кусается? – посмотрела я на крысу.

– Нет, – сказал Тимур.

– Вообще странно, что она тут делает? Ведь обычно крысы бегут с корабля, а эта на корабль взгромоздилась, – пошутила я.

На самом деле я не шутила: наш домик под номером три представлялся мне неким «Титаником». Усилием воли я всё-таки заставила себя поверить, что все эти испытания к чему-то приведут. Возможно, даже к чему-то хорошему. У всех великих людей были сильные испытания, а значит, и у меня тоже. Я уже пережила отвержение Захара Котова, пережила, что роман завела не я, а Мия, и что не моё произведение будет публиковаться в «Еве». А значит, судьба готовила меня к ещё большему подарку. Конечно, моя победа в конкурсе могла достаться какой-нибудь крысе, но после появления настоящей крысы переживания по этому поводу покинули меня. Я точно предчувствовала появление Анфиски, я же писатель, а писатели всё предчувствуют.

Эта крыска запала мне в душу с первой секунды. «А что она ест?», «А можно ей сладкое или нельзя?», «Сколько раз в день будем кормить?», «Гладить её можно?», «По сколько часов в день она спит?», «Уже рожавшая?» – этими вопросами я пыталась Тимура. Я искренне хотела понянчиться с крыской. В том, что люди меня не понимают, не было никаких сомнений, а вот она должна была понять меня безоговорочно. У неё ещё имя такое тонкое, приятное на слух – Анфиса. Вообще-то я не люблю животных, никаких не люблю. А этот грызун мне понравился, я ведь тоже грызун по жизни, только грызу саму себя изнутри. Вот она и будет развлекать меня, а я её.

– Будем ухаживать за ней вместе! – вынесла я свой вердикт Тимуру, отчего он немного оторопел, но согласился. – Я сейчас заберу её к себе, а то действительно одичает.

Правда, одичать боялась я. Думала, что с крысами у меня общаться получится лучше, чем с людьми, потому что крысы не говорят, а помолчать и я люблю. Будем молчать с ней вместе, перемолчим эти дни и недели в «Сморобе», пока я не получу свой заслуженный приз и не уеду с победой в Москву.

Вот как важно найти родственную душу, даже если она крысиная. С тех пор как в моих руках оказалась Анфиска, такая проворная, тёпленькая, беленькая, мне стало легче. Я заглядывала в её глазки, чёрненькие, малюсенькие, как бусинки. Тимур, по всей видимости, не ревновал, потому что ему было куда пустить свою нерастраченную мужскую нежность. Всё по-честному: я ему – свою соседку Мию, он мне – свою крыску Анфиску.

С Анфиской моя жизнь будто бы наладилась. Теперь я была не одна. Я поделилась с ней секретом: показала свои бусинки, при помощи которых делала гимнастику для мозга. Она не оценила, нос воротила от них. Пока Мия тусовалась с Тимуром, а Стёпа читал книжку, я общалась с Анфиской. Каждому своё. Мы разбрелись по интересам, и никто никого не трогал. Тишина, покой, благодать. Сидеть бы и радоваться, но тут я почему-то решила, что крысе нужен сыр, и рванула на кухню. Там сидел Стёпа с кружкой своего фирменного чая из трав.

– У тебя нет кусочка сыра? А то мне покормить Анфису надо.

– Нет, – сказал он. – И вообще это сказки, что сыр крысам можно. Он в больших количествах для них вреден, и лучше не давать совсем.

– Да? – удивилась я. – А почему же все только и говорят про сыр в мышеловках?

– Ну вот так, – хмыкнул по-доброму он, – чего только не придумают.

– Это да, – присаживаясь вместе с ним за стол, сказала я. – Ты знаешь, мы – заложники книжек, заложники ненужных знаний. Вот крыса, а сыр ей нежелательно, – кивнула я на Анфису. – Так, может, и вообще это муть, что читать полезно. Может, это тоже стереотип.

– Ну я бы так не сказал, – засмеялся Стёпа. – Смотри что читать, – уточнил он.

– Да-а, – протянула я. – Но всё равно грустно. Может, я вообще не тем делом занимаюсь, трачу своё время на пустое, страдаю ерундой. Вот ровесницы мои уже родили по одному, а кто и по два ребёнка. Так, может, и мне рвануть?

– Куда?

– Рожать.

Я не давала отчёта своим словам. Эти мысли звучали в моём подсознании как план Б. А что, не получится стать великим писателем, тогда возьму и рожу, ну хоть от кого. Надо же родить, чтобы оправдать своё существование? Вот как я привязалась к Анфиске, а она вообще крыса какая-то. Это был мой материнский инстинкт.

Стёпа рассмеялся моим словам, и я тоже, но мой смех был искусственным. Я чувствовала, что нужно посмеяться вместе с ним в унисон. Потом, лёжа в своей комнате на кровати, я долго об этом рассуждала, пока Анфиска *наслаь* на моей груди. «Кто-то пригрел на груди змею, а я крысу», – улыбнулась своей внутренней находке. Но больше меня интересовал другой вопрос: «А что я вообще способна сделать за одобрение?»

Опытным путём было доказано, что ради одобрения я готова смеяться, хоть мне не смешно. Я готова быть душкой, хоть я не такая. За смайлик, сердечко, нарисованный стикер в интернете я могу изображать любовь, пока сама в неё не поверю. Именно это произошло в моих последних отношениях, длившихся две недели и закончившихся лютым баном, причём не с моей стороны. Я вообще готова на всё ради одобрения. Я готова на всё, чтобы меня приняли... Стало грустно. Посмотрела на искреннюю Анфиску, топтавшуюся по моей груди.

– Анфис, я на всё готова ради одобрения, да? – сказала я вслух, потому что в комнате никого не было. – Ну прямо на всё-всё-всё? – посмотрела я на неё. – Я даже унижаться готова, ходить на чужие концерты, если мне улыбнулись. Я даже раком поползу, если меня вдруг позовут, заметят, пригласят, лишь бы только меня приняли как свою, да?

Анфиска была обычной крыской. Я ей жаловалась, и она словно меня понимала. Я уставилась в потолок, как назло, слёз не было, ничего не было, одна пустота в голове. И в этой пустоте изредка, как кадры-вспышки, мелькали фрагменты моей вялотекущей жизни: вот я пишу, снова пишу, вот я кому-то пишу, вот я жду, что мне ответят, а мне снова не отвечают, и я снова жду. Вот я снова выслуживаюсь перед этим миром. Вот я бегу, лечу, если меня позвали, делаю над собой усилие, чтобы заметили и оценили, улыбаюсь через силу. Стою на задних лапках. Ползаю. Унижаюсь. Как хорошо, что крысы не умеют читать мысли и осуждать...

Через несколько минут мне нужно было встретиться с куратором, поэтому крыску я хотела отдать Тимуру. Пошла в комнату к мальчишкам, но там никого не было. Мии не было, Тимура не было, Стёпы тоже не было. Куда все подевались? Хотя и так понятно куда: у всех свои дела, жизнь, расписание. Мне было неловко находиться в комнате соседей в их отсутствие, но Анфиску-то куда-то нужно было деть. Я вспомнила про коробку под кроватью и быстро достала её. Удивилась, что Тимур, здесь, в коробке, создал крыске целый мир: маленькая кормушка, низкая кроватка, миниатюрный коврик. Я смотрела как зачарованная на скромный быт Анфиски, и в моей голове всплывали будущие названия книги в жанре фэнтези: «Крысиное Царство», «Тёмный мир крыс», «Крыса из преисподней». Это было так ярко и остро, что я забыла о встрече с куратором. Мне даже не хотелось смотреть на часы, чтобы не спугнуть ощущение радости и тайны, восторга перед чем-то удивительным и новым. В какой-то степени фантазия была моей компенсацией за то, что у меня нет личной жизни. Но не слишком ли это дорогая плата за неё?!

Глава 7

Мия Мур

А вы знали, что писатели – весёлый народ? Я могла бы столько всего рассказать об этом, но, к сожалению, с нас взяли слово, чтобы мы молчали (дело чуть не дошло до письменного согласия). А так да, я рассказала бы о том, как наша люби-

тельница высот в поиске вдохновения взобралась на здание администрации и часа четыре не могла оттуда слезть. Или заикнулась бы про *ведьму*, которая находила свою музу в огне и чуть не спалила тринадцатый домик, расставив по комнатам зажжённые ароматические свечи. После этого случая во всех гостевых коттеджах свечи убрали. Уж от кого-кого, а от парней я не ожидала: один писака пытался не есть все эти дни, объясняя своё поведение полезностью голодания. Как он сказал: «Когда человек не ест несколько дней, у него проявляется сознание, не затуманенное всеми человеческими нуждами...»

Вместо всего этого мне придётся выставить писателей в занудном ключе и поместить их в маленькую библиотеку, обозвав данное мероприятие писательским клубом. Именно это организаторы конкурса и затеяли, дабы окончательно перекрыть все потоки вдохновения. Не хватало только пустить газ...

Все участники сидели в кружочке на стульях, трещающих под их телодвижениями, как сухие ветки под ногами в лесу. О том, что это писательский клуб, нам сказала Кристина Эдуардовна. Вася была назначена первым дежурным куратором: наверное, чтобы мы тут без пригляда друг друга не поубивали. А так это было больше похоже на клуб анонимных алкоголиков. Сидели в кружочке, каждый вставал и рассказывал о себе, хлопали друг другу в конце выступления. По-моему, сходство однозначное. Однако организаторы считали, что такой клуб поможет: а) социализироваться скромным писателям; б) обменяться творческим опытом; в) дожидаться ужина, который наступит через полтора часа.

С социализацией это они, конечно, хорошо придумали. Но заставлять социофоба выступать первым перед всеми на собрании писательского клуба – это уже слишком. Этим «счастливчиком» оказалась Марго. Она пыталась взять верх над волнением и страхом, даже в какой-то момент у неё начало получаться, и она рассказала присутствующим о своей повести «Фея на костылях». Потом запнулась, покраснела и поджала губы. Брякнула что-то ещё, дерзнула в ответ одной девочке, желавшей помочь посредством заданного вопроса. Спустя ещё минуту наша Марго села на стул, тяжело вздохнув и опустив плечи. Степан что-то сказал ей, отчего она тут же воспрянула духом. Ух ты! Мне бы так научиться! А то я часто не могу подобрать ни единого слова, чтобы поддержать нашего Шурупчика.

– ...А вот я могу писать целыми днями, мне для этого не требуется вдохновение. Я воспринимаю писательство как работу, да и вообще все эти встречи с читателями, презентации стали для меня рутинной. Недавно подписала договор с крупным издательством... – выступала участница.

После слова «договор» я старалась не слушать и отвлечь себя чем-нибудь. Я таких писателей знала хорошо. Из них хлестали уверенность и энергия, где бы они ни находились и что бы ни делали. Им не нужно было ждать музу или любого другого подходящего момента, они писали всегда. Успевали вести тридцать три соцсети, помимо работы над основным текстом писали ещё несколько рассказов. Так, на всякий случай, вдруг конкурс какой. Думалось мне, что эта девица сюда именно так и попала, отослав свой очередной рассказ. Мне же специальные вещи давались сложно: я не умела вымучивать поставленную тему, писать целенаправленно или

модно, но стремилась к этому. С конкурсом мне просто повезло, «Психокниги» отлично подходили под мой психологический триллер, и я прошла.

– В конкурсах важно попадать в тему, а для этого нужно внимательно читать положение и правила. Прежде чем работать с основной рукописью, я иду в книжный магазин и смотрю, что же сейчас в тренде. Или, может быть, каких-то жанров меньше, и тогда в издательства легче пробиться, – продолжала она.

Но я снова потеряла интерес, переключилась на ветхие полки с пыльными книгами. Любопытно, какую из тверских библиотек разорила «Сморода»? Помещение, в котором проходило собрание, было подвальным, я бы предположила, что это архив базы. Возможно, книгам здесь неплохо, но через некоторое время без должной обработки в комнате могут появиться грибок, плесень и книжные черви, то есть насекомые. Я заметно дёрнулась, представив себе огромную сколопендру, выползающую из-под обложки какого-нибудь романа.

«Мур?» – тут же пришло сообщение от Тимура.

«Почти Ми*» – ответила я.

Всё-таки писательское воображение отлично прорисовало в моей голове сколопендру, даже Тимур *вошёл в чат*. Хотя ненадолго, наступил его черёд поделиться своей историей зависимости... ой, то есть писательства. Он без всякого смущения поднялся со стула, обвёл каждого взглядом, кивнул Кристине, а она ему в ответ. Зараза.

– Меня зовут Тимур Ледовских, но вы и так знаете. Я из Калуги, сейчас учусь заочно на третьем курсе филфака. Мое главное правило в писательстве – это смысловая нагрузка текста. Книга должна давать читателю полезность, помогать решать проблемы, а не просто так отвлекать без дела от реальности. Я предпочитаю погружать людей в происходящее, чтобы они могли задуматься над своими поступками, ситуациями, которые им предстоит исправить. В любом случае, я хочу добиться от своего текста, чтобы к концу книги менялся не только персонаж истории, но и сам читатель. Если мне удастся этого достичь, значит, я не зря избрал этот путь. И уже тогда я смогу смело сказать, что спасаю людей. Конечно, я не ровня пожарным, врачам и полицейским, зато я буду спасителем душ.

В комнате послышалось умиленное «о-о-о». Только что Тимур своим монологом влюбил в себя парочку-другую девчонок. Ох уж этот обожатель крыс! Судя по всему, Тимур больше не стремился завоевать моё сердце. После того случая с неудавшимся поцелуем и крысой под ногами он держал дистанцию. Вроде бы всё было хорошо, но не слишком, мы продолжали общаться, но словно на расстоянии. Когда мы встречались в общей комнате, Тимур устало махал на меня рукой и говорил что-то вроде: «Не-е, с тобой сложно. Опять выдумывать ответы на твои выпады. Не хочу». Может быть, это из-за внезапного озарения после ночных покатушек, может быть, это моё искаженное восприятие. Однозначно Тимур меня избегал, или я его?

После выступления Тимур подошёл к Кристине, и они о чём-то заворковали за стеллажом. Я взбесилась.

– Кто следующий? – поинтересовались в зале.

– Я, – выпалила и встала с места, не дав никому поразмыслить на этот счёт.

Под моим взглядом многие ломались и опускали взгляд в пол. Я умела смотреть свысока, хотя и без того занимала сейчас выигрышное положение, стоя перед сидевшими на стульях. Они хоть и не смотрели, но приготовились слушать. Тимур тоже обратил внимание на меня, прислонившись к полке плечом и скрестив руки на груди. Его закрытая поза говорила о недоверии, нежелании впускать меня внутрь. Вот это да! Вася встала в ту же позу, что и Тимур. Это называется синхронность поведения, когда собеседники находятся на одной волне, понимают и поддерживают друг друга.

– Меня зовут Мия Мур... – все тихонечко посмеялись. Спасибо всё тому же Тимуру, отпустившему в первый день шуточку про актрису, и она быстро разлетелась сплетнями по всем домикам. – Люблю проверять людей на прочность. Если кто-то читал мой черновик «Поиграй в меня», то вы уже в курсе, как я обожаю поиграть на нервах. Психологические приёмы, трюки, давление на больные точки, уловки – это то, что можно встретить в моих произведениях. После прочтения люди обычно пребывают в шоке...

– А это не опасно для здоровья? Читать такие книги? – неожиданно спросил Степан.

– Скажу больше: если знать правила игры, можно почувствовать себя победителем. Другими словами, мои книги учат выходить сухим из воды, – на этом мне следовало закончить, но я не смогла проглотить тот факт, что Тимур и Кристина стояли и весело перешёптывались во время моего выступления. – К примеру, наш Тимур Ледовских умело пользуется законом стула. Это привлечение клиента с помощью отталкивания.

Теперь-то он отвлёкся от своей Васи и удивлённо посмотрел прямо на меня, позабыв про свою закрытую позу. До меня дошло, что я неясно выразилась, поэтому взяла свой стул и вышла в центр круга. То, что я делала, было лишним, надуманным и наваянным ревностью, но я не могла изменить ход событий, процесс нападения шёл впереди моих мыслей на всех парах.

– Мия, пойдём погуляем, – говоря как бы голосом Тимура, я притянула спинку стула к себе. Когда отпустила, стул ускакал от меня на добрых десять сантиметров. – Нет, у меня много дел, – ответила за себя я, продолжая спектакль. – Мия, ты мне не интересна, я буду флиртовать весь вечер со своим куратором, – в этот раз я выставила спинку стула от себя на вытянутой руке. И когда отпустила, он тут же подскочил ко мне вплотную.

После я нахмурилась и посмотрела на Тимура. Хотела ему таким образом сказать: «Милый, ты тоже неплохо играешь. Вопрос в том, что – знаешь ли ты об этом?!»

– Так действует закон стула. Когда вы привлекаете всеми силами читателя, а он, наоборот, от вас бежит прочь, нужно крикнуть ему вслед – ну и иди ты! – и он вернётся. Конечно, не в прямом смысле, не точно так, как я сказала, но вы поняли. В этом весь секрет. Когда вы играете, то вы либо жертва, либо победитель. Выбирайте, кто вы, и действуйте, – пояснила я, поставила стул на место и села на него.

Вроде бы я должна была стать после всего этого тем самым победителем, но отчего-то чувствовала себя жертвой. Я дала волю эмоциям, и это минус. Среди всех психологических игр нет места случайным эмоциям и жестам. Продуманность – вот главный конёк. Однако я перенервничала. Скорее всего, из-за бессонной ночи, в которую неистово работала над книгой... или вдруг всё-таки из-за влюблённости, которая присела мне на уши?!

– Спасибо за выступление, Мия, – Кристина была красная от смущения и негодования. Она никак не ожидала моих выпадов в свою сторону. Но надо отдать ей должное, она быстро собралась и переключилась. – Сегодня послушаем ещё четырех человек, потом пойдём на ужин. Не переживайте, на собраниях писательского клуба выскажется каждый. А теперь, чтобы не терять мысль: предлагаю участникам обменяться рукописями и прочитать их. Во-первых, это взгляд на произведение со стороны, во-вторых, новое мнение и, в-третьих, возможность обсудить появившиеся идеи после.

Я смотрела перед собой, когда Тимур подошёл и плюхнул свою тетрадь мне на колени. Он хотел обменяться со мной рукописями, то есть я должна была прочитать его текст, а он – мой. Я вытащила флешку из кармана свитшота и медленно протянула ему, осторожно посмотрев в глаза. На его лице читались обида и вопрос о произошедшем: «Зачем?» Тимур точно спрашивал меня, ради чего я всё это устроила. А я и сама не знала. Повела себя как ревнивая стерва, унизив себя и его при всех. Тимур положил флешку в джинсы и, оставив руки в карманах, наклонился к моему уху.

– Надеюсь выйти победителем из твоей книжки, а иначе я труп. И всё-таки как же с тобой сложно... – прошептал он, после развернулся и, не дожидаясь окончания мероприятия, ушёл. А я осталась сидеть. С его рукописью на коленях.

«Добро пожаловать в мой мир», – только и сумела выдохнуть я.

Марго Шар

Атас. Заседание клуба прошло феерично, я набралась, напилась сотней умных словечек и теперь без труда могла поразить неискущённого читателя знаниями о писательском ремесле. Кого угодно, только не Стёпу. Он ведь прошаренный и ушлый слесарь, он этой писательской фигнёй вообще не страдал. Я не понимала, каким образом он затесался в наши писательские ряды. Случайный человек. Стёпа был одним из тех, кто жил себе и жил своей слесарской жизнью, а потом – бах! – на литературу его потянуло. Видимо, возраст. Взял и накалякал повестушку, случайно отправил на конкурс, случайно попал в короткий список. Всё у него как-то случайно! Как будто судьба взяла и дала ему зелёный свет на всё, за что бы он ни взялся. За выслугу лет, так сказать.

День клонился к вечеру, и этот вечер был мягким, зыбким, почти невесомым. В такие вечера чувствуешь себя словно заперти, потому что, куда бы ни направилась твоя мысль – всюду запертые двери. Мне не хотелось вспоминать о своём выступлении в писательском клубе и убедать себя в том, что это был провал. Вместо этого я вышла на разговор со Стёпой.

– Ну что, Степан, – начала пространно я, когда мы возвращались с заседания этого писательского клуба. – Хотелось бы сказать тебе пару слов по поводу твоего «шедевра».

Ни с того ни с сего я назвала его Степаном, хотя уже давно привыкла обращаться к нему по-домашнему – Стёпа. Наверное, у меня накопилось много возмущения по поводу моей не востребоваемости, а это собрание, на котором мне пришлось выступить, только приумножило мою внутреннюю агрессию. Я жаждала сказать этому миру что-нибудь недоброе, а Стёпа просто попал под горячую руку, опять же, чисто случайно. Если бы рядом со мной шла Мия, то я бы нашла, по какому поводу можно придаться и к ней.

– Тебе понравилось? – с лукавым прищуром посмотрел Стёпа на меня.

Мне не понравился его взгляд, потому что этот взгляд обезоруживал. Как можно сказать что-то колкое, если на тебя так смотрят?!

– Что могу сказать, – монотонно продолжила я, – характеры не прописаны, героев я не увидела. Да и вообще написано каким-то обывательским языком, никакой изюминки. Слишком много слов «был», «была» «было», слишком много повторений, и вообще слог...

– Да ладно тебе, я и не собирался кого-то удивлять, – сказал он, как отрезал, как будто моя конструктивная критика вообще его не задела.

«Я и моё мнение ничего не значим для него», – пробежала крамольная мысль в моей голове, от которой стало больно.

– Пошли лучше есть, – предложил Стёпа. – Интересно, что у нас там на ужин?

Я вздохнула, опять меня не оценили. Если бы он разозлился, это было бы гораздо лучше, ведь я тогда бы поверила, что хоть что-то да значу.

В столовой долго смотрела на светло-зелёный стол, потом в тарелку, потом на котлету, которую я ковыряла вилкой, и лишь изредка смотрела на Стёпу.

– Иногда мне кажется, что новая жизнь совсем рядом, совсем близко, только я её не замечаю. Что-то важное рядом, а я не вижу в упор, – дербаня котлету, говорила я. Котлета совершенно не лезла в рот, но надо было что-то с ней делать.

– Мне тоже так кажется, – сказал Стёпа, чтобы поддержать разговор. – Уже больше сорока лет кажется, а новая жизнь...

– Что новая жизнь? – спросила я.

– Она... не новая, – замялся он. – Она всё время продолжение старой, как будто всё то же самое, только на другом уровне.

– Этого я и боюсь, а вдруг это замкнутый круг? Я всё время пишу, а жизнь проносится мимо. Сколько можно писать, если тебе не платят?

– Не знаю.

– А-а-а, – взволнованно произнесла я, – ну тебе и не обязательно это знать, ты новичок в нашем деле. У тебя есть профессия и жилплощадь. Твоя жизнь сложилась. Ты вполне можешь обойтись без писательства и признания, – начала говорить я, понимая, что захожу на чужую личную территорию. – Вот зачем ты написал «Отпусти меня, Клара»? Тебе что, спокойно не жилось?

Стёпа задумался. Я впервые увидела, как разные мысли пробежали у него в голове. Мне показалось, что он сейчас встанет и уйдёт, не желая дальше слушать мои брюзжание и жалобы на свою печальную участь. Но он вдруг сказал:

– У человека есть такая потребность. Потребность говорить о том, что важно. Даже если ничего нельзя в жизни изменить, то можно об этом сказать, написать, и это уже отдушина.

– А деньги? – поинтересовалась я.

– Какие деньги? – удивился он.

– Ну за отдушину должны давать деньги? – с настойчивостью быка, несущегося на красную тряпку, спросила я.

– Ну не знаю, кому-то дают, – усмехнулся он.

Его усмешка больно ранила, это был укол в самое сердце. Я пронзительно замолчала и хотела молчать так долго, насколько это вообще возможно. Но взрыв негодования, произошедший в моей груди, сам толкнул слова наружу.

– А почему кому-то, а не нам? Мы же тоже стараемся! Кто это вообще решает, кому платить, а кому нет?

Я понимала, что Стёпа обескуражен моей настойчивостью докопаться до сути. Он хотел перевести разговор в другое русло или попросту отшутиться, но я не предоставила ему такой возможности. Мне было нужно, чтобы кто-то сказал, почему один писатель может заработать на своём творчестве, а другой – нет, хотя его творчество ничуть не хуже. Я не собиралась сдаваться, но, как назло, в столовой в этот самый момент обозначилась во всей красе наша общая кураторша. И не просто обозначилась, а присела к нам за столик. Надежда Аркадьевна собственной персоной. Старая бабка – лет под шестьдесят – с тонкими губами, накрашенными красной помадой. В который раз, смотря на неё, я искренне недоумевала: ну зачем же так красить губы, зачем подчёркивать их тонкость, тонюсенькость, и делать акцент на том, что эти уголки губ направлены вниз. Зачем эта красная нить на лице? Что она этим хочет сказать? Что её рот прошел красной нитью через всю её жизнь?

Кураторшу я побаивалась, особенно её проскальзывающей хитрющей полуулыбки. Такая бывает у «аццких» психологов, которые типа всё знают и сейчас во всём разберутся, всем поставят диагнозы. Надо признать, что и Надежда Аркадьевна особого интереса ко мне не проявляла. Её больше привлекал Стёпа. Ну а что, возраста они почти одинакового, ей – шестьдесят, ему – за сорок. Вот она к нему и льнула, общая песочница была где-то рядом. Одеты они, кстати, тоже в похожем стиле. Стёпа – дедов стиль, она – бабкин стайл: туфельки серенькие на каблукке, сиреневая кофточка, юбочка ниже колена, розовая блуза с бантом и брошь в виде розочки. Брошь, Карл? Вы видели, чтобы кто-то носил броши сейчас? «Даже не знаю, – глядя на это украшение, подумала я, – наверное, только Стёпа оценит».

Когда Надежда Аркадьевна присела к нам за столик со своим картофельным пюре и кусочком жареной рыбки, Стёпа сразу переключил внимание на неё. Ну всё, родные люди встретились. Появилась уникальная возможность обсудить группу «На-на» и вспомнить «Приключения Электроника». Я утопала в своём полутрагиче-

ском ощущении конца, даже не слушала их старческие бредни, как вдруг кураторша повернулась ко мне и спросила:

– А вы что думаете об этом, Риточка?

Я выпала в осадок. Во-первых, я не знала, о чём идет речь. Во-вторых, какая я ей ещё «Риточка»? В этом увидела неуважение к своему праву на выбор псевдонима. Между прочим, я – Марго Шар, и никак иначе.

– Я с вами полностью согласна, – улыбнулась ей зловещей улыбкой, стараясь не выдать своего возмущения.

При таком раскладе меня радовало только одно, что есть такие фразочки, которыми можно закрыть любую тему, и «я с вами полностью согласна» – одна из таких.

Ковырять котлету больше не было сил. Я боялась, что Стёпа с кураторшей втянут меня в беседу. Чтобы не потерять себя окончательно, я демонстративно откланялась и двинулась восвояси. По пути к домику у меня продолжало звенеть в ушах имя «Риточка». Помнится, мои любимые родственнички подняли на смех мой псевдоним, особенно их веселило, что я взяла фамилию Шар. «А почему не Кругок, почему не Квадрат, почему не Параллелепипед?» – смеялись они.

Эти воспоминания вызвали у меня гнев, поэтому вместо того, чтобы пойти в домик, я навернула ещё несколько кругов вокруг него. Думала о нашем разговоре со Стёпой, пыталась сама ответить на вопросы: «Кому позволено зарабатывать писательским трудом?» и «Кто это решает?» Мысли крутились в голове, а я крутилась вокруг домика, и, судя по всему, мы это делали в противофазе. Совершенно случайно, сама того не ожидая, я столкнулась с девушкой, которая весело щебетала по телефону.

– ...Ну этот, который племянник нашей кураторши, – долетел до меня отрывок фразы из её разговора.

Я подобрала к этому обрывку только одно сопоставление: блат. Это было как озарение, момент истины. Кажется, я нашла тот ответ, который искала.

Продолжение следует...

Ирина КАШАЕВА

Мне не больно

Новелла

Ну вот всё и кончилось. Будто и не было ничего. Письмо сыну написала, осталось выйти на балкон и сделать то, что должна сделать. Умирать не страшно: там мои папа и мама, а здесь только Витя. Он взрослый, и ему давно уже не нужна мать.

«Ты неизлечимо больна. Зачем продлять агонию, если ты уже почти мертва? Зачем обременять собой сына? Сердце пока ещё бьется, но это легко исправить. Скоро всё случится и о тебе никто даже не вспомнит. Смелее!» – приказал кто-то внутри меня.

Я открыла балконную дверь и вышла на воздух. В лицо пахнул свежий ветер и растрепал мои волосы. Я вспомнила, как маленький Витя играл с моими волосами.

«Больше я никогда не увижу сына. Пусть живёт спокойно. Это лучшее, что я могу для него сделать», – подумала я и сделала шаг вперёд. Так же, как я сейчас, много лет назад на балконе стояла семнадцатилетняя Ксения Котова. Так же, как я, смотрела в лицо смерти.

О чём она думала тогда? Наверное, о том же: кончить всё разом. Только у Ксении ничего не вышло, а у меня получится. Сердце защемила боль, и на глаза набежали слёзы.

Я любила читать на балконе, поэтому там всегда стояли стол и стул.

«Нужно встать на стул, потом – на стол. Сделать шаг вперёд, и всё!» – приказал тот же голос, но внезапная дрожь в коленях не позволила мне сделать это.

«Ну же, Маринка, не трусь! Ты ведь никогда ничего не боялась!» – сказала я себе папиными словами. Вскарабкалась на стол и села, свесив вниз ноги. Говорят, перед смертью человек вспоминает всё. Вот так же и я: посмотрела вниз, и вся моя нелепая жизнь вихрем пронеслась перед глазами...

Своей матери я никогда не знала. Она умерла при родах, и папа воспитывал меня один. Он служил в милиции и вечно был очень занят. Но я не была обделена родительской любовью. Папа жил ради меня, больше он так и не женился. Мне исполнилось четырнадцать, когда мы переехали сюда. Это была моя самая счастливая весна. Я пошла

в новую школу и встретила там свою судьбу. Мальчика звали Костя Морозов, он был похож на прекрасного принца из волшебной сказки. В такого нельзя было не влюбиться! Я не хотела смотреть на него, но смотрела, не хотела слушать, но слушала... Сидела я за одной партой с Лёней Сватовым. Он был обычным зубрилой, «ботаником», панически боялся высоты, и все в классе над ним потешались. На меня Лёня смотрел снизу вверх, но никого, кроме Морозова, я не замечала. Я настолько увлеклась Костей, что не могла без него жить, а он считал меня только другом. Но я не отчаивалась. Верила, что когда-нибудь Костя поймёт, как я люблю его, и мы поженимся. А как же? По-другому просто не могло быть!

А в десятом классе к нам пришла новенькая, Ксюша Котова. Девочка как девочка, ничего особенного в ней не было, но Костя... Я заметила, как он смотрит на неё и как дрожит при ней его голос. Теперь Морозов таскался за Ксюшей, как хвостик, и она не возражала против такого внимания! Я сердцем почувствовала, что теряю его! Все мои мечты рассыпались в прах, и жизнь под откос покатила. Но как же так?! Ведь я люблю Костю, и он должен стать моим! Сердце рвалось на части, но поделиться своей болью мне было не с кем. Единственный родной человек, папа, был постоянно занят на службе. Он понимал, что со мной творится неладное, но списывал всё на переходный возраст.

Прошёл год. Я всё так же страдала по Морозову, но он не замечал никого, кроме Котовой. На меня он так никогда не смотрел! Видеть их вместе было невыносимо, но умирая от обиды и ревности, я таскалась следом. Просто ненормальная стала и ничего поделаться с собой не могла. Умом понимала, что Костя любит только Котову, но сердцу-то не прикажешь! Не в силах была я проститься с мечтой о пышной свадьбе, белом платье, фате, криках «Горько!» и ради этого была готова на всё! Я даже с Котовой подружилась, хотя желала ей всего самого плохого.

Итак, прошёл целый год. Наконец-то сданы последние школьные экзамены и наступил наш выпускной вечер. Я как раз спешила на праздник и, проходя мимо дома Котовых, увидела Ксюшу. В домашней одежде, растрёпанная и взволнованная, она побежала мне навстречу.

– Марина, привет! Передай Косте, что я не приду на вечер. Маме всю ночь было плохо, сейчас в больницу отправляем. Скажешь ему, ладно? – попросила Котова.

У меня в голове мигом созрел план, и я кивнула.

В спортзале накрыли столы, все веселились, ели и пили. Морозов сидел один. Подсев к нему, я соврала, что видела Котову с каким-то парнем на мотоцикле. Костя побледнел и даже изменился в лице.

– Это правда? – переспросил он.

– Ну да! Они целовались, – добавила я и предложила любимому выпить. Он согласился, потом мы выпили ещё и ещё. Вернее, сама я не пила, только Костя. Когда он достаточно набрался, я поняла, что мой час настал, и увела любимого к себе. Он даже не сопротивлялся, и всё складывалось как нельзя лучше! Папа в ту ночь дежурил, и мы с моим любимым были одни. Раздевшись сама, я раздела Морозова и легла с ним в постель. Это была наша первая ночь любви, но победительницей я не стала. Увы! Всю ночь Костя называл меня Ксюшей... А утром пришёл папа и, застав меня с парнем, впал в настоящее бешенство. Я думала, что он душу из Кости вытрясет!

– Или ты женишься, или сядешь за соращение малолетней! – вопил отец.

А Костя был растерян, раздавлен и даже убит.

– Я не помню, как здесь оказался, не помню! Я вообще ничего не помню! – возражал он, но папа был непреклонен. Да Морозов и не смог бы противостоять нам: у него была только старенькая бабушка, а у моего отца связи...

Папа постарался, и расписали нас уже завтра, на дому. Свадьбы и белого платья у меня не было. Костя даже целоваться со мной не захотел, но разве это главное? Ведь моей любви хватит на двоих!

А потом я случайно узнала, что в день нашей свадьбы Ксюша выбросилась с балкона и угодила в больницу. Второй этаж, Котова упала на клумбу, получила какие-то травмы, но осталась жива. Косте об этом я ничего не сказала. Зачем? Мы поженились, и это главное! А Котова? В глубине души мне было жаль эту несчастную, но ведь я не заставляла её прыгать с балкона! Это её выбор, а в любви каждый старается для себя.

А папа устроил Костю в милицию, нам сразу дали квартиру, и мы жили отдельно. Всё было хорошо, вот только Костя стал угрюмым и злым. Отношения у нас были холодными. Папе, конечно, ничего не говорила, да и стыдно рассказывать о таком. Пыталась поговорить с мужем, но он ничего не хотел обсуждать.

– Не устраиваю? Разводись! – вот и весь ответ.

Больше всего на свете я боялась потерять Костю и молчала.

Потом забеременела и была этому очень рада. Теперь уж Костя точно оттаит, полюбит меня, и мы обязательно будем счастливы! Вечером я приготовила романтический ужин, надела своё лучшее платье и сделала красивую причёску. Как только пришёл Костя, сообщила ему радостную весть, но муж холодно оттолкнул меня.

– Почему ты не сказала мне про Ксюшу? – сурово спросил он.

– У нас маленький будет! Наш с тобой малыш, твой и мой! Ты не рад?!

– Ксюша тяжело больна! После нашей свадьбы она выбросилась с балкона и ходить больше не сможет! Видел её сегодня в инвалидной коляске... Ты знала? Знала? Молчишь? Выходит, знала и использовала ситуацию в свою пользу! За что ты так с ней? А со мной за что?! – проорал он, и ответить на это мне было нечего... Вся моя радость от скорого рождения малыша померкла. В доме поселилась тишина: мрачная, злоедающая и глухая. Такая, что выть хочется! Я больше не жила, а существовала. Ребёнок в животе рос и всюю толкался уже, но Костю это совсем не волновало. Такое впечатление, что мой муж не желал иметь к малышу никакого отношения. Костя перестал ночевать дома, и я тешила себя мыслями, что он на службе. Потом случайно услышала разговор бабушек у подъезда, и в сердце мне словно нож воткнули:

– Жена – красавица писаная, а он у инвалидки ночует! – покачала головой одна.

– У какой инвалидки? – спросила другая.

– Да у Котовой с соседней улицы.

– Ксюшка Котова? Та, что с балкона прыгнула?! Вот те на! Она же неходячая!

– Вот именно!

– Это ж надо, здоровую на калеку променять! А Маринке-то рожать скоро! Чего только этим кобелям не хватает?!

Не поверила я в такое и решила сама проследить за мужем. Выйдя следом за ним из дома и прячась за деревьями, я осторожно двигалась на отдалении. Костя ничего

не заметил. Наконец он свернул на улицу, где жила Ксения, и сердце моё тревожно сжалось. Неужели он правда с ней?! Променять меня и нашего малыша на калеку?! Как такое возможно?! До последней минуты я не верила, что мой любимый идёт к Котовой, но вошёл он именно в её подъезд. С ужасом я наблюдала, как в окне застыл силуэт Котовой, как к ней подошёл мой муж и обнял её... И я умерла. Домой вернулась сама не своя. Не могла ни есть, ни пить, ни спать... За что мне всё это?! Почему эта убогая Котова стоит на моём пути?! Почему именно она? Разве здоровых баб мало?!

А потом неожиданно умер мой папа, и я осталась совсем одна. Ни родных, ни друзей... Никого, кроме мужа, которому я не нужна, и сына, который пока не родился. Морозов проявил себя с лучшей стороны и помог мне с похоронами.

– Тестя я уважаю и последний долг отдать ему обязан, – заявил он, но этим всё участие и закончилось. После смерти папы для меня настали по-настоящему чёрные дни. Не жизнь, а мука! Костя приходил редко и каждый раз старался побольше меня ранить. А потом он просто ушёл.

Решив отомстить Котовой за свою сломанную жизнь, я пошла на крайние меры. В крохотной деревушке за городом жила ведунья. Люди обращались к ней со своими нуждами, и многим она помогала. Я нашла школьную фотографию Котовой и рано утром поехала к ведьме. Но стоило мне войти в избу, старуха рассвирепела и вытолкала меня взащей.

– Пошла вон! Своё дитя погубить задумала, пожалей хоть чужое! – вопила она. Я тогда даже не поняла, о каком чужом ребёнке говорит ведьма.

Все дальнейшие уговоры были бесполезны, и пришлось мне вернуться домой ни с чем.

Той же ночью я почувствовала себя плохо, а утром начались преждевременные роды. С огромным трудом я доползла до соседней, они-то и вызвали «скорую». Роды выдались тяжёлыми, но, к счастью, сыночек мой родился здоровым. Я попросила медсестру позвонить на домашний телефон Котовой и сообщить, что Костя стал отцом. Верила, что муж захочет увидеть сына, но в больницу он так и не явился. Денег на такси не было, и домой мы с сыном добирались на автобусе. Дома я продолжала ждать Костю, и он всё-таки пришёл. Я надеялась, что муж возьмёт своего сына на руки, почувствует, что стал отцом, и каменное сердце его дрогнет. Родная кровь всё-таки! Но, даже не взглянув на Витеньку, муж собрал вещи и ушёл к Котовой. Ко мне он больше так и не вернулся. Неужели ему всё равно, что Ксения – калека?! А потом я получила повестку на развод. Задыхаясь от обиды, собрала сына и побежала на службу к мужу.

– На инвалидке своей решил жениться? Никакого развода не будет! – проорала я.

– Семьи у нас нет и никогда не было... Зачем мучить друг друга? Будь человеком! – попросил Костя.

Но я не сдавалась: плакала, просила, совала ему в лицо сына, но муж настаивал на разводе. Будто понимая, что с родителями что-то не так, Витя расплакался и нам пришлось вернуться домой. На следующий день я решила серьёзно поговорить с Ксенией. Собрала сына и пошла к ней. Морозов был на службе, и открыла мне сама Котова. Она была невероятно бледна и передвигалась в инвалидной коляске. Я увидела её огромный живот, и все мои слова комом застряли глубоко в горле. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, и совершенно неожиданно я разглядела жалость в глазах

разлучницы. Не в силах вынести это, прижала Витю к себе покрепче и ушла. Слезы застилали глаза, я бежала, не разбирая дороги, и едва не сбила с ног Марию Сергеевну, нашу бывшую классную.

– Что случилось, Марина? Тебе плохо? – ахнула она.

Я ничего не смогла ответить на это, и учительница увела нас с Витей к себе. Там, за чаем, я рассказала ей про подлую разлучницу Котову, про предательство мужа и про наш предстоящий развод.

– Всё понимаю, девочка. Смирись. Меня тоже мой первый муж бросил, и что? Встретила другого, полюбила, вышла замуж и стала по-настоящему счастливой. Отпусти Морозова. Дай ему развод, и пусть живёт своей жизнью.

– Не могу. Больно очень, нет сил терпеть...

– Я знаю. Боль со временем ослабеет, сердце восстановит силы, и ты сможешь начать жить заново. Ты же ещё такая молодая! Может быть, настоящую любовь встретишь!

– Встретила уже, хватит...

– Ты о Косте? А что если это была обычная подростковая влюблённость и настоящая любовь у тебя впереди? Порой мы уверены, что больше никто не сделает нас счастливыми, а в итоге всё складывается по-другому. Мы встречаем свою вторую половинку и обретаем настоящее счастье. Подумай об этом и отпусти Морозова. Пусть идёт своей дорогой, а ты – своей.

– Я не могу... Витя – наш сын... Мой и Костин...

– Тем более! Зачем мальчику смотреть, как страдает его мама? Думаешь, от твоих мук ребёнку будет лучше? Дети должны расти в радости, а какое уж тут радость? Позволь Косте уйти и просто живи! Живи ради сына, а любовь придёт обязательно! Запомни, счастье всегда приходит к тем, кто в него верит и ждёт! – уверяла Мария Сергеевна.

Удивительно, но после этого разговора мне стало полегче. Решив последовать совету мудрой женщины, я дала согласие на развод. Костя женился на Котовой. У них родилась дочь, и Ксения даже стала передвигаться с тросточкой. Видела я их на прогулке в парке: невероятно счастливый Костя левой рукой катил детскую коляску, а правой поддерживал идущую с тростью Ксению. Пройдя несколько шагов, они опустились на лавочку, и мой бывший обнял Котову. Меня он никогда не обнимал с такой любовью! Не в силах смотреть на чужое счастье, я убежала домой и впервые напилась. Просто очень хотелось забыть эту картину: сияющая хромоножка Котова и мой бывший рядом...

А Костя, совершенно неожиданно для меня, вскоре стал навещать Витеньку. Он приносил игрушки, подарки, и мальчик постепенно привыкал к его визитам. А я... Я никак не могла забыть мужа! Изю всех сил старалась не думать о нём, но бывший приходил к сыну, и после его ухода я каждый раз плакала. Но это были ещё цветочки! Когда Витя немного подрос, Костя стал забирать его к себе, и я по несколько дней не видела сына. Возвращаясь домой, мальчик с восторгом рассказывал мне о папе, о тёте Ксюше и о своей сестрёнке Любушке. Внутри меня всё так и кипело от злости... Любила ли я тогда Морозова? Думаю, нет. На смену больной любви пришла нестерпимая ненависть. У меня не было никого дороже сына, а бывший вполне реально отнимал его! Много раз я пыталась прекратить эти встречи, но Витя почти возненавидел меня. Он убежал из дома и всё равно встречался с отцом. Пришлось смириться. А когда Витеньке

исполнилось семнадцать, семейство Морозовых переехало в областной город. Я думала, вздохну спокойно, но сын поступил там в медицинский вуз. Теперь он постоянно жил у отца, и я осталась совсем одна. Конечно, Витя звонил, но разве разговоры по телефону могут заменить живое общение с сыном?

Меня Витенька навещал дважды в месяц, иногда реже. Объяснял он это по-разному: то сессия, то зачёты. Меня это очень огорчало. А в последнее время я вообще чувствовала себя разбитой и слабой. Сердце болело, голова кружилась, и как-то на работе я потеряла сознание. Коллеги вызвали «скорую», меня отвезли в больницу.

Придя в себя, я случайно подслушала разговор медсестёр и поняла, что говорят они обо мне:

– Сегодня поступила. Сорок лет, а сердце, как тряпка, – говорили они.

В тот же день меня навестил кардиолог. Едва он вошёл, я тут же узнала своего бывшего одноклассника Лёню Сватова! Лёня вел себя профессионально, как и положено настоящему доктору. Осмотрев меня, он назначил необходимое обследование и ушёл. А через час мне позвонил сын, сообщил, что приехал, и я отпросилась домой.

Витю я не видела почти целый месяц. Счастлива была обнять его, но сын тут же засобиравшись назад. Я даже поговорить с ним толком не успела!

– Что случилось, сынок? Я столько ждала тебя, а ты уже уезжаешь!

– Мамочка, понимаешь... Тётя Ксюша приболела, и мне надо за ней поухаживать, – смутился Витя.

«Опять она! Сначала мужа отняла, теперь сына своей воле подчинила!» – подумала я, а вслух спросила:

– А Люба что? Она не может присмотреть за родной матерью? Или это твой отец попросил тебя помочь?

– Мама, ну что ты такое говоришь! Тётя Ксюша ничего не жалеет для меня и практически заменила мне маму! Ей массаж нужен и уколы назначили, а я как раз учусь в медицинском. Кому как не мне помочь ей? – искренне удивился сын, поцеловал меня и убежал на поезд.

Звуки его шагов давно уже растаяли в тишине, а в моей душе продолжали колотом гудеть его слова:

– Тётя Ксюша... Заменяла маму...

Для меня нет и не было никого дороже Вити. Вся моя любовь к Косте – ничто по сравнению с любовью к сыну. Я его мать! Я, а не «тётя Ксюша», «заменившая» ему меня! Разве я просила её об этом? Просила?

А может быть, всё к лучшему? Я больна, и с каждым днём будет только хуже. Не хочу я медленно умирать и быть обузой для сына! Он молодой совсем, должен дышать полной грудью, а не ухаживать за доживающей свои дни матерью! Ксения права, что заменила ему меня.

Проведя бессонную ночь, я написала письмо сыну, в котором рассказала ему всё и попросила прощения за то, что собираюсь сделать.

Я дошла до своей последней черты и больше ничего не боюсь. За всё в жизни приходится платить. Жаль, что я понимаю это только сейчас.

Ну вот и всё. Одно движение, последнее, и всё закончится. Не будет: ни боли, ни душевных мук, ни раскаяния. Ничего не будет! И я уже готова была сделать это, вдруг...

– Спокойно, Марина. Постарайся отодвинуться от края и не смотри вниз, – тихо прозвучал мужской голос.

Я послушалась. Осторожно, но крепко он сжал мою руку, потянул к себе и тело моё обмякло. Я упала на пол, ушибла ногу и заплакала.

– Тебе больно, Мариночка? Больно? – взволнованно повторял он.

– Нет. Мне не больно, – прорыдала я.

Упала на грудь своему спасителю, и так мне вдруг жить захотелось! Дышать воздухом, видеть солнце, чувствовать дождь на коже и просто жить! Жить ради сына, ради своих будущих внуков и ради себя самой!

Успокаивая меня, он гладил мои плечи и плакал вместе со мной.

Уже потом я разглядела, что спас меня Лёня Сватов.

А когда я пришла в себя, мы с Лёней пили чай на кухне и разговаривали.

– Маришка, со здоровьем у тебя всё хорошо, просто стресс сказался. Я решил лично сообщить тебе об этом. Подхожу к дому, вижу, ты на столе сидишь, а это опасно. Хорошо, дверь у тебя не заперта была! В квартиру вбегаю, ну и... Дальше ты всё знаешь.

– Спасибо тебе, Лёничка! А если бы ты не смог снять меня оттуда? Что тогда?

– Но я же смог! Смог! Зачем думать о том, чего не случилось? Главное, что сейчас у тебя всё хорошо! Марина, я давно должен сказать тебе... Ты всегда мне очень нравилась. Но ты никогда не замечала меня, а потом вышла замуж за Костю. Я пытался забыть тебя, но так и не смог. А когда увидел тебя и узнал, что ты развелась с Морозовым, всё снова нахлынуло. Знаешь, я ведь до сих пор одинок. Не встретил такую, как ты, вот и не женился. Ты нужна мне, Марина. Очень нужна. Ради тебя я готов на всё. Ты веришь?

– Верю...

С того самого дня мы стали встречаться. Лёня очень красиво за мной ухаживал: дарил цветы, приглашал в кино или просто на прогулку по городу. Мы говорили, говорили и никак наговориться не могли! Мне было так тепло и уютно с ним рядом. Я забыла о том, как была одинока и несчастлива все последние годы, и снова почувствовала себя юной и самой желанной. Будто время вспять повернулось... Приехал Витя, и я не знала, как познакомить сына со своим новым избранником. Но всё произошло естественно, и Витенька принял дядю Лёню в семью. Леонид попросил у Вити моей руки и получил его согласие. И моё согласие он получил тоже!

Я попросила прощения у Морозовых.

– Мы давно простили тебя. Будь счастлива! – сказали Ксения с Костей, и с души моей будто камень свалился.

Мы с Лёней расписались, и вот уже много лет живём счастливо.

Права была учительница: у каждого своя судьба и своё счастье. Если силой забираешь чужую судьбу и чужого любимого, счастья не будет. А где-то по свету бродит твоя единственная половинка. Главное, не проглядеть её и не пропустить. Это и есть счастье. А оно всегда приходит к тем, кто верит в него и ждёт!

Вера ДАШКОВА

Сочинение на тему, какое моё впечатление об этой земле

Стихи

* * *

Ветер обходит деревья.
День беспробудно светел.
День, прожитый в деревне,
День, прожитый на свете,

Сам отрывает листик
И становится днём
Из бабкиного численника,
Из числа мне отведённых.

В нём на правах безделья
(Или по случаю отдыха)
Вот, подбираю – с дерева
Упавший необоснованно.

Пусть этим летом пахнет,
Дервянной и солнечной кожей,
Как календарный – руками,
На четверть моими тоже.

Тоже забуду детям
В какой-нибудь книге старой,
Чем помянуть эту землю,
Когда мы с ней ближе станем.

* * *

Ось осени. И я на эту ось
насквозь.
Как на прожилку лист.
Один из тех, какие довелось
нам вместе видеть на деревьях и кустах
зелёными, кишущими – ну живность!
Которые теперь
ложатся вниз
в незвёздный дождь
и в утренний туман,
где слишком ясно то,
что не сложилось.

* * *

Я вышел в свет.
И вышел снег.
Такой, что мы шагаем в ногу.
На тротуаре первый след,
Наш общий след через дорогу,

Где свет от фар и светофор
Уступят, рассмотрев идею:
Чем долгожданней до сих пор,
Тем восхитительней виденье!

Далёко стоп работе стоп,
И мельник облака таскает
Мешками... Всё же, если что,
Если без времени растаю –

Я вышел в снег...

* * *

Лицом к лицу – увы! – лицом к лицу...
Здесь – морда к морде и всё остальное.
Ведь я медведь, и я жила в лесу.
И ты медведь. И вот на льдине двое.

И вот пытаюсь понимать язык,
В котором прячутся заснеженные крыши
Берлог моих сородичей лесных;
Тот, на котором ты не говоришь мне –

Таскаешь рыб, запутываешь след...
А если подлетит ко мне – комар там,
Во сне, – то шансов у бедняги нет:
Заботливо прихлопнут будет лапой.

Ну а когда из пережитых крыш
Бессонница сооружает стену,
За ней, за мной, со мной – и ты не спишь,
Мой редкий, мой загадочный, мой белый

Медведь.

* * *

В вечерней школе проступает модуль летний,
И из вчерашней шумной раздевалки
Не переедут наши вещи как соседи,
Объятями не станут обнималки.

Большая часть большой ватаги нашей,
Поднявшись в небо, превратится в стаю,
Рассыплется, чтоб нежиться на пляжах.
Оседлых будут греть воспоминанья.

Я буду вспоминать на огороде
Однопартийца, эрудита, принца,
Признавшего в моей подбитой морде,
Как я люблю,
как я хочу
учиться...

Авторы

Гончар Анатолий Михайлович (06.01.1965–31.07.2023) – Герой России, член Союза писателей России. Родился в с. Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. Срочную службу проходил в Афганистане, участвовал в КТО на Северном Кавказе. Награждён орденом Красной Звезды, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» (с мечами) I и II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др. Погиб при выполнении воинского долга в специальной военной операции по освобождению Донбасса. Учился в МГУ им. Ломоносова, был отчислен по собственному желанию. Автор более двадцати книг прозы, изданных «Эксмо», и пяти стихотворных сборников. Победитель литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (диплом им. генерала М. Скобелева). Лауреат премии «Во славу Отечества». Лауреат специальной премии литературного конкурса «Щит и меч Отечества».

Луканкина Елена Львовна – поэт, прозаик, драматург, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в Тамбове. Окончила факультет журналистики ТГУ имени Г. Р. Державина. Автор шести книг: сборников стихов «Маленькие жизни», «Искусство крика», «P.S.», «Дерево в огне», книги прозы «Полуангелы». Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» имени Владимира Маяковского. Лауреат литературной премии Тамбовской области им. Е. А. Баратынского. Лауреат литературной премии «Светунец» им. Вячеслава Богданова.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г. Р. Державина. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет», в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова, премии журнала «Наш современник» им. Ю. П. Кузнецова, региональной литературной премии имени Е. А. Баратынского, дипломант Международного Волошинского фестиваля. В 2021 г. признана «Лучшим поэтом года» по версии Союза писателей России. Руководитель Центра творческого развития детей «Мир слова».

Дорожкина Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, литературовед, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родилась в 1939 г. в Мичуринске. Окончила историко-филологический факультет ТГПИ. Работала ст. редактором в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве. Автор более тридцати книг, соавтор «Тамбовской энциклопедии». Лауреат литературных премий: имени Е. А. Баратынского, Зои Космодемьянской, И. Г. Рахманинова, И. А. Гаврилова. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный профессор ТГУ имени Г. Р. Державина, Почётный гражданин г. Тамбова. Награждена орденом Дружбы.

Селивёрстов Владимир Иванович – прозаик, краевед, ветеран МВД, адвокат. Член Союза писателей России. Родился в 1945 г. в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР. Автор исторических романов, в т.ч. о тамбовском правителе Г. Р. Державине, о губернаторах: П. А. Нилове, Д. Р. Кошелеве, А. М. Безобразове, фон дер Лаунице и других. Лауреат литературной премии им. Е. А. Баратынского. Организатор творческих встреч «Трегуляевские среды».

Юрий Беридзе (Гладкевич Юрий Вахтангович) – поэт, журналист. Родился в 1956 г. в Грузии. Окончил Военно-политическую академию им. Ленина по специальности «редактор». Служил на Северном флоте и в редакции газеты «Красная звезда». Капитан 1 ранга. Как журналист был в горячих точках в Южной Осетии и Абхазии. Автор сборника стихов «Кровоточины», лауреат премии им. А. С. Грибоедова. Главный редактор газеты «Российская кооперация». Член Союза писателей России.

Елена Адинцова и Виктория Семибратская – авторский дуэт писателей из Донецка. Вместе пишут с 2018 года рассказы, повести, романы (фантастика, история, приключения, нон-фикшн). Написано 4 повести, все изданы. Заканчивают работу над романом. В издательстве «Эксмодетство» вышла книга для детей «Художники, прославившие Россию» серии «Великие люди великой страны». Победители международных литературных конкурсов. Члены Союза писателей ДНР и России.

Шмырёв Николай Леонидович – поэт. Родился 3 ноября 1952 года в с. Вязовое Жердевского района Тамбовской области. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова по специальности «экономист». Работал на производстве, в строительстве. Заслуженный строитель России. Избирался депутатом Тамбовской городской Думы и Тамбовской областной Думы. Имеет государственные награды. Автор пяти поэтических сборников, в творчестве преобладает патристическая и романтическая лирика, духовные стихи.

Доровских Сергей Владимирович – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Окончил ТГГУ. Главный редактор журнала «Литературный Тамбов». Автор книг «День твоего имени», «Время Весны», «Шиндэй. Колдун тамбовских лесов» и др. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая Гвардия», «Пересвет», «Подъём», «Губернский стиль» и др. изданиях. Лауреат областной премии имени И. И. Овсянникова. Лауреат премии им. Л. М. Леонова журнала «Наш современник». Лауреат литературного конкурса «В поисках правды и справедливости».

Герасин Виктор Иванович (24.09.1939–5.01.2016) – прозаик, публицист, журналист. Член Союза писателей России. Родился в п. Заметчино Пензенской обл., с 1962 г. проживал в Котовске. Окончил школу рабочей молодёжи, Котовский индустриальный техникум, филологический факультет Мичуринского пединститута. Работал в ДК кинемехаником; преподавал в школе электротехнику, русский язык и литературу. Первая книга – сб. стихотворений «Один денёк»; затем прозаические произведения:

«Не помни зла», «Костёр на снегу», «Час туда – час обратно», «Алёна Большая», «Убит в побеге», «Нравы – норовы». Публицистическое повествование «Местное время» (2003). С 1992 г. редактор котовской газеты «Наш вестник». В 1988–1993 гг. возглавлял областную писательскую организацию. В 1994–1996 гг. руководил пресс-службой областной Думы.

Валерий Шишкин – поэт, бард. Родился 9 окт. 1967 года в г. Горький. Служил в Советской армии, окончил физ.-мат. факультет Тамбовского пединститута. Работал учителем в сельских школах, служил по контракту в Российской армии, работал на заводе, был спасателем поисково-спасательной службы. В армии начал писать стихи, играть на гитаре. Выступал в группе «Площадь К» Тамбовского рок-клуба. Увлекался бардовской песней, туризмом. Участник фестивалей авторской песни, лауреат 38-го Всероссийского Грушинского фестиваля. Издал сборники стихов: «Старые письма», «У раскрытого окна» (2014), «На трубе сидит звезда» (2022).

Кашаева Ирина Павловна – начинающий прозаик. Родилась в 1968 году в деревне Васильево Пичаевского района Тамбовской области. С 1997 года проживает в селе 1-я Иноковка Кирсановского района Тамбовской области. В 1989 году окончила Ярославское медицинское училище по специальности «медицинская сестра». Пишет прозу с 2014 года. Публиковалась в ряде изданий издательского дома «7 Удач».

Татьяна Грац (Анатольева) – прозаик, критик. Родилась в 1996 г. в г. Рассказово Тамбовской области. Основной жанр её произведений – любовные романы и психологические повести. Является автором таких книг, как «Девушка с Китом», «Я тебя слышу», «Я справлюсь», «Сонька», «Недописатели» и др.

Алла Краснова – прозаик. Родилась в Таллине в 1983 году. В 2008 году окончила Литинститут имени Горького (мастерская В. И. Гусева), получив специальность – «литературный работник». Пишет детективы в пастельных тонах и приключенческую ироничную прозу. Также писательницу интересуют вопросы творчества, этой теме посвящены такие книги, как «Тренажёр для писателя», «Быть писателем».

Дашкова Вера Николаевна – поэт. Родилась в 1988 г. в дер. Успеновка Инжавинского района Тамбовской области. Окончила филфак ТГУ имени Г. Р. Державина. Публиковалась в сборнике инжавинских авторов «Откровение», журнале «Веретено», газетах «Тамбовская жизнь», «Притамбовье», есть странички на порталах «Стихи.ру» и «Проза.ру».

Содержание

ЭПИГРАФ

Елена Луканкина. «Уходит солнце по реке...» *Стихи* 3

ПРОЗА

Анатолий Гончар. Портрет на фоне века. *Главы из повести* 4

Владимир Селивёрстов. Рейд. *Повесть* 80

ПОЭЗИЯ

Елена Луканкина. Над Невой – рдеющая просинь. *Стихи* 67

Юрий Беридзе. Не проси у Бога много... *Стихи* 124

Николай Шмырёв. Мы прорастём могильными крестами... *Стихи* 138

ДОНБАСС

Елена Адинцова, Виктория Семибратская. Возвращение. *Рассказ* 132

ЮБИЛЕЙ

Мария Знобищева. «Я счастливой родилась на свет...». *Очерк к юбилею
Валентины Тихоновны Дорожкиной* 74

ПРАВОСЛАВНОЕ

Сергей Доровских. Рождественские истории. *Рассказы* 142

ИМЕНА

Татьяна Маликова. Виктор Иванович Герасин – «Здравствуй, это я!»
Воспоминания о большом писателе 149

Виктор Герасин. Лошадь. *Рассказ* 151

НОВЫЕ ЛИЦА

Валерий Шишкин. Всё начинается с мечты... *Стихи* 158

Татьяна Грац, Алла Краснова. Недописатели. *Главы из романа* 164

Ирина Кашаева. Мне не больно. *Новелла* 210

Вера Дашкова. Сочинение на тему, какое моё впечатление
об этой земле. *Стихи* 217

АВТОРЫ

Краткая информация об авторах 221

ГАЛЕРЕЯ

Фотоработы Павла Петручука. Далёкое – близкое

Подписано в печать 11.11.2024 г.
Формат 100x70 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 18,2.
Тираж 150 экз. Заказ № 1286.

Отпечатано в ООО «ТПС»
e-mail: info@tps68.ru сайт: tps68.ru

Далёкое – близкое

Фотоработы Павла Петручука

Да здравствует коммунизм!

С урожаем!

Народ

Художник у картины

Музыканты в селе

Руководитель

Стройотряд. За водой

Литераторы на сцене

На переправе

Помощники подрастают

Уборочнаястрада

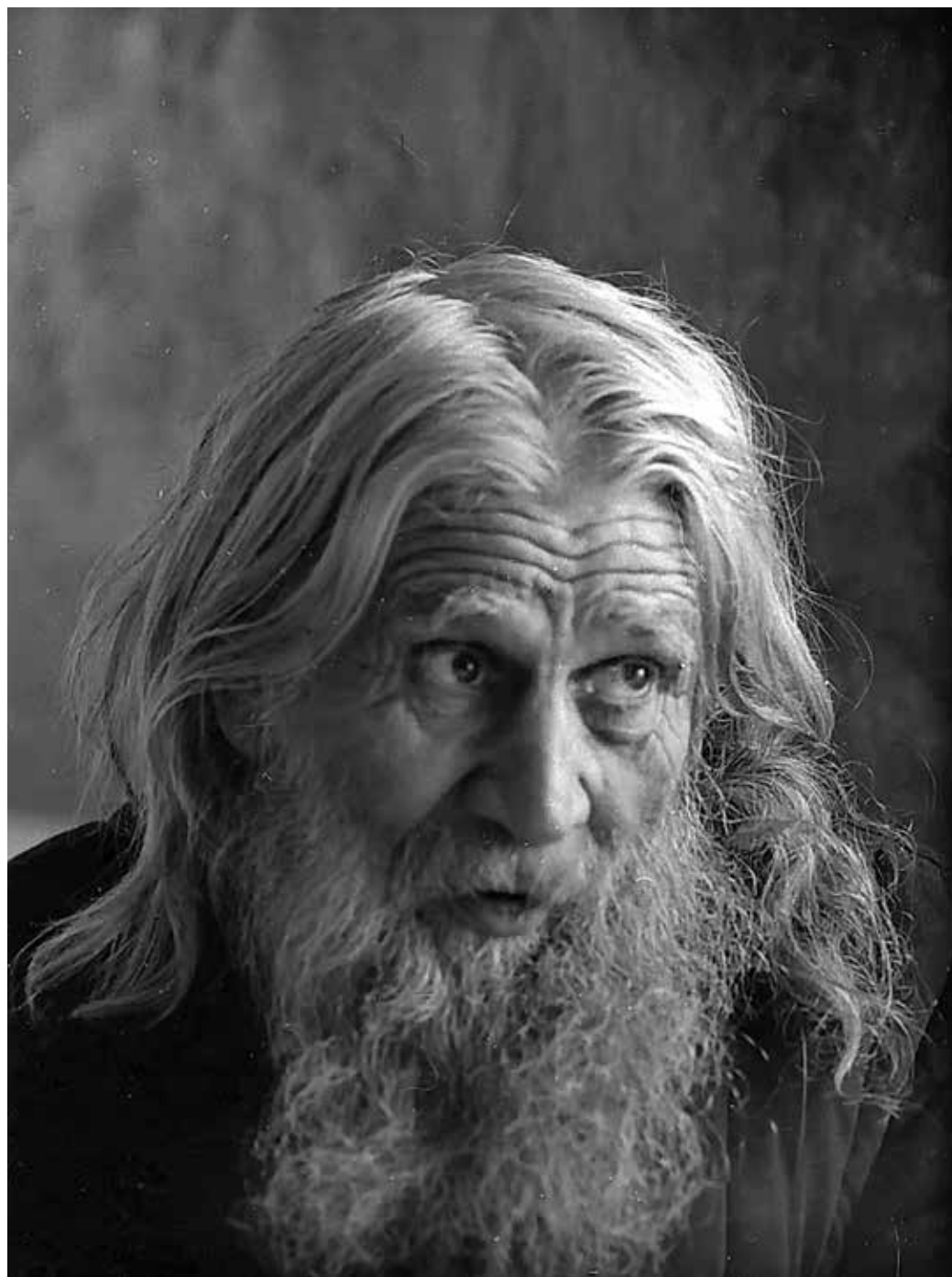
Звёздный комбайн

В деревне

В полях

Старец